Sovremennik, 14 3

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ, СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

39

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXXIX.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2157

УЧАСТЬ И ГИБЕЛЬ РИМСКОЙ ФАМИЛІИ ЧЕНЧИ.

Отъ редакціи Современника. Въ прошлогоднемъ Современникѣ помѣщенъ былъ романъ *Датскаго* писателя *Андерсена*, написанный подъ вліяніемъ южнаго неба и взятый изъ нравовъ Италіи, очаровавшей поэта-путешественника. За нѣсколько лѣтъ до Андерсена посѣтилъ южную Европу другой не менѣе замѣчательный представитель Скандинавской литературы, *Шведскій* поэтъ *Никандеръ*. Любопытные могутъ найти о немъ нѣсколько извѣстій въ т. XIV Современника (стран. 14 и 19 *перв. нумер.*). Тамъ между прочимъ сказано, что Никандеръ умеръ въ 1839 году, и что однимъ изъ плодовъ его путешествія по Италіи было сочиненіе: *Гесперидı.* Въ этой книгѣ, состоящей какъ изъ стиховъ, такъ и изъ прозаическихъ статей, особенно занимателенъ расказъ о судьбѣ прославившагося несчастіями семейства *Ченчи.* Никандеръ началъ-было романъ въ стихахъ, касавшійся этаго предмета; но пребываніе въ Римѣ перемѣнило его мысли. Трагическое событіе, до тѣхъ поръ извѣстное ему только отчасти, по неполнымъ и невѣрнымъ расказамъ путешественниковъ, гораздо болѣе заинтересовало его теперь, когда онъ находился на самомъ мѣстѣ событія. Прилежные поиски въ библіотекахъ вскорѣ показали ему, что планъ продолженія упомянутаго

поэтическаго отрывка не годится, какъ несогласный съ истиною, и авторъ предпочелъ заняться составленіемъ полнаго и достовѣрнаго описанія ужасной судьбы фамиліи Ченчи.

Будучи убѣжденъ, что дѣло говоритъ само за себя, и что искуственныя прикрасы, вмѣсто того, чтобы способствовать къ занимательности расказа, только бы повредили ему, авторъ придерживался простой исторической истины, и во многихъ мѣстахъ слово въ слово передавалъ текстъ манускриптовъ, которыми пользовался *; въ другихъ онъ вставлялъ историческіе факты и поясненія, которые казались ему нужными для сѣверныхъ читателей. Мы полагаемъ, что и для Русской публики любопытно будетъ познакомиться съ этимъ трудомъ Никандера.

❋

Ужасною жизнію, какую велъ Римскій дворянинъ Франческо Ченчи, онъ погубилъ не только самаго себя, но и многихъ другихъ, даже собственное свое семейство. Онъ происходилъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Римѣ. Отецъ его, Никола Ченчи, былъ казначеемъ во время Папы Пія V, и оставилъ своему единственному сыну и на-

* Вотъ главные источники, служившіе ему руководствомъ. 1. Древній Римскій манускриптъ, подъ заглавіемъ: *Uita, Processo e Morte della Famiglia Cenci, seguita in Roma, l'anno 1599.* 2, Другая, гораздо менѣе подробная рукопись, которая въ неполномъ и безсвязномъ видѣ была напечатана библіотекаремъ Ватиканской библіотеки, монсиньоромъ Анджело Маіо. 3. Изданныя на Латинскомъ языкѣ разсужденія и защитительныя рѣчи адвоката Просперо Фариначчи.

слѣднику такое огромное богатство, что годовой доходъ его составлялъ болѣе 80,000 скуди. Къ-тому же Франческо еще въ молодости женился на чрезвычайно-богатой дѣвушкѣ, съ которою прижилъ семерыхъ дѣтей. Когда она умерла, Ченчи женился во второй разъ на синьорѣ Лукреціи Петрони; но этотъ бракъ былъ бездѣтенъ. Самый тяжкій грѣхъ Франческо заключался въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ Бога. Бывши три раза обвиненъ въ неуваженіи Церкви и уклоненіи отъ Причастія, онъ долженъ былъ заплатить пеню въ 200,000 скуди. Во всю жизнь онъ ничего добраго не сдѣлалъ. Своихъ несчастныхъ дѣтей Франческо ненавидѣлъ отъ всего сердца, хотя они были еще такъ малы, что никакъ не могли огорчать его. Они и послѣ не давали ему повода лишить ихъ любви отцовской; но, наконецъ, онъ варварскимъ своимъ обращеніемъ съ ними заглушилъ въ нихъ естественныя чувства уваженія и привязанности къ родителямъ.

Чтобъ избавиться отъ сыновей своихъ, онъ троихъ старшихъ, Джакомо, Кристофоро и Рокко, отправилъ на воспитаніе въ Саламанку, но не доставлялъ имъ и самаго необходимаго. Нѣсколько разъ они просили у него денегъ, но онъ даже не отвѣчалъ имъ. Напослѣдокъ они принуждены были оставить Испанію и воротиться на родину. Въ дорогѣ питаясь милостынею, они съ трудомъ добрались до Рима; отецъ принялъ ихъ съ гнѣвомъ и грозилъ, что сгонитъ ихъ со двора и не будетъ ни кормить, ни одѣвать ихъ.

Съ 1592 года на престолѣ папскомъ былъ Климентъ VIII изъ рода Альдобрандини. Отверженные сыновья Франческо Ченчи обратились къ нему съ просьбою о заступничествѣ. Папа велѣлъ безжалостному отцу назначить на содержаніе сыновей опредѣленную сумму. Получивъ ее наконецъ, они выѣхали изъ его дома.

Между-тѣмъ Франческо по-прежнему показывалъ самую грубую и утонченную жестокость въ обращеніи какъ съ своею женою, такъ и съ обѣими дочерьми и съ младшими сыновьями. Вообще онъ поведеніемъ своимъ ругался надъ всѣми законами, гражданскими и нравственными. Наконецъ за разныя преступленія посадили его въ тюрьму. Тутъ сыновья его подали Папѣ просьбу, чтобы онъ изъ милосердія присудилъ къ смерти отца ихъ, который безчеститъ ихъ имя и родъ.

Папа, которому деньги Франческо, вѣроятно, были нужнѣе его жизни, очень разгнѣвался на жестокое требованіе сыновей его. Франческо опять примирился съ правосудіемъ посредствомъ пени въ 100,000 скуди, и былъ выпущенъ на свободу. Это довело до высшей степени ненависть его къ дѣтямъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто показывалъ имъ дружбу или состраданіе. Не проходило дня, чтобы онъ не осыпалъ ихъ упреками и не изливалъ своей злости на всѣхъ — малыхъ и большихъ, когда и гдѣ бы онъ съ ними ни встрѣчался. Старшая дочь, въ отчаяніи отъ всѣхъ ужасовъ, которые она испытывала или видѣла, обратилась наконецъ къ Папѣ

съ трогательною жалобою на бѣдственное свое положеніе, и просила его располагать ея судьбою, какъ онъ хочетъ, только бы ей избавиться отъ власти отца: она предоставляла ему выдать ее замужъ, или запереть въ монастырь. Самая мрачная темница (какъ она писала) была бы для нея отраднымъ прибѣжищемъ и святилищемъ въ сравненіи съ тѣмъ вертепомъ порока, въ которомъ она безнадежно страдала. Его Святейшество былъ тронутъ мольбою дѣвушки, и вскорѣ отдалъ ея руку синьору *Карло Габріэли*, дворянину изъ Гоббіо. Не смѣя противиться рѣшительному приказанію строгаго Папы, Франческо для виду далъ свое согласіе на замужство дочери; но, изъ опасенія, чтобы младшая дочь Беатриче не увлеклась примѣромъ сестры и не вздумала поступить такимъ же образомъ, или убѣжать изъ дому, онъ заперъ ее въ одну изъ внутреннихъ комнатъ палаццо, и ключь взялъ къ себѣ. Онъ самъ носилъ ей каждый день скудную пищу и былъ вмѣстѣ ея обвинителемъ, судьею и тюремщикомъ. Долго держалъ онъ несчастную взаперти. Онъ часто навѣщалъ ее то днемъ, то ночью; но каждое его посѣщеніе было для нея новымъ страданіемъ. Онъ осыпалъ ее ужаснѣйшими ругательствами и упреками, билъ, и наконецъ удалялся въ бѣшенствѣ, съ угрозою, что скоро опять придетъ мучить ее еще болѣе. Молодая дѣвушка переносила тѣлесныя и душевныя муки съ изумительною твердостью и изливала свои жалобы только передъ Отцемъ Небеснымъ.

Между-тѣмъ Рокко, одинъ изъ сыновей Франческо, былъ убитъ какимъ-то человѣкомъ изъ Норчины — города Церковной области, а вскорѣ и Кристофоро, второй сынъ, подвергся тойже участи: онъ былъ убитъ Корсиканцемъ. Вмѣсто горести, Франческо показывалъ при этихъ бѣдствіяхъ необузданную радость, и не хотѣлъ пожертвовать ни единымъ баiокко на погребеніе умершихъ сыновей и на панихиды по нимъ. «Радость моя еще не совершенна», говорилъ онъ; «когда послѣдній изъ моихъ дѣтей будетъ лежать въ гробу, я, въ увеселеніе себѣ самому и цѣлому Риму, сожгу фейерверкъ.»

Участь Лукреціи была не многимъ споснѣе судьбы Беатриче. Привязанность ея къ несчастной падчерицѣ вмѣнялась ей въ преступленіе: и та и другая безпрестанно были предметомъ ругательствъ и жестокости Франческо. Опасеніе, чтобы правительство не открыло его козней, заставило его наконецъ возвратить Беатриче нѣкоторую свободу; но она была подъ строжайшимъ присмотромъ—и просьба, которую она, при помощи друзей, подала Папѣ, осталась безъ всякаго отвѣта и дѣйствія. Неизвѣстно даже, дошла ли эта бумага до Папы; но, по крайней мѣрѣ, ея не отыскали въ архивѣ, гдѣ хранятся такіе акты. Франческо, какъ скоро узналъ объ этой попыткѣ дочери, удвоилъ свою ненависть и тиранство, но тѣмъ только ускорилъ погибель своего несчастнаго семейства и свою собственную. Чаша переполнилась.

Въ домъ Ченчи ходилъ одинъ молодой, благородный Римлянинъ, монсиньоръ Гуэрра. Онъ былъ высокаго роста и прекрасенъ собою; въ немъ было что-то гордое и смѣлое, но вмѣстѣ и невыразимо-плѣнительное. Онъ горѣлъ любовію къ Беатриче, которая, достигнувъ полнаго цвѣта молодости, была первою красавицею въ Римѣ, но его, въ такой же мѣрѣ, ненавидѣлъ отецъ ея — и наконецъ онъ рѣшился посѣщать ее только во время отсутствія Франческо. Съ сыновьями его, особенно съ Джакомо, онъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ. Часто, въ сердечныхъ бесѣдахъ, Лукреція и Беатриче изображали передъ другомъ свои заботы и огорченія. Однажды вечеромъ Беатриче подошла къ нему и, сверкая глазами, объявила, что, не находя другаго средства избавиться отъ позора и отчаянія, она вмѣстѣ съ матерью рѣшилась убить Франческо какъ изверга, котораго она не можетъ почитать отцемъ своимъ, и который звѣрскою своею жизнію расторгнулъ всѣ связи съ родными и съ человѣчествомъ. Вмѣсто того, чтобы стараться отговорить невѣсту отъ ужаснаго намѣренія, Гуэрра съ жаромъ принялся ободрять ее и обѣщалъ всѣми силами содѣйствовать къ исполненію плана. Но Беатриче сказала, что она ничего не предприметъ, пока не посовѣтуется съ Джакомо, котораго во всемъ слушается какъ старшаго брата, тѣмъ болѣе, что онъ самъ отецъ семейства. Джакомо, узнавъ объ ея намѣреніи, изъявилъ свое согласіе — и съ этой минуты погибель Франческо была рѣшена.

Найти людей, готовыхъ служить орудіями къ исполненію плана, было нетрудно, потому-что число ненавидѣвшихъ Франческо было такъ же велико, какъ и число знавшихъ его. На этотъ конецъ выбрали двоихъ изъ бывшихъ подчиненныхъ Франческо: однаго звали Марціо, другаго — Олимпіо; послѣдній, по требованію Франческо, былъ прогнанъ синьоромъ Марціо Колонна изъ Рокка ди Петрелла, зàмка, принадлежавшаго этому вельможѣ и гдѣ Олимпіо занималъ должность кастеллана. Эти два человѣка взялись за ужасное предпріятіе, которое, по составленному заговорщиками плану, было приведено въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ.

Франческо Ченчи, по приглашенію синьора Марціо Колонна, намѣревался со всѣмъ своимъ семействомъ провесть лѣто 1598 года въ зàмкѣ Петрелла, прекрасно расположенномъ близъ города Таліакоццо и очаровательнаго озера Фучина. Было опредѣлено нанять шайку изъ десяти или двенадцати разбойниковъ, которая должна была расположиться въ лѣсу вокругъ зàмка; послѣ чего разбойники, будучи напередъ увѣдомлены о времени прибытія синьора Франческо, должны были схватить его и не выпускать, пока онъ не заплатитъ огромнаго выкупа. Сыновья его между-тѣмъ поѣхали бы обратно за требуемою суммою въ Римъ, пробыли бы тамъ долѣе назначеннаго срока — и Франческо такимъ образомъ палъ бы жертвою свирѣпости разбойниковъ. Но планъ этотъ не удался; поставленный на стражу шпіонъ не подоспѣлъ во-время къ разбойникамъ, и

Франческо невредимо прибылъ въ Петреллу. Этимъ господамъ, которые еще нѣсколько времени послѣ того тщетно бродили по лѣсу, скоро наскучило ждать, и они отправились искать добычи въ другой сторонѣ. Тогда родственники Франческо рѣшительно обратились къ Марціо и Олимпіо какъ къ единственному средству спасенія, тѣмъ болѣе, что Франческо, который былъ ужъ очень старъ, почти никогда не отлучался изъ зàмка, и отъ того становился для окружающихъ еще несноснѣе прежняго.

Въ одну ночь Біатриче позвала къ себѣ Марціо и Олимпіо, и обѣщала каждому изъ нихъ по тысячѣ скуди награжденія, если они возьмутся убить Франческо. Треть этой суммы они должны были получить немедленно въ Римѣ отъ монсиньора Гуэрра, къ которому Беатриче дала имъ письмо; другую треть — тотчасъ по совершеніи убійства, и наконецъ третью — по прошествіи извѣстнаго времени. Они были довольны этими условіями, отправились въ Римъ и воротились ко дню, назначенному для предпріятія: это былъ день Рождества Богородицы. Ихъ тайкомъ впустили въ ворота зàмка; но убійство было отложено: Лукреція объявила, что не хочетъ быть вдвойнѣ преступною, осквернивъ кровью день столь священный.

Но въ слѣдующую ночь, 9 Сентября 1598 года, наемнымъ убійцамъ опять было велѣно явиться во внутренніе покои. Ихъ тотчасъ повели въ комнату, гдѣ Франческо, отуманенный дѣйствіемъ опіума, спалъ глубочайшимъ сномъ. Была полночь. Лукре-

ція и Беатриче ожидали развязки въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ разбойники выбѣжали изъ спальни блѣдные и въ сильномъ испугѣ. «Что, кончено?» спросила Беатриче. Они отвѣчали, что видъ спящаго возбудилъ въ нихъ робость и сострадяніе. Двумъ мужчинамъ здоровымъ и крѣпкимъ стыдно, прибавили они, убивать спящаго старика. Тогда Беатриче вырвала у однаго изъ нихъ кинжалъ и съ негодованіемъ воскликнула: «Презрѣнные трусы! Вы говорите, что у васъ недостаетъ духу умертвить спящаго? Какъ же бы вы посмѣли поднять на него руку, если бъ онъ не спалъ? Итакъ, если вы трусите, то я этимъ кинжаломъ сама поражу роднаго отца моего; но знайте, что этотъ ударъ будетъ стоить жизни и вамъ!» Эти громовыя слова устыдили палачей; они воротились въ спальню и молоткомъ вбили спящему Франческо одинъ острый гвоздь въ голову, другой въ шею. Беатриче немедленно заплатила убійцамъ обѣщанную сумму и кромѣ того подарила имъ шитый золотомъ плащъ; послѣ чего они, не будучи замѣчены, оставили за̀мокъ.

Когда Франческо такимъ образомъ былъ лишенъ жизни, изъ него вынули гвозди, и трупъ его стащили къ окну, а потомъ на балконъ, откуда его бросили въ садъ на бузинное дерево, у котораго, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, срѣзаны были всѣ вѣтви, чтобы думали, будто Франческо, который въ ночное время часто прогуливался по этому бал-

кону, почувствовавъ головокруженіе, упалъ на дерево и убился.

Сначала счастіе какъ будто благопріятствовало этому дѣлу. Въ сумерки былъ найденъ безжизненный трупъ — и вѣсть о смерти всѣмъ ненавистнаго человѣка возбудила болѣе радости и смятенія, нежели ужаса. Приближенные Франческо между-тѣмъ показывали глубочайшую горесть; но Беатриче имѣла неосторожность отдать прачкѣ двѣ простыни, запачканныя кровью, объясняя, что извѣстіе о смерти отца причинило ей сильное кровотеченіе.

Франческо былъ похороненъ со всѣми почестями, приличными его званію и богатству. Семейство его въ скоромъ времени переселилось въ Римъ, чтобы тамъ спокойно наслаждаться плодами своего преступленія. Увѣренные въ безопасности и покуда чувствительные только къ свободѣ, такъ дорого купленной, они и не подозрѣвали, что̀ между-тѣмъ происходило въ Неаполѣ.

Судъ небесный конечно рѣшилъ, что это ужасное отцеубійство не будетъ предано забвенію неотомщенное. При Неаполитанскомъ Дворѣ (за̀мокъ Рокка Петрелла лежитъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ) вдругъ пробудились подозрѣнія касательно смерти Франческо. Королевскій коммисаръ былъ отправленъ туда для произведенія слѣдствія. Всѣхъ, кто жилъ въ за̀мкѣ, схватили и повезли въ Неаполь; но, кромѣ расказа прачки о запачканныхъ кровью простыняхъ, полученныхъ отъ Беатриче, не нашлось

никакихъ уликъ или показаній для подкрѣпленія подозрѣній. Прачка между прочимъ замѣтила, что множество крови, равно какъ и свойство пятенъ, возбудили въ ней предположенія, которыя она однако не смѣла никому сообщить.

Это признаніе, разумѣется, усилило подозрѣнія правительства, но въ Римъ еще не приходило приказа арестовать родныхъ убитаго, и младшій изъ сыновей его между-тѣмъ умеръ. Теперь изъ семейства оставались только: Лукреція, Джакомо, Беатриче и Бернардо.

Узнавъ о разысканіи, производимомъ въ Неаполѣ, монсиньоръ Гуэрра немедленно отправилъ людей для умерщвленія Марціо и Олимпіо, гдѣ бы они ни находились. Послѣдняго настигли и убили близъ Терни; но Марціо, виновный и въ другихъ преступленіяхъ, вскорѣ послѣ того былъ пойманъ и въ оковахъ доставленъ въ Неаполь, гдѣ онъ признался во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, между прочимъ и въ участіи, какое принялъ въ убійствѣ Франческо Ченчи, и расказалъ все, какъ было.

Какъ скоро пришло въ Римъ извѣстіе о признаніи Марціо—Джакомо и Бернардо были заключены въ тюрьму Корта-Савелли *. Лукреція и Беатриче содержались подъ стражею въ своемъ палаццо. Марціо былъ отправленъ въ Римъ для дальнѣйшаго изслѣдованія и очной ставки съ обвиненными. Но они всѣ объявили, что никогда не были съ нимъ

* Эта тюрьма находилась у театра Марчелли, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ-послѣдствіи было выстроено палаццо Орсини.

ни въ какихъ сношеніяхъ. «Я вовсе не знаю тебя,» сказала ему Беатриче. Во все продолженіе допросовъ, она показывала такую необыкновенную твердость духа и говорила съ такимъ краснорѣчіемъ, что изумленный и очарованный Марціо отрекся отъ всего, въ чемъ онъ прежде признался, и умеръ въ мученіяхъ пытки, не проговоривъ ни единаго слова.

Непреклонность Марціо, запечатлѣнная смертію, открыла несчастнымъ надежду къ спасенію. Между-тѣмъ на обвиненныхъ пало еще столько сильныхъ подозрѣній, что они, по рѣшенію суда, всѣ четверо были заключены въ Кастель Сантъ-Анджело, гдѣ въ совершенномъ покоѣ провели нѣсколько мѣсяцевъ, пока новое событіе не пробудило вниманія судилища.

Убійца Олимпіа былъ, за какое-то преступленіе, арестованъ, и на допросѣ сознался въ убійствѣ, какое совершилъ по внушенію монсиньора Гуэрра. Тутъ же онъ открылъ все, что зналъ про самаго Олимпіо, къ которому умѣлъ вкрасться въ довѣренность прежде, нежели убилъ его. Судъ немедленно повелѣлъ схватить Гуэрра и посадить въ тюрьму. Но онъ, бывъ осторожнѣе своихъ сообщниковъ, успѣлъ заблаговременно спастись отъ бѣды. Онъ купилъ запачканное платье угольщика, надѣлъ его на себя, подстригъ свои роскошные волосы и вымазалъ сажею свое прекрасное, молодое лицо; потомъ купилъ пару лѣнивыхъ худощавыхъ клячь, взвалилъ на нихъ свои кули съ углемъ и, прихрамывая и поѣдая свой хлѣбъ съ лукомъ, пошелъ по улицамъ

Рима и благополучно вышелъ изъ предѣловъ Церковной области, не будучи узнанъ сбирами, которые искали его и нѣсколько разъ встрѣчались съ нимъ.

Бѣгство Гуэрра еще подкрѣпило сознаніе убійцы, и заключенные были подвергнуты пыткѣ. Братья и мачиха не вынесли истязаній и сознались въ своемъ преступленіи; но Беатриче противостояла всѣмъ мукамъ — и ни въ чемъ не созналась. Почти сверхъестественное мужество ея и краснорѣчіе восторжествовали надъ строгостію и утонченностью суда, такъ что Улиссъ Москати, президентъ его, обратился къ Папѣ со всеподданнѣйшею просьбою рѣшить, что ему дѣлать.

Папа велѣлъ показать себѣ протоколы, веденные при допросахъ, и, изъ опасенія, чтобы Москати, очарованный красотою Беатриче и тронутый ея мужествомъ, не былъ слишкомъ снисходителенъ, онъ возложилъ на другаго должность президента Инквизиціоннаго трибунала.

Новый президентъ велѣлъ произвести еще пытку. Но твердость духа не покидала Беатриче посреди самыхъ жестокихъ и утонченныхъ мученій, какія только находились на роковомъ спискѣ инквизиторовъ. Она не измѣняла себѣ и по-прежнему была тверда и безмолвна до самой той минуты, когда ей надобно было подвергнуться истязанію, которое на Латинскомъ языкѣ Инквизиціи называется *tortura capillorum*. Въ ту минуту, когда должно было рвать съ головы ея длинные, блестящіе волосы, которые

она почитала лучшимъ украшеніемъ молодой дѣвушки, она стала просить, чтобы къ ней впустили Лукрецію и Джакомо.

Просьбу ея исполнили. Когда они вошли и увидѣли несчастную, которую такъ нѣжно любили, измученную, но не побѣжденную ужаснѣйшими страданіями, они залились слезами и съ горячностью стали умолять ее не подвергать себя новымъ, еще ужаснѣйшимъ истязаніямъ. «Милая Беатриче!» воскликнули они, «вѣдь мы дѣйствительно виноваты въ томъ преступленіи, въ которомъ насъ обвиняютъ. Мы во всемъ сознались. Зачѣмъ же тебѣ еще отрекаться и позволять такъ безчеловѣчно обходиться съ тобою»? «Такъ вы хотите», отвѣчала Беатриче, «чтобы наше древнее и благородное имя покрылось вѣчнымъ позоромъ? Зачѣмъ вы, какъ я, не предпочли лучше молчать и умереть въ этихъ стѣнахъ, нежели предъ лицемъ всего Римскаго народа положить голову на плаху?» Одна мысль о предстоящей имъ участи причинила ей сильный нервный припадокъ; однако она скоро оправилась и съ спокойною кротостью продолжала: «Пусть будетъ по-вашему!» Тутъ она обратилась къ палачамъ и съ повелительнымъ взоромъ сказала: «Презрѣнные варвары! снимите съ меня оковы! Я хочу, чтобы мнѣ прочитали всѣ бумаги по этому дѣлу. Потомъ я буду знать, что мнѣ сказать и о чемъ умолчать». Когда кончилось чтеніе, она въ ясныхъ, простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ продикто-

вала свое признаніе и подписала его, не вычеркнувъ и не прибавивъ ни единаго слова.

После этой ужасной и решительной минуты, всехъ преступниковъ повели въ Корта-Савелли, где они, въ большой зале, все вместе обедали. Передъ этимъ, въ продолженіе пяти месяцевъ, несчастные не говорили ни слова другъ съ другомъ, и минуты, которыя имъ было дозволено провести вместе, протекли въ изъявленіяхъ тихой радости и взаимной любви. Но вечеромъ обоихъ братьевъ въ тяжкихъ оковахъ перевели въ тюрьму Тординона *.

Папа, который тщательно разсмотрелъ все вынужденныя у обвиненныхъ признанія и веденные при допросе протоколы, въ первомъ порыве гнева приказалъ, чтобы преступниковъ привязали къ лошадямъ и такимъ образомъ таскали по улицамъ Рима, пока они не умрутъ. Этотъ приговоръ, столь же произвольный, какъ и жестокій, возбудилъ во многихъ кардиналахъ и Римскихъ вельможахъ жалость и негодованіе. Весь городъ показывалъ осужденнымъ столько участія, и такъ громко обнаруживалъ свои чувства, что Климентъ долженъ былъ наконецъ уступить общему голосу. Онъ далъ обвиненнымъ двадцать пять дней сроку для защищенія себя. Искуснейшіе юристы и адвокаты Рима безъ зову явились поборниками за несчастныхъ Ченчи, и приготовили къ предстоящей борьбе все средства, какія могутъ доставить талантъ, знаніе людей

* Въ этомъ самомъ доме теперь находится одинъ изъ первыхъ театровъ Рима, называемый Teatro di Apollo.

даръ слова. Когда ихъ наконецъ вытребовали къ Папѣ, чтобы передъ нимъ защищать преступниковъ, они не допустили устрашить себя ни духовнымъ, ни царскимъ блескомъ, какимъ гордый Климентъ былъ окруженъ, и открыто объявили ему свое убѣжденіе. Николо де Анджелисъ, особенно, выказалъ неподдѣльное краснорѣчіе, проникнутое пламеннымъ чувствомъ. Онъ съ жаромъ и увлеченіемъ защищалъ своихъ кліэнтовъ, когда Папа вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ и, прерывая его, воскликнулъ: «Такъ мало того, что въ нашемъ городѣ, въ столицѣ Христіанской Церкви, находятся отцеубійцы; самые блюстители закона усердно покровительствуютъ имъ. Этаго мы не ожидали». Тутъ Николо де Анджелисъ замолчалъ, и никто уже не смѣлъ открыть рта; но вотъ передъ Папою явился Просперо Фариначчи и сказалъ: «Святой Отецъ! мы пришли сюда не съ тѣмъ, чтобы защищать преступленіе, или возвести зло на степень добродѣтели, но чтобы спасти человѣческую жизнь, если это возможно. Мы попробуемъ, если Ваше Святейшество благоволитъ выслушать насъ». Фариначчи говорилъ четыре часа сряду безъ остановки. Папа слушалъ его съ величайшимъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Онъ оставилъ у себя всѣ бумаги и отпустилъ адвокатовъ. Когда они удалились, къ Папѣ воротился нѣкто Альтіери. Онъ также сказалъ нѣсколько словъ въ защиту обвиненныхъ. «Святой Отецъ!» воскликнулъ онъ, бросившись къ ногамъ Папы, «мой долгъ требовалъ, чтобы я, какъ адвокатъ бѣдныхъ, возвысилъ сегодня голосъ. Про-

ту Ваше Святейшество не гнѣваться за то на меня». «Богъ съ тобою,» отвѣчалъ Папа; «*тебѣ* мы не удивляемся, но удивляемся другимъ».

Рѣчь Фариначчи между-тѣмъ произвела на Папу такое впечатлѣніе, что онъ всю слѣдующую ночь провелъ безъ сна съ кардиналомъ Сан-Марчелло, и снова велѣлъ прочитать себѣ всѣ акты и письменныя защищенія адвокатовъ. На утро онъ сказалъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ видно было, что гнѣвъ его смягчился. Это извѣстіе, переходя изъ устъ въ уста, распространило въ городѣ основательную, какъ казалось, надежду на спасеніе фамиліи Ченчи. Прошло нѣсколько дней; участь ея еще все не была рѣшена, и мысль, что обвиненные будутъ помилованы, все болѣе укрѣплялась.

Но 10-го Сентября, когда Папа находился въ Квиринальскомъ дворцѣ, на Monte Cavallo, куда онъ переселился за нѣсколько дней, чтобы въ церкви Santa Maria degli Angeli посвятить въ званіе епископа какаго-то кардинала, ему донесли, что донна Костанца Санта Кроче въ Субіако была убита своимъ сыномъ за то, что не хотѣла назначить его единственнымъ своимъ наслѣдникомъ — и что убійца поспѣшнымъ бѣгствомъ избавился отъ рукъ правосудія. Тутъ Папа запылалъ новымъ гнѣвомъ. Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ тогдашняго Римскаго губернатора, Ферранте Таберна, и сказалъ ему: «Мы отдаемъ въ ваши руки дѣло Ченчи, и повелѣваемъ обвиненныхъ немедленно подвергнуть заслуженому наказанію». Таберна поспѣшилъ

домой. Уголовный судъ приговорилъ преступниковъ къ смерти—и на слѣдующій день, въ субботу, приговоръ долженъ былъ исполниться. Этотъ указъ привелъ всѣхъ въ ужасъ и содроганіе. Къ Папѣ со всѣхъ сторонъ приступили съ просьбами, чтобы по крайней мѣрѣ Лукреція и Беатриче были избавлены отъ всенародной казни и пятнадцатилѣтній Бернардо исключенъ изъ всеобщаго кроваваго приговора. Кардиналъ Сфорца употребилъ все свое вліяніе, чтобы исходатайствовать облегченіе. Напрасно! Климентъ оставался непоколебимъ.

Такъ-какъ надобно было приступить со всевозможною поспѣшностью къ приготовленіямъ для предстоящаго кроваваго событія; то приговоръ былъ прочитанъ осужденнымъ не прежде, какъ поздно вечеромъ. Когда вошли судьи, они отдыхали. Лукреція осталась спокойна и выпросила позволеніе немедленно итти въ капеллу, чтобы приготовиться къ смерти. Беатриче зарыдала и почти обезумѣла. Она потрясала стѣны тюрьмы своими ужасными воплями, а когда прерывала ихъ, то говорила такъ сильно и увлекательно, какъ вдохновенная Сивилла. Духовныя лица, находившіяся при несчастной для приготовленія ея къ смерти и принятія послѣдней воли ея, отзывались въ-послѣдствіи, что если бы Папа видѣлъ ее въ эту минуту и слышалъ, что̀ она говорила, у него не стало бы духу присудить ее къ смерти. Но она скоро успокоилась, и съ этой минуты показывала своимъ роднымъ примѣръ Христіанскаго смиренія и покорности.

Беатриче велѣла написать свою духовную и, изъявивъ желаніе, чтобы ее похоронили въ церкви Санъ-Піетро-инъ-Монторіо, отказала пятнадцать тысячь скуди Конгрегаціи Святыхъ Ранъ. Другою бумагой она завѣщала, чтобы сумма, назначенная ей въ приданое, выдана была пятидесяти бѣднымъ дѣвушкамъ при ихъ замужствѣ. Такъ, у преддверія гроба, сердце ея было исполнено усладительными чувствами любви и благотворительности.

По духовной Лукреціи пожертвованы были значительныя суммы на благочестивыя учрежденія и для бѣдныхъ. Она пожелала, чтобы ее похоронили въ церкви Сан-Грегоріо.

Все это однако составляло ничтожную частицу огромнаго имѣнія Ченчи. Вѣроятно, что Папа, который наслѣдовалъ достояніе несчастныхъ, самъ назначилъ сумму, какою они могли располагать передъ смертію.

Въ осьмомъ часу ночи Лукреція и Беатриче исповѣдались, выслушали обѣдню и причастились Св. Таинъ. Потомъ Беатриче занялась приготовленіемъ одежды, какую сама и мать ея хотѣли надѣть въ день смерти. Она заказала себѣ сѣрое шелковое платье, совсѣмъ закрытое, въ родѣ одежды монахинь, съ глубокими складками и широкими рукавами. Лукреція велѣла себѣ сшить подобное же платье изъ черной шерстяной матеріи Кончивъ эти распоряженія, Беатриче воротилась въ свою комнату. Тутъ она провела остатокъ ночи въ темнотѣ, одна и въ

горячихъ молитвахъ. Когда разсвѣло, она опять воротилась къ Лукреціи. Мать и дочь съ нѣжною заботливостью помогали другъ другу надѣть на себя предсмертный нарядъ. Окружавшія ихъ монахини, вмѣсто того, чтобы утѣшать ихъ, рыдали, и только въ изумительной твердости страдалицъ находили нѣкоторое подкрѣпленіе.

Духовныя лица, присутствовавшія при чтеніи приговора Джакомо и Бернардо, въ тюрьмѣ Тординона, расказывали, что Джакомо выслушалъ его съ величайшимъ спокойствіемъ, и говорилъ съ такою энергіею и въ то же время съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто бы онъ уже давно приготовился къ предстоявшей ему участи. Что касается до Бернардо, то онъ, увидѣвъ вокругъ себя столько незнакомыхъ людей и услышавъ, что ему надобно умереть, бросился на колѣна передъ нотаріусомъ, который держалъ въ рукахъ приговоръ, сложилъ руки и произнесъ множество невнятныхъ словъ, изъ которыхъ можно было только понять, что онъ призывалъ въ свидѣтели Бога. Между-тѣмъ духовенство начало одѣвать его; онъ отдался въ руки безъ малѣйшаго сопротивленія, и былъ болѣе мертвъ, нежели живъ. Оставилъ ли Джакомо духовную, или нѣтъ—объ этомъ не упомянуто ни въ одномъ изъ сохранившихся документовъ.

Поутру 11 Сентября 1599 года Римляне увидѣли на Піацца ди Понте Сантъ Анджело эшафотъ съ подъятымъ топоромъ. Годъ со днемъ прошелъ отъ времени убійства Франческо Ченчи.

Въ этотъ самый день, Папа, рано поутру, отправился въ одинъ изъ ближайшихъ увеселительныхъ замковъ. Когда онъ садился въ карету, передъ нимъ вдругъ явился Просперо Фариначчи. «Святой Отецъ»! воскликнулъ онъ; «законъ произнесъ свой приговоръ надъ преступниками, и когда закрыты врата милосердія, не мнѣ ничтожному существу призывать состраданіе Вашего Святейшества на виновныхъ. Но между осужденными есть одинъ невинный. Это молодой Бернардо Ченчи. Надъ нимъ законъ не имѣетъ никакой власти. Я требую для него правосудія, а не милосердія. Я возлагаю его жизнь и кровь на совѣсть Вашего Святейшества». При этихъ словахъ сердце Папы затрепетало. Онъ потребовалъ къ себѣ губернатора и сообщилъ ему послѣднее свое рѣшеніе.

Въ девять часовъ по полуночи Братья Милосердія пришли въ тюрьму Тординона. Впереди несли Святое Распятіе, передъ которымъ шелъ человѣкъ съ зажженою восковою свѣчею. Когда Джакомо и Бернардо были приведены къ прокуратору-фискалу, онъ, обратившись къ Бернардо, сказалъ: «Синьоръ Бернардо Ченчи! Святой Отецъ даруетъ вамъ жизнь; но ему угодно, чтобы вы проводили вашихъ сродниковъ къ эшафоту и, видя ихъ кончину, молились Богу за души ихъ». Услышавъ это, духовенство очень обрадовалось. Тотчасъ возвращенъ былъ тюремщику образъ Мадонны, который Бернардо держалъ въ рукахъ. Этотъ образъ былъ тотъ самый, который написалъ Микель Анджело Буонаротти и который

онъ подарилъ Братству Милосердія для осужденныхъ на смертную казнь. Между-тѣмъ Бернардо долженъ былъ сѣсть на тѣлегу, слѣдовавшую непосредственно за тою, на которой повезли Джакомо. Процессія миновала Св. Аполлинарія, потянулась черезъ Піацца Навона къ С. Пантелео, потомъ черезъ Кампо ди Фіори, и наконецъ остановилась передъ Корта-Савелли, чтобы взять Лукрецію и Беатриче.

Онѣ скоро явились и пожелали пройти послѣдній путь свой пѣшкомъ. На головѣ у нихъ были длинныя, до ногъ ниспадавшія покрывала, которыя однако не мѣшали видѣть лицо. Покрывало Беатриче было сѣрое кисейное, шитое серебромъ; на ней были также фіолетовый корсажъ и бѣлые башмаки. Руки у матери и у дочери были слегка скованы; но кисти рукъ свободны. Въ одной рукѣ онѣ держали Распятіе, а въ другой носовой платокъ. Воротники на нихъ были обшиты драгоцѣнными кружевами. Блестящіе, выразительные глаза Беатриче останавливались на предметахъ съ спокойствіемъ, и были вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ ея души. Каждый разъ, когда она проходила мимо церкви, она останавливалась, падала на колѣна и молилась громко.

Когда шествіе достигло площади, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ, приговоренныхъ повели въ капеллу. Тутъ они выслушали короткую обѣдню. Джакомо и Бернардо первые взошли на эшафотъ. Бернардо упалъ въ обморокъ. Когда онъ пришелъ

въ себя, его посадили на стулъ подлѣ несчастнаго брата.

Лукреціи, которую положено было казнить прежде всѣхъ, обнажили грудь и плеча, и связали на спину руки. Стыдъ стоять въ такомъ положеніи передъ всѣмъ народомъ, и видъ блещущаго топора, висѣвшаго надъ ея головою, вынудили у нея горькія слезы. «О Боже!» воскликнула она, «помилуй меня!» Въ эту самую минуту три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили Папѣ, что пробилъ часъ казни. Онъ оплакалъ участь несчастнаго семейства, поднялъ къ небу руки и отпустилъ приговореннымъ всѣ грѣхи ихъ. Они отъ имени его приняли разрѣшеніе на эшафотѣ

Глубокое и торжественное молчаніе водворилось въ собравшейся толпѣ народа. Только иногда оно было прерываемо мольбами и восклицаніями скорби и ужаса, которыя, смѣшиваясь съ послѣдними вздохами умирающихъ, возносились къ престолу милосердаго Бога.

Когда покатилась голова Лукреціи, народъ содрогнулся отъ ужаса. Отдѣлившись отъ туловища, голова три раза отпрянула отъ земли, губы шевелились, какъ будто продолжая начатую молитву. Палачь показалъ ее толпѣ, и завернулъ въ шелковый платокъ; послѣ чего ее вмѣстѣ съ туловищемъ положили въ гробъ.

Въ наступившемъ тутъ междодѣйствіи случилось плачевное событіе другаго рода: часть подмостковъ, покрытыхъ людьми, обрушилась. Че-

тыре человѣка ушиблись до смерти, другіе переломили руки и ноги. Въ толпѣ произошло сильное движеніе; давка и смятеніе еще увеличились.

Теперь была очередь Беатриче. Ее вывели изъ капеллы, и вотъ она взошла на эшафотъ, стала на колѣна передъ Распятіемъ и молилась яснымъ и твердымъ голосомъ: «Богъ и Спаситель мой! Ты на крестѣ испустилъ духъ. Ты принесъ кровь свою на жертву грѣшному человѣку. Одна капля ея была пролита и за меня. Милосердіе твое — единственная моя надежда.» Потомъ она протянула руки палачу, чтобы онъ связалъ ихъ, и сказала: «Ты связываешь мои члены за грѣхи мои; но ты освобождаешь мою душу отъ земныхъ оковъ.» Потомъ, возведя къ небу исполненный благоговѣнія взоръ, прибавила: «Іисусъ! даруй мнѣ миръ вѣчный!» Послѣ того, она сама легла на плаху, спокойно и непринужденно, еще и въ послѣднюю минуту сохраняя природную грацію и благороднѣйшее украшеніе дѣвушки — скромность.

Топоръ опустился — и прекраснѣйшая голова въ Римѣ покатилась по землѣ. Когда палачь показалъ ее народу, лице Беатриче было блѣдно, но сохранило всю свою прелесть; кроткая улыбка озаряла его. Глубокіе вздохи и восклицанія жалости слышались въ народѣ, цѣпенѣвшемъ отъ ужаса. Тѣло и голову положили въ гробъ.

Смерть возлюбленной сестры причинила Бернардо новый обморокъ. Его привели въ чувство уксу-

сомъ и духами. Несчастный еще не осушилъ чаши страданій. Новые ужасы предстояли ему.

Оставался Джакомо. Онъ выступилъ твердыми шагами—и вотъ съ него сняли черное платье. Потомъ обнажили растерзанную грудь его и руки. Онъ съ нѣжнымъ и твердымъ взглядомъ обратился къ Бернардо и сказалъ ему такъ громко, что народъ могъ слышать: «Любезный братъ! я повторяю то, что уже прежде торжественно объявилъ: признаніе, будто ты участвовалъ въ нашемъ преступленіи, вынужденное истязаніями, было ложно. Здѣсь, гдѣ я стою съ тѣмъ, чтобы чрезъ минуту предстать къ престолу Всевышняго, я клянусь именемъ всѣхъ святыхъ, что ты невиненъ, истинно невиненъ, и что неслыханно-жестоко было привести тебя сюда и осквернить твою чистую душу такимъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Но Богъ, который воздаетъ каждому должное, отмститъ несправедливость, какую ты терпишь. Прости намъ, братъ! прости! и моли Бога за несчастныхъ твоихъ сродниковъ!»

Это были послѣднія слова Джакомо. Онъ упалъ на колѣна. Палачь завязалъ ему глаза и оковалъ ноги. Потомъ онъ желѣзнымъ жезломъ ударилъ его въ високъ. Въ слѣдующую минуту тѣло несчастнаго было разрублено на четыре части.

Когда все было кончено, монахи опять отвели въ тюрьму молодаго Бернардо, обагреннаго кровію родныхъ. Онъ страдалъ ужасными судорогами и заболѣлъ горячкою, такъ-что мало остава-

лось надежды на выздоровленіе. Между-тѣмъ онъ еще былъ живъ въ слѣдующій вторникъ. Тогда братство Сан-Марчелло, которое пользовалось правомъ, при отправленіи годоваго праздника въ Базиликѣ Санта Кроче, выкупать однаго заключеннаго, освободило Бернардо изъ тюрьмы, обязавшись внести, въ теченіе года, двадцать пять тысячь скуди въ госпиталь Св. Троицы, у Понте Систо. Поприще его, начавшееся такими ужасными сценами, не могло не быть тяжко. О дальнѣйшей участи его ничего неизвѣстно. Самое имя его какъ будто исчезло съ 11 Сентября 1599. Въ числѣ Римскихъ дворянъ, сопровождавшихъ Королеву Христину, при торжественномъ въѣздѣ ея въ Римъ, Гуальдо упоминаетъ о какомъ-то Серафино Ченчи; но вѣроятно онъ принадлежалъ къ какой-нибудь дальней отрасли фамиліи, нѣкогда столь богатой и знатной.

Тѣла Лукреціи и Беатриче были къ вечеру выставлены на мосту Сантъ Анджело, подъ статуей Св. Павла, откуда они Милосердыми Братьями были отнесены въ монастырь. Монахини и набожныя Сестры одѣли ихъ. Беатриче облачили въ бѣлое блестящее платье, а на голову ей положили вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Конгрегація Святыхъ Ранъ, всѣ монахини Францисканскаго ордена и сироты, воспитавшіеся на иждивеніи города, сопровождали ее длинной процессіей, при освѣщеніи пяти сотъ факеловъ, въ послѣднее ея жилище, которое она

сама себѣ назначила, именно: Церковь San-Pietro in Montorio.

Земные останки Лукреціи, сопровождаемые многочисленнымъ поѣздомъ, въ то же время отвезены были, при свѣтѣ множества факеловъ, въ Церковь San Gregorio, или, по другому извѣстію, въ San Giorgio in Velabro. Изувѣченные члены Джакомо, которые собрали и покрыли богатымъ платьемъ, достойнымъ его предковъ, были положены въ гробъ изъ кипарисоваго дерева и погребены въ капеллѣ Сан-Томазо, которую отецъ его выстроилъ близъ палаццо Ченчи. Этотъ палаццо до сихъ поръ еще стоитъ на такъ называемой площади Ченчи и близъ церкви, посвященной плачущей Мадоннѣ.

Весь Римъ собрался, чтобы посмотрѣть на великую трагедію, продолжавшуюся безъ малаго три часа. Улицы кипѣли народомъ, особенно тѣ, которыя прилегаютъ къ Піаццо ди Понте Сант-Анджело; оттуда тянулась длинной стѣною плотная масса людей по Орсо, Монте Джордано, де Фіорентини и Банки. Лошади и экипажи еще увеличивали давку и суматоху. Крыши домовъ, балконы, окна, самая крѣпость Сант-Анджело были покрыты зрителями. Множество людей было передавлено: нѣкоторые возвратились домой въ сумасшествіи, или въ сильной горячкѣ, отъ которой они въ скоромъ времени умерли.

Лукреціи Ченчи было около пятидесяти лѣтъ отъ роду; росту она была невысокаго, но довольно полна. У нея были красивыя черты лица, черные

глаза и волосы — последніе однако не слишкомъ длинные. Когда ей было тридцать лѣтъ, она считалась еще одною изъ первыхъ красавицъ въ Римѣ.

Беатриче, которой еще не исполнилось двадцати лѣтъ, описываютъ какъ чудо красоты * Длинные и блестящіе каштановые волосы осѣняли прекраснѣйшій лобъ и роскошными волнами спадали на лебединую шею. Черные глаза ея блистали умомъ и были обворожительны. Она была средняго роста, но необыкновенно-хорошо сложена.

Джакомо былъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Цвѣтъ лица у него былъ блѣдный, волосы и борода черные; осанка его отличалась благородствомъ и всѣ его пріемы пріятнымъ сочетаніемъ важности съ простотою. Если бы безчеловѣчный отецъ его позаботился объ его воспитаніи, онъ бы, по мнѣнію современныхъ писателей, свѣтлымъ умомъ своимъ заслужилъ уваженіе въ томъ народѣ, который теперь былъ свидѣтелемъ позорной смерти его.

Бернардо, который всѣхъ ихъ пережилъ, едва

* Въ палаццо Барберини авторъ видѣлъ двѣ прекрасныя картины, представляющія Лукрецію и Беатриче Ченчи: первая работы С. Гаэтано, вторая — какъ говорятъ — Гвидо Рени. У Лукреціи черные глаза, взоръ пламенный и полный величія; черные волосы расположены на лбу въ видѣ діадемы. На ней черное бархатное платье и бѣлое покрывало. Въ палаццо Спада находится еще другой портретъ Беатриче; но онъ не только несравненно ниже портрета въ палаццо Барберини въ отношеніи къ живописи, но и не соотвѣтствуетъ описанію, какое современники юной, несчастной Римлянки оставили потомству объ ея наружности.

достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, когда увидѣлъ истребленіе всѣхъ родныхъ своихъ. Говорятъ, что онъ былъ живой портретъ сестры Беатриче, съ которою сердце его было соединено узами искреннѣйшей любви.

*

Это случилось на шестдесятъ-четвертомъ году жизни Папы Климента VIII, въ седьмой годъ его правленія. Богатства дома Ченчи перешли въ казну и сдѣлались добычею расточительныхъ племянниковъ Папы. Вилла Боргезе близъ Рима, вилла Альдобрандини близъ Тиволи, нынѣ восхищающія путешественниковъ своею райскою прелестью, построены на кровавомъ полѣ, не говоря о многихъ другихъ помѣстьяхъ и зданіяхъ. Между-тѣмъ послѣднія слова Джакомо Ченчи, кажется, остались не безъ значенія для будущности. «Богу,» говоритъ кардиналъ Бентиволіо, раскакзывая о Клименте VIII, «Богу, Котораго пути столь же справедливы, сколько неисповѣдимы, какъ будто не «угодно было, чтобы родъ его пустилъ корни. Кар-«диналъ Чинтіо Альдобрандини умеръ; пятеро пле-«мянниковъ Папы, между которыми были два карди-«нала—умерли; самъ Климентъ скончался въ горести; «всѣ мужескіе потомки ихъ многочисленной фамиліи «исчезли съ лица земли, и съ ними всѣ права на «блескъ и славу, которые, казалось, были нераз-«лучны съ этимъ гордымъ родомъ.» И онъ писалъ

это вскорѣ послѣ смерти Климента. Скорбь о несчастной ненависти, возгорѣвшейся между Маргаритой Альдобрандини и супругомъ ея Рануччіо ди Парма, отравила послѣдніе дни Папы. Онъ провелъ старость въ одиночествѣ — съ одними воспоминаніями о минувшемъ.

ЮНОШѢ.

Гляжу съ волненьемъ и участьемъ,
Мой добрый юноша, какъ ты
Въ своемъ стремленіи за счастьемъ
Хранишь въ душѣ однѣ мечты.

Будь вѣренъ ихъ очарованью;
Душѣ спасительны онѣ:
И убѣжденью и сознанью
Грозитъ все гибелью извнѣ.

Лишь въ тайномъ лонѣ думъ прекрасныхъ
Твой міръ и вѣченъ и цвѣтетъ:
Ты полонъ чувствъ и мыслей ясныхъ —
И все твое съ тобой живетъ.

* *

13 Іюня,
1845.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА КАСТРЕНА ИЗЪ СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

Имя автора этихъ писемъ, Финляндскаго уроженца г. Кастре́на, извѣстно уже читателямъ Современника. Въ свое время мы обратили вниманіе ихъ на отважное его предпріятіе провести нѣсколько лѣтъ въ сѣверныхъ странахъ по обѣ стороны Уральскаго хребта для изученія тамошнихъ не-Русскихъ племенъ преимущественно въ филологическомъ отношеніи. Окончательною цѣлью этаго путешествія — рѣшить вопросъ: въ какой степени родства при-Уральскіе народы состоятъ съ Финнами, и гдѣ первоначальная родина послѣднихъ? Значительную часть своего предпріятія г. Кастренъ уже исполнилъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ странствовавъ по сѣверной Россіи, онъ прошлаго года возвратился въ Финляндію съ богатымъ запасомъ наблюденій, привелъ ихъ отчасти въ порядокъ и недавно отправился опять въ Сибирь для продолженія своихъ изслѣдованій. Обѣщавъ знакомить нашихъ соотечественниковъ съ любопытными результатами путешествія г. Кестре́на и уже прежде сообщивъ нѣсколько данныхъ изъ его замѣтокъ, мы здѣсь предлагаемъ, съ незначительными пропусками, полный переводъ тѣхъ писемъ его, которыя онъ присылалъ въ Финляндію во время первыхъ двухъ лѣтъ своего многотруднаго странствованія. Переводомъ этимъ

обязаны мы двумъ соотечественникамъ Кастрéна, преимущественно же трудолюбивому г-ну Ю. Л.

Что касается до самаго автора, то онъ заслуживаетъ особенное вниманіе со стороны всѣхъ людей мыслящихъ и конечно займетъ нѣкогда почетное мѣсто въ исторіи Европейской филологіи. Не говоря уже о необыкновенномъ самоотверженіи, какаго требуетъ его предпріятіе, тѣмъ болѣе, что г. Кастрéнъ не можетъ похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ, упомянемъ только о его обширной учености по части языкознанія, о его рѣдкой проницательности въ филологическихъ изъисканіяхъ, наконецъ о его неутомимомъ трудолюбіи и упорномъ постоянствѣ въ преслѣдованіи предположенной цѣли. Нѣкоторымъ свидѣтельствомъ этаго можетъ служить то, что г. Кастрéнъ, при началѣ своего путешествія почти вовсе не знавшій Русскаго языка, возвратился въ прошломъ году съ такими основательными въ немъ свѣдѣніями, что многія части Русской грамматики могъ бы пополнить новыми, иногда очень удачными замѣчаніями. Далѣе, онъ въ краткій промежутокъ отъ перваго своего путешествія до втораго, написалъ на Латинскомъ языкѣ Зырянскую грамматику, за которую удостоился получить половинную Демидовскую премію, приступилъ къ составленію грамматики Черемисской, обработалъ часть Лапландской и сверхъ того началъ излагать грамматику своего роднаго, Финскаго языка — самый любимый и давнишній предметъ его изслѣдованій. Г. Кастрéнъ намѣревается издать со-временемъ и

нѣкоторыя мысли свои касательно Русскаго языка. Взглядъ на отечественное слово иностранца, основательно знающаго почти всѣ нарѣчія Финскихъ племенъ и столько другихъ языковъ, долженъ заключать въ себѣ для насъ много новаго и замѣчательнаго.

Редакц. Современ.

I.

Мезень, 17 Декабря 1842.

— — Вчера я возвратился сюда изъ деревни Сомжи, которая лежитъ въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Мезени. Эту маленькую поѣздку предпринялъ я въ надеждѣ найти тамъ болѣе удобный случай къ изученію Самоѣдскаго языка, нежели въ этомъ городѣ: ни здѣсь, ни въ околоткѣ я рѣшительно не могъ отыскать годнаго для моей цѣли субъекта, т. е. такаго человѣка, который бы въ состояніи былъ пройти мимо кабака и не зайти туда. На бѣду и въ Сомжѣ было не лучше. Я нанялъ тамъ самаго трезваго человѣка, какаго только могъ найти, но и тотъ, по нашимъ понятіямъ, былъ пьяница. Потомъ я попробовалъ взять Самоѣдку; но и она не могла ни на одинъ день остаться трезвою. Наконецъ я нанялъ нищаго, который уже не могъ имѣть никакихъ средствъ напиваться; но онъ былъ до такой степени лѣнивъ, что ровно ни къ чему не былъ способенъ. Послѣ того я прибѣгнулъ къ своимъ

бумагамъ и, вызвавъ изъ кабака всѣхъ Самоѣдовъ, прочиталъ имъ свои документы, съ порученіемъ избрать мнѣ порядочнаго человѣка въ учители. Они дѣйствительно сѣли на совѣщаніе, и выборъ палъ на Самоѣда, прибывшаго въ тотъ же день изъ *Канина-Носа*. Послали за нимъ; но онъ, притворившись больнымъ, легъ на полъ, охалъ и стоналъ, молился и заклиналъ, такъ-что я, наскучивъ, отпустилъ его.

Черезъ нѣсколько времени увидѣлъ я его лежавшаго пьянымъ на дворѣ. Однимъ словомъ, невозможно было въ окрестностяхъ Сомжи найти трезваго Самоѣда—и въ сознаніи грѣшной своей слабости каждый отказывался отъ обязанности, которую не могъ выполнить. При такихъ обстоятельствахъ я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайнему способу — начать заниматься въ ближнемъ *чумѣ* (Самоѣдскомъ шалашѣ), населенномъ нищими. Здѣсь безъ сомнѣнія не могло быть рѣчи объ основательныхъ наблюденіяхъ надъ языкомъ, потому-что, при крикѣ дѣтей, визгѣ собакъ и воѣ вѣтра, какъ-то трудно вникать въ тонкости языка, тѣмъ болѣе, что Самоѣды произносятъ слоги безъ ударенія, съ такою быстротою, что нелегко разбирать ихъ даже при самомъ напряженномъ вниманіи и въ такомъ шумливомъ обществѣ. Между-тѣмъ я прилежно ходилъ въ чумъ каждый день, пока маленькое приключеніе не отбило у меня охоты къ такимъ прогулкамъ. Какъ тебѣ вѣроятно извѣстно, сѣверная часть Мезенскаго округа — ровная, безлѣсная, бо-

лотистая земля. Уже въ окрестностяхъ Мезени разстилаются необозримыя равнины, называемыя у Русскихъ *тундрами*. Это конечно Финско-Лапландское слово *тунтури* (гора), но здѣсь, довольно странно, оно означаетъ болото, на которомъ растетъ олений мохъ. Въ Лапландіи мохъ растетъ на горахъ; остальная часть края состоитъ изъ вязкихъ топей. Здѣсь же, въ Мезенской землѣ, оленій кормъ встрѣчается на самыхъ болотахъ, тамъ, гдѣ почва потверже. Это хозяйственное значеніе слова *тундры* объясняетъ, какъ благозвучное слово *тунтури*, съ выспреннимъ понятіемъ о горѣ, могло унизиться до значенія *тундры*. Окрестность Сомжи и есть тундра, въ плоскомъ значеніи слова. Это обнаженное дно Бѣлаго моря, безпрестанно подверженное ярости вѣтра. Тихій день здѣсь въ Самоѣдской землѣ вообще принадлежитъ къ числу рѣдкостей. По этой-то причинѣ, вѣроятно, Самоѣдъ вынужденъ одѣваться гораздо теплѣе, нежели Лопарь. Онъ въ отношеніи къ одеждѣ — Лопарь вдвойнѣ: носитъ двойныя шубы, шапки, сапоги. Самая юрта его составлена изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ; лѣтомъ онъ себѣ устраиваетъ шалашъ изъ берёста, которымъ даже въ четыре слоя обвиваетъ шесты своихъ стѣнъ. Бѣдные люди должны и зимою довольствоваться подобнымъ жилищемъ, и таковъ былъ именно тотъ чумъ, въ которомъ я изучалъ Самоѣдскій языкъ. Я только-что научился, къ удовольствію Самоѣдовъ, произносить слова: *тансеръ нумгана* (у Бога непогода), какъ въ самомъ дѣлѣ поднялась ужасная буря.

Чумъ затрещалъ; снѣгъ такъ и посыпался въ скважины и въ дымовое отверзтіе; смоляная лампа погасла. Самоѣды улеглись подъ свои мѣха. Тогда я долженъ былъ отправиться обратно на свою квартиру.

Дорогой наткнулся я на Самоѣда, который отдыхалъ съ своими оленями. «Куда?» спросилъ я. «Въ питейный домъ», отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись Самоѣду какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ, и между прочимъ случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этаго онъ подозрительнымъ Самоѣдскимъ умомъ своимъ вывелъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Бѣднякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги. Съ своей стороны я обѣщался не только оставить его оленей въ покоѣ, но и угостить его водкою, если онъ свезетъ меня въ деревню.

Пріѣхавъ на свою квартиру, узналъ я, что Архангельскій Гражданскій Губернаторъ пріѣхалъ въ Мезень и послалъ за нѣсколькими Самоѣдскими *тадибеями* (колдунами), чтобы видѣть ихъ фокусы. Это было для меня новымъ поводомъ оставить Сомжу и отправиться въ городъ: я надѣялся, что меня пригласятъ на представленіе. Такъ и случилось. Я теперь только-что возвратился изъ чума, гдѣ тадибей гремѣлъ на своемъ барабанѣ, предсказывая Его Превосходительству грядущую судьбу его. Отъ моего вниманія не ускользнуло, что тадибей

свое дѣло обращалъ въ шутку. Потому и не стоитъ описывать церемонію эту подробнѣе; но я долженъ упомянуть, что главный тадибей за цѣлковый обѣщалъ черезъ пять дней дать для меня другое представленіе въ своемъ чумѣ на Канинской тундрѣ, при чемъ онъ позволитъ мнѣ записать пѣсни, сопровождающія колдовство его. Нѣсколько такихъ рѣдкостей мнѣ уже удалось собрать, и послѣднюю ночь я долженъ былъ сидѣть у Губернатора и переводить для него пѣсни и сказки миѳическаго содержанія. Онъ обѣщалъ напечатать ихъ для Русской публики, а я также не оставлю прислать вамъ изъ Пустозерска подобныхъ обращиковъ.

Хотѣлось бы мнѣ расказать тебѣ кое-что о древней Чуди, какъ по общеизвѣстнымъ преданіямъ, такъ и основываясь на сходствѣ въ нравахъ и бытѣ между жителями Пинежскаго округа и нашими Финскими мужиками; но такъ-какъ мнѣ ужъ завтра надобно ѣхать, то расказъ о Чуди пусть останется до другаго раза.

Что касается до предстоящаго путешествія моего, то я, внимательно обдумавъ дѣло, положилъ сперва отправиться въ *Пустозерскъ*, самую сѣверную Русскую деревню въ Самоѣдской странѣ, лежащую въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія Печоры въ Ледовитое море. Во время зимнихъ мѣсяцевъ это удобнѣйшее мѣсто для моихъ изысканій касательно Самоѣдскаго языка. Къ этому пустынному мѣсту настоящая почтовая дорога идетъ черезъ различныя Русскія деревни въ слободу *Устьцыльмскъ*, а от-

уда далѣе 250 верстъ внизъ по рѣкѣ Печорѣ. Путь конечно былъ бы очень покоенъ: но для цѣли моего путешествія я долженъ избрать не слишкомъ-то привлекательную дорогу черезъ Канинскую и Тиманскую тундры; потому-что кто хочетъ изучить народъ, тотъ долженъ и жить посреди народа. Разстояніе отъ Мезени до Пустозерска черезъ тундры считаютъ верстъ въ 700. Къ-счастію на этой дорогѣ встрѣчаются Русскія деревни и дворы, гдѣ можно останавливаться и заниматься. Таковы — деревня *Несъ* (100 верстъ къ сѣверу отъ Мезени), гдѣ у Канинскихъ Самоѣдовъ есть Церковь и ни однаго кабака, и *Пёша* (въ 150 верстахъ оттуда), гдѣ также есть Церковь для Тиманскихъ Самоѣдовъ. Изъ Пёши останется еще верстъ 400—500 до Пустозерска.

II.

Пустозерскъ, 23 Марта 1843.

Слѣдуя плану, сообщенному мною въ письмѣ изъ Мезени, оставилъ я деревню Пёшу и прибылъ сюда 16 Февраля. Это мѣсто — такъ означаетъ самое названіе — пустыня. На пространствѣ цѣлыхъ миль не встрѣтишь тутъ ни слѣда лѣсу, если не считать деревьевъ, иногда плывущихъ по Печорѣ. На необъятномъ протяженіи земля ровна, такъ ровна, какъ поверхность моря. Здѣсь вѣтръ бушуетъ безпрерывно, иногда съ такою силой, что безъ опасности жизни не можешь высунуть носа за двери. Однажды мнѣ вздумалось въ страшную непогоду поспо-

рить съ вѣтромъ: едва сошелъ я съ лѣстницы, какъ меня, будто снѣжный комокъ, ударило о стѣну. Теперь я чрезвычайно страдаю отъ безводія: двое сутокъ нельзя было доставать воды изъ Печоры. Не смотря на то, вчера пріѣхали въ деревню два Самоѣда. Я спросилъ у нихъ, какова погода на тундрѣ. «Слава Богу», отвѣчали они, «можно было видѣть оленей передъ санями». А въ продолженіи двухъ сутокъ, когда я отъ Пёши ѣхалъ вдоль Ческой губы къ Святому носу, и оленей не видно было передъ санями. Въ эту достопамятную для меня поѣздку я однажды сбился съ пути и цѣлыхъ 12-ть часовъ не зналъ, гдѣ я. Днемъ я промокалъ до костей, а ночью платье мое замерзало и становилось совершенно жесткимъ. Еще нѣсколько часовъ—и я пропалъ бы. Сами ямщики были безутѣшны; но, противъ всякаго чаянія, олени наконецъ довезли насъ до чума. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отправиться въ страну болѣе гостепріимную — въ Ижемскъ, преимущественно для того, чтобы изслѣдовать, есть ли близкое родство между Зырянскимъ языкомъ и Самоѣдскимъ. Ежели есть, то я вѣроятно заѣду въ Вологодскую губернію, гдѣ Зырянъ гораздо болѣе, нежели въ Ижемскихъ деревняхъ. Если же, напротивъ, какъ я почти навѣрное полагаю, родство этихъ языковъ незначительно, то я отправлюсь изъ Ижемска въ Колву, и оттуда далѣе—въ Сибирь. Ижемскъ (на разстояніи верстъ 330-и къ югу отъ Пустозерска) есть деревня при рѣкѣ Ижмѣ, которая впадаетъ въ Печору. Колва—Самоѣдское поселеніе на Больше-

эмельской тундрѣ. Здѣсь есть Церковь, два священика и Самоѣдскій толмачь. Въ этой деревнѣ живутъ 11 осѣдлыхъ Самоѣдовъ, и они, какъ я слышалъ, промѣняли свой природный языкъ на Зырянкій. — —

III.

Ижемскъ, 1 Мая 1843.

Если память меня не обманываетъ, я окончилъ послѣднее письмо къ тебѣ описаніемъ городка Кеми, о которомъ у меня почти не осталось никакаго другаго воспоминанія, кромѣ того, что я тамъ былъ посмѣшищемъ сорóкъ и уличныхъ мальчишекъ. Оттуда можешь ты, безъ моей помощи, отправиться по ледянымъ волнамъ Бѣлаго моря въ монастырь Соловецкій, и далѣе въ Архангельскъ. Пріятное впечатлѣніе производитъ на меня имя Мезень; причиною тому не столько жители этаго города, сколько маленькое происшествіе, которое мнѣ всегда приходитъ на мысль, когда вспоминаю объ этомъ городкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. 19 Декабря 1842 года стояла передъ домомъ полицеймейстера кибитка парой. Ямщикъ выносилъ изъ гостинницы маленькіе ящики, сумки и пакеты, обшитые клеенкою, и проч. — и все это два полицейскіе служителя клали въ кибитку. Между-тѣмъ собралось на улицѣ нѣсколько зрителей, мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ людей. Не смотря на сильный морозъ, они часа два стояли около кибитки, нетерпѣливо желая увидѣть, какъ наконецъ усадятъ отъѣзжающаго. Многіе, протягивая головы,

посматривали сквозь низенькія окна, скоро ли окончится обѣдъ, причинявшій замедленіе. Наконецъ предметъ ожиданія явился передъ любопытными. Въ то время, какъ онъ осматривалъ свои вещи и приказывалъ перемѣстить нѣкоторыя изъ нихъ, вокругъ него раздавались разныя замѣчанія о немъ и объ его путешествіи. «Такъ еще молодъ—и долженъ ѣхать въ Сибирь», сказала пожилая женщина; а сосѣдка ея прибавила: «говорятъ, что онъ тамъ долженъ пробыть много лѣтъ; когда воротится, будетъ уже старичекъ—а что ему тогда въ семейной жизни?» «Богъ вѣсть, за что-то бѣдняжку посылаютъ въ Сибирь?» сказалъ кто-то. «Объ этомъ я кое-что знаю», прервалъ другой голосъ. «Я видѣла, какъ Нѣмецъ, пріѣхавъ въ городъ, прямо отправился къ полицеймейстеру — и, хотя его дома не было, велѣлъ внести къ нему свои вещи, тамъ остановился, и все время сидѣлъ у полицеймейстера какъ въ тюрьмѣ. Потомъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій полковникъ — и хотя ему наняли другую квартиру, онъ хотѣлъ жить у полицеймейстера, гдѣ жилъ Нѣмецъ. Говорятъ, что полковникъ часто до полуночи разговаривалъ съ Нѣмцемъ на иностранномъ языкѣ. Теперь Нѣмецъ ѣдетъ въ Сибирь; нѣтъ! тутъ что-то неладно, въ этомъ я увѣрена». «Ты ничего не смыслишь» перервалъ разумникъ-мѣщанинъ, «я знаю, что у Нѣмца бумаги отъ большихъ господъ, и что онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Такимъ же образомъ, какъ жандармскій полковникъ и какъ другіе господа, которые ѣздятъ по казенной надоб-

ности, Нѣмецъ остановился у полицеймейстера, потому-что городъ нанялъ этотъ домъ для такихъ. А отъ чего онъ ѣдетъ въ Сибирь? это мнѣ также извѣстно. Недавно, когда я вечеромъ сидѣлъ у Алексѣя Васильевича, Нѣмецъ пришелъ къ нему съ огромною книгой въ рукѣ. Алексѣй жилъ лѣтъ двадцать на тундрѣ и все знаетъ; онъ сталъ называть ему всѣ горы и рѣки, а Нѣмецъ записывалъ все это въ свою книгу. И еще расказалъ ему Алексѣй, въ какихъ горахъ находится черный, и въ какихъ синій камень, гдѣ можно найти мѣдь и желѣзо, золото и серебро. Все это записалъ Нѣмецъ въ своей книгѣ, и отъ того я знаю, что онъ ищетъ золота и прочаго такаго, что водится въ горахъ». Это было сказано съ такою увѣренностью, что никто не осмѣлился возражать. Между-тѣмъ, какъ мнѣніе обо мнѣ такъ поправлялось, голосъ сострадания началъ опять подыматься изъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ сердецъ. Жалѣли не только обо мнѣ, но и о всѣхъ моихъ домашнихъ, особливо о бѣдной покинутой женѣ. Наконецъ окружила меня толпа нищихъ, которые жалкимъ голосомъ кричали»: Христа ради милостыньку, батюшка!» Неотступнѣе всѣхъ была дряхлая баба въ широкомъ чепцѣ и въ полосатой юбкѣ. «Подай, батюшка, денежку бѣдной», говорила старуха; «Богу буду за тебя молиться; Богородица призритъ тебя въ пути; ей угодны молитвы бѣдныхъ.»

Въ самомъ дѣлѣ я принужденъ былъ развязать свой кушакъ — и началъ раздавать мѣдную монету.

Потомъ я скорѣе вползъ въ кибитку—и, выглянувъ оттуда на окружавшихъ, увидѣлъ рядъ старыхъ людей, которые, оборотясь къ Собору, крестились— и, по обѣщанію старухи, молились Богу за мое благополучіе. Въ то самое время раздался громкій благовѣстъ съ соборной колокольни. Всѣ, снявъ съ головы шапки, крестились. Затѣмъ еще слышенъ былъ хоръ: «Господи помилуй»; послѣ этаго я ничего не слыхалъ, кромѣ громкаго колокольнаго звона. Вотъ при какихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ я началъ путешествіе къ Самоѣдамъ. Благовѣстъ еще раздавался въ моихъ ушахъ, когда я пріѣхалъ въ деревню Сомжу. Почтовый колокольчикъ возвѣстилъ жителямъ пріѣздъ человѣка съ подорожною. Кибитка моя тотчасъ была окружена любопытными. Такъ-какъ я уже прежде изъ Мезени пріѣзжалъ въ эту деревню, то жители приняли меня какъ знакомаго. Едва я успѣлъ сбросить съ себя тулупъ, какъ два служителя закона вошли въ комнату и сообщили мнѣ приказъ Становаго пристава, въ тотъ же день пріѣхавшаго въ эту деревню, чтобы я сейчасъ явился къ Его Благородію. Это подало поводъ къ забавному спору о нашихъ званіяхъ, который кончился тѣмъ, что Становой вскорѣ пришелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими наиболѣе значительными крестьянами, которымъ онъ велѣлъ немедленно исполнить всѣ мои законныя требованія. Кромѣ того онъ спросилъ меня, нѣтъ ли у меня еще какаго-нибудь приказанія. Такъ-какъ я въ Мезени назначилъ свиданіе одному Самоѣдско-

у тадибею (колдуну), который жилъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сомжи, то я и потребовалъ теперь сѣвернаго оленя, чтобы ѣхать къ нему. Къ моей досадѣ, въ деревнѣ не было никого, кто бы могъ мнѣ указать, гдѣ находился чумъ Самоѣда. Поэтому Становой приставъ тотчасъ послалъ человѣка искать чумъ и привезти ко мнѣ тадибея. Между-тѣмъ я началъ приводить въ порядокъ старыя замѣтки — дѣло, за которое я всегда принимаюсь, когда нѣтъ другаго.

IV.

Наконецъ, на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Сомжу, посланный возвратился съ тадибеемъ. Когда я ему напомнилъ наше условіе, утвержденное съ моей стороны цѣлковымъ, онъ отказался отъ всего и объявилъ, что, сдѣлавшись теперь Христіаниномъ и стоя на краю могилы, не хочетъ имѣть сообщенія съ дьяволомъ; онъ прибавилъ, что сжегъ уже свой таинственный барабанъ — и даже для излеченія больной своей дочери не употреблялъ колдовства. Цѣлковый онъ былъ готовъ возвратить, или расплатиться за него разными свѣдѣніями объ искусствѣ тадибеевъ и другимъ, что̀ могло мнѣ понадобиться. Нетрудно было бы мнѣ достать другой барабанъ и нѣсколькими рюмками водки поколебать тадибея въ его правилахъ; но я считаю священнымъ долгомъ уважать совѣсть даже Самоѣда. Сверхъ того обѣщаніе тадибея сообщить мнѣ кое-какія объясненія насчетъ чародѣй-

ства Самоѣдовъ было для меня гораздо важнѣе самаго отправленія ихъ колдовства, что легко можно увидѣть у необращенныхъ въ Христіанство Самоѣдовъ.

Такъ-какъ рѣчь зашла о тадибеяхъ, ты, можетъ быть, желаешь узнать что-нибудь о мистическомъ ремеслѣ ихъ.

У всѣхъ народовъ предметы магіи одинаковы: ихъ столько, сколько у человѣка желаній, намѣреній и нуждъ. Но преимущественно чародѣйство бываетъ либо врачебнымъ искуствомъ, либо ворожбою. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ на прим. у Финновъ, врачебное искуство занимаетъ первое мѣсто; у другихъ, какъ на примѣръ у Самоѣдовъ, ворожба. Перевѣсъ того или другаго направленія зависитъ отъ различной степени просвѣщенія, отъ характера и духовныхъ силъ народа. Чародѣй или самъ свой богъ и изъ глубины души своей почерпаетъ все, что ему нужно для своей цѣли, или онъ заклинаетъ другихъ боговъ о помощи. По мнѣнію Самоѣдовъ, чародѣй не имѣетъ никакой силы отъ себя, или по крайней мѣрѣ весьма незначительную; онъ только посредникъ міра духовъ, и вся его сила состоитъ въ томъ, во-первыхъ, что онъ можетъ вступать въ сообщеніе съ духами, называемыми Тадебціо, во-вторыхъ, что онъ въ состояніи усмирять тѣхъ Тадебціо. Какъ Самоѣды сами, такъ и Тадебціо — племя лукавое, упрямое и своенравное. Иногда имъ вздумается не повиноваться тадибею, иногда они обманываютъ его лживыми оракулами; над-

старыми тадибеями они только насмѣхаются, почему для этаго званія надобно быть молодымъ, сильнымъ; нужно даже имѣть здоровое и мускулёзное тѣло, затѣмъ, что тадибей, по повелѣнію Тадебціо, иногда долженъ рѣзать и терзать себя ножемъ и другими острыми орудіями. Впрочемъ этотъ обычай теперь, говорятъ, въ упадкѣ; но древніе тадибеи, если вѣрить сказкамъ, пронзали себя копьями и стрѣлами, давали рѣзать себя на мелкіе куски и опять оживали. То же самое расказываютъ и про нѣкоторыхъ еще живыхъ тадибеевъ, и слѣдующій анекдотъ доказываетъ, что этому должно быть какое-нибудь основаніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сошлися въ чумѣ на Тиманской тундрѣ три Самоѣда и одинъ Русскій. Изъ Самоѣдовъ одинъ былъ посвяшенъ въ таинства тадибеевъ. Другіе попросили его *бить кудесъ*, какъ выражаются Русскіе, когда дѣло идетъ о чародѣйствѣ Самоѣдовъ. Доведенный до обычнаго восторженнаго состоянія, тадибей, во время самаго обряда, потребовалъ, чтобы въ него выстрѣлили изъ заряженнаго ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ исполнилъ приказаніе, но далъ промахъ, или, какъ расказываютъ, пуля отпрыгнула отъ тѣла. Опять зарядили ружье, и другой Самоѣдъ выстрѣлилъ , но также неудачно. Удивляясь этому, Русскій зарядилъ ружье, выстрѣлилъ и — — Самоѣдъ упалъ мертвый. На Канинской тундрѣ я встрѣтился съ чиновниками, посланными для изслѣдованія дѣла. Не знаю результата слѣдстія; расказъ мой основывается на об-

щихъ толкахъ. Но возвратимся къ древнимъ тадибеямъ, о которыхъ я слышалъ множество сказокъ, встрѣчаемыхъ и въ Финскихъ народныхъ преданіяхъ. Тадибеи плаваютъ подъ водою, летаютъ, подымаются до облаковъ, проникаютъ въ нѣдра земли и притомъ берутъ видъ, какой имъ угодно Ремесло тадибея наслѣдственно. Такъ и у Финновъ: но Финскій чародѣй долженъ выучивать наизустъ длинные уроки заклинательныхъ словъ и сверхъ того знать множество другихъ фокусовъ, между-тѣмъ-какъ Самоѣдъ избавляется отъ всего этаго. Все, что первый берется самъ разгадать наслѣдованною отъ своихъ прадѣдовъ мудростію, то послѣдній предоставляетъ попеченію Тадебціо. Онъ только переводитъ, что они ему откроютъ на своемъ языкѣ, внятномъ слуху однаго лишь тадибея. Правда, я слышалъ между Самоѣдами выраженіе: *«учиться у тадибеевъ»*, но никто не могъ хорошенько объяснить, въ чемъ именно состоитъ это ученіе. Одинъ Самоѣдъ, какъ самъ онъ мнѣ расказывалъ, на пятнадцатомъ году отъ роду былъ посланъ къ тадибеямъ въ ученіе, потому-что многіе изъ его рода были отличными чародѣями. Двумъ тадибеямъ поручено было учить его. Они платкомъ завязали ему глаза, дали въ руки барабанъ и велѣли забарабанить. Между-тѣмъ одинъ изъ тадибеевъ рукою билъ его по темени, другой колотилъ его по спинѣ. Это продолжалось нѣсколько времени, и вдругъ мальчикъ прозрѣлъ. Передъ глазами его явилось множество Тадебціо; они плясали у него

на рукахъ и на ногахъ. Ученикъ въ испугѣ отправился къ священнику, и тотъ его окрестилъ. Послѣ этаго, сказалъ онъ, не видалъ я уже ни однаго Тадебціо. Для поясненія надобно прибавить, что тадибеи напередъ чудовищными расказами о Тадебціо воспламенили воображеніе ученика. Когда тадибей, какъ слѣдуетъ, посвященъ въ таинства ремесла, то онъ заводится барабаномъ и особымъ костюмомъ. Барабанъ, смотря по состоянію тадибея, бываетъ болѣе и менѣе изукрашенъ кольцами изъ желтой мѣди, оловянными бляхами и тому подобнымъ. Онъ круглъ, но неровной величины. Самый большой, какой я видѣлъ, съ аршинъ въ діаметрѣ, а вышиною былъ въ три дюйма. Онъ съ одной лишь стороны бываетъ обтянутъ тонкою, прозрачною оленьею кожей. Этотъ небольшой снарядъ въ рукахъ тадибея могучее орудіе. Имъ укрѣпляетъ онъ собственный духъ свой; звучный бой его проникаетъ въ сокровенный міръ духовъ и пробуждаетъ ихъ отъ лѣниваго сна. Костюмъ тадибеевъ и нарядепъ и страненъ. Онъ состоитъ изъ замшевой рубашки (самбурча) съ подоломъ изъ краснаго сукна. По всѣмъ швамъ идетъ выпушка, а на плечахъ эполеты; тѣ и другіе изъ такаго же сукна. На глазахъ и на всемъ лицѣ виситъ лоскутокъ сукна. Голова непокрыта; только узенькая лента изъ сукна обвиваетъ затылокъ; другою такою же повязано темя. На этихъ лентахъ утвержденъ висящій лоскутокъ сукна. На груди тадибей носитъ желѣзный листъ. Въ такомъ

нарядѣ чародѣй садится и проситъ у Тадебціо совѣтовъ и пособія. Ему помогаетъ другой тадибей, менѣе искусный. Колдовство начинается тѣмъ, что главный тадибей стучитъ въ свой барабанъ, припѣвая нѣсколько словъ таинственнымъ, ужасающимъ напѣвомъ. Другой подтягиваетъ, и оба перепѣваютъ, подобно Финскимъ рунопѣвцамъ, тѣ же слова. Каждое слово, каждый слогъ тянутъ они до безконечности. Послѣ краткаго предисловія начинается бесѣда съ Тадебціо: искуснѣйшій тадибей при этомъ часто молчитъ и тихонько барабанитъ. Вѣроятно онъ тогда прислушивается къ отвѣтамъ Тадебціо. Между-тѣмъ помощникъ продолжаетъ перепѣвать послѣднія слова главнаго колдуна. Когда этотъ кончитъ безмолвную бесѣду съ Тадебціо, оба испускаютъ дикій ревъ, удары въ барабанъ усиливаются—и изреченіе оракула возвѣщается. Я долженъ еще замѣтить, что пѣсни тадибеевъ состоятъ изъ нѣсколькихъ только словъ и поются едва ли не экспромтомъ. Въ Самоѣдскихъ пѣсняхъ вообще немного значитъ какое-нибудь отдѣльное слово, еще менѣе размѣръ и стопы. Если пѣвецъ знаетъ, что̀ ему говорить, то слово само собою является; если же оно нейдетъ къ напѣву, то выпускаютъ одинъ слогъ или растягиваютъ его, смотря по требованію напѣва. Но если Самоѣдъ не поетъ, а только читаетъ пѣсню; то онъ заботится о соблюденіи извѣстнаго риѳма, къ которому привыкъ уже и мой слухъ. Этаго риѳма нельзя переложить на какой-нибудь размѣръ; одна-

о жъ въ немъ замѣтно нѣкоторое сходство съ двустопными хореями.

Еще нѣсколько словъ о обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ колдовства. Если, напримѣръ, потеряли оленя, тадибей сперва призываетъ Тадебціо, при чемъ употребляетъ слѣдующее заклинаніе:

Придите, придите
(Духи сильные)!
Если вы не придете,
То я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь
(Духи сильные)!
Я къ вамъ пришелъ:
Ото сна пробудитесь!

(*Тадебціо* отвѣчаетъ)

Скажи, по какимъ
Дѣламъ ты хлопочешь?
Зачѣмъ пришелъ ты
Нашъ покой возмущать?

(*Тадибей*)

Недавно ко мнѣ
Пришелъ Ненецъ (Самоѣдъ);
Этотъ человѣкъ меня
Неотступно тревожитъ:

Олень его пропалъ.
Вотъ почему я
Теперь къ вамъ пришелъ.

На этотъ призывъ обыкновенно является только одинъ Тадебціо. Если ихъ приходитъ много, то один говоритъ такъ, другой иначе — и тадибей не знаетъ, кому вѣрить. Тадибей тогда начинаетъ упрашивать своего духа отыскать оленя. «Ищи его, ищи прилежно, чтобъ олень не пропадалъ.» Тадебціо разумѣется, исполняетъ такое желаніе. Между-тѣмъ тадибей наказываетъ ему «искать хорошенько, пока не найдетъ.» Когда Тадебціо возвратится, тадибей опять начинаетъ увѣщевать его, чтобъ говорилъ правду. «Не ври; если солжешь, мнѣ будетъ плохо. Тогда товарищи будутъ смѣяться надо мною: Что ты будешь говорить, то говори прямо; скажи злое, скажи доброе. Скажи только слово. Если будешь много говорить (т. е. неопредѣленно и сбивчиво), то мнѣ не будетъ хорошо,» и т. д. Тадебціо указываетъ мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ оленя. Тогда тадибей, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто искалъ его помощи, идетъ къ назначенному мѣсту. Но вѣдь не его вина, если олень между-тѣмъ убѣжалъ, или другой тадибей, по наставленію своихъ Тадебціо, закрылъ слѣды оленя, и т. п. Нельзя также не замѣтить, что тадибей, до начатія колдовства, освѣдомляется о всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ пропалъ олень — когда и гдѣ это случилось. Если Самоѣдъ полагаетъ, что олень украденъ; то — какіе у него

были сосѣды, не былъ ли кто изъ нихъ во враждѣ съ нимъ, и проч. Если тотъ не можетъ доставить нужныя свѣдѣнія, то тадибей прибѣгаетъ къ своему барабану, предлагаетъ тѣже вопросы Тадебціо, снова распрашиваетъ Самоѣда и продолжаетъ это, пока изъ показаній Самоѣда не составитъ себѣ точнаго понятія о существѣ дѣла. Это-то убѣжденіе потомъ, во время восторженнаго состоянія тадибея, и произносится отъ имени Тадебціо. Можетъ быть, оно иногда образуется и во время самаго восторженнаго состоянія тадибея, или во снѣ; вѣрно только то, что тадибей дѣйствительно вѣритъ, будто слышитъ изреченіе изъ устъ Тадебціо. Кромѣ спокойныхъ, благоговѣйныхъ и единогласныхъ расказовъ самихъ тадибеевъ о существѣ дѣла, убѣждаюсь въ этомъ предположеніи еще другимъ обстоятельствомъ: колдунъ часто признается въ томъ, что онъ или не былъ въ состояніи призвать Тадебціо, или не могъ добиться отъ него яснаго отвѣта — и въ этомъ сознается онъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бы очень легко могъ состряпать, какое угодно, изреченіе. Я для забавы иногда самъ повѣрялъ такимъ образомъ честность тадибеевъ.

Кромѣ означенныхъ средствъ къ отысканію пропавшаго оленя, есть еще другой способъ, употребляемый Самоѣдами, непосвященными въ науку тадибеевъ. Составляютъ на землѣ кругъ изъ оленьихъ роговъ; въ серединѣ круга кладутъ точило, а на него огниво, топоръ, или что-нибудь другое изъ желѣза, такимъ образомъ, чтобъ это съ точиломъ обра-

зовало крестъ и, какъ можно легче, спадало. Потомъ Самоѣдъ обходитъ кругъ; крестъ распадается—и вотъ уже знаютъ, въ какой сторонѣ олень: когда Самоѣдъ пойдетъ въ ту сторону, то непремѣнно встрѣтитъ оленя. Такимъ же образомъ отыскиваютъ заблудившихся людей, только съ тою разницею, что кругъ составляется изъ человѣчьихъ волосъ. Этотъ оракулъ основывается на молитвѣ, обращаемой къ *Хехе*, какъ называютъ Самоѣды свои истуканы, соотвѣтствующіе *Сейдамъ* Лопарей. *Хехе* сдѣланы изъ дерева и имѣютъ человѣческій образъ, кромѣ головы, остроконечной и треугольной. Необращенные Самоѣды вездѣ возятъ съ собою подобные истуканы, обмазываютъ ихъ, какъ Лопари свои Сейды, оленьею кровью, и приносятъ имъ въ жертву голову и копыта оленьи. Голову ставятъ, гдѣ это можно сдѣлать, на деревѣ противъ лица истукана; копыта же бросаютъ передъ нимъ на землю. Этимъ *Хехе* молятся о помощи въ дѣлахъ менѣе важныхъ, какъ то: при охотѣ, рыболовствѣ, и въ особенности въ случаѣ присяги. Если у Самоѣда украли что-нибудь, то онъ подозрѣваемаго въ воровствѣ призываетъ къ присягѣ. Онъ тогда дѣлаетъ *Хехе* изъ камня, земли, или даже изъ снѣгу, приводитъ подозрѣваемаго къ истукану, закалываетъ собаку, разбиваетъ истуканъ въ куски и говоритъ своему противнику: «если ты воръ, то да погибнешь какъ эта собака». Присяги Самоѣды боятся до того, что дѣйствительный воръ никогда не допуститъ довести себя до нея; онъ скорѣе до-

довольно возвратитъ краденое. Вѣрятъ, что вора, приведеннаго къ присягѣ, *Хехе* разобьетъ такимъ же образомъ, какъ самъ онъ былъ разбитъ Самоѣдомъ. Вмѣсто истукана разрѣзаютъ иногда морду бѣлаго медвѣдя. Эта присяга считается еще важнѣе. Говорятъ; что присяга наиболѣе употребляется при покражахъ; но ею можно пользоваться и для другихъ цѣлей. Необращеннымъ Самоѣдамъ разрѣшено присягать въ судахъ по своему обряду.

Если больной призоветъ тадибея на помощь, то въ тотъ же день леченіе не начинается, какъ бы опасно ни было положеніе больнаго, но отлагается до первой зари. Почью тадибей совѣтуется съ своими Тадебціо. Если больному къ утру получше, то пора прибѣгнуть къ барабану; въ противномъ случаѣ должно ожидать седьмой зари. Если больному тогда не лучше, то тадибей объявляетъ, что онъ неизлечимъ, и въ такомъ случаѣ онъ даже не приступаетъ къ леченію. Но если до опредѣленнаго срока произойдетъ въ здоровьѣ больнаго какая-нибудь перемѣна, то тадибей распрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ именно ему нанесена болѣзнь. Если не знаетъ, то тадибей начинаетъ развѣдывать, какіе у него есть непріятели, съ кѣмъ онъ «дрался и спорилъ,» и т. п Когда больной не можетъ сообщить нужныхъ свѣдѣній, то спрашиваютъ Тадебціо. Не зная происхожденія недуга, тадибей ничего не смѣетъ предпринять. Могло случиться, что болѣзнь послана Богомъ (замѣтьте это!)— Его всемогущества тадибей не можетъ искушать

безнаказанно. Если же откроется, что болѣзнь произошла отъ злыхъ людей, то тадибей все-таки ограничивается тѣмъ, что проситъ Тадебціо помочь больному. Неизбѣжное послѣдствіе этой помощи то, что виновникъ болѣзни самъ заболѣетъ. Не знаю, можно ли положиться на слова тадибеевъ; но они увѣряли меня, что больше никакихъ чаръ не употребляется при леченіи больнаго. Они утверждаютъ, что не знаютъ никакихъ заговоровъ и заклинаній; также не имѣютъ никакаго понятія о естественныхъ лекарствахъ. По крайней мѣрѣ я не могъ открыть у нихъ другихъ способовъ леченія, кромѣ извѣстнаго почти у всѣхъ народовъ обжиганія. Изъ сушеной березовой губки Самоѣды вырѣзываютъ кусочки, которые застригаютъ и кладутъ на больное мѣсто. Считается благопріятнымъ предвѣщаніемъ, если вырѣзки губки отскакиваютъ отъ тѣла. Значитъ, что боль улетѣла вмѣстѣ съ ними.

Изъ всего сказаннаго видно, что хотя тадибеевъ и уважаютъ, какъ мудрецовъ и свѣдущихъ людей; однако въ самомъ дѣлѣ ихъ познанія очень ограниченны. Имъ до этаго и мало нужды, когда Тадебціо все дѣлаютъ за нихъ. Однако же и Тадебціо не всемогущіе духи, а подвласны *Йилеумбаэрче* или *Нуму*, какъ Самоѣды называютъ своего бога. *Йилеумбаэрче* въ Самоѣдской миѳологіи соотвѣтствуетъ *Укко* въ Финской. Онъ царствуетъ въ воздухѣ; это властитель грома и молніи, дождя и снѣга, жизни и смерти, однимъ словомъ: онъ повелѣваетъ всѣмъ, и въ немъ заключается все, что в

сть превосходнаго — небо, солнце, звѣзды. По-
ому небо и воздухъ называются *Нумъ*; звѣзда име-
уется также по немъ *Нумгій*. При разсвѣтѣ Само-
дъ, выходя изъ своего чума, обращается лицемъ
ъ солнцу и говоритъ: «какъ ты, Йилеумбаэрче, во-
ходишь, такъ и я встаю»; а когда вечеромъ солн-
е садится, вотъ краткая молитва Самоѣда: «какъ
ы, Йилеумбаэрче, заходишь, такъ и я отправляюсь
тдыхать.» Слѣдовательно Йилеумбаэрче вмѣщаетъ
ъ себѣ и солнце. Ему Самоѣдъ молится во всѣхъ
ажнѣйшихъ случаяхъ. *Хехе*, такъ сказать, только
омашній богъ, а къ *Тадебціо* Самоѣдъ прибѣгаетъ
олько при ворожбѣ. Въ сказкахъ, кромѣ этихъ
ожествъ, упоминается о *хозяинѣ воды*, *пупѣ земли*
 м. д.; но они, кажется, боги только по имени.

Что Тадебціо подвластны Нуму, видно изъ пѣ-
ни, гдѣ тадибей посылаетъ Тадебціо къ Нуму
росить помощи больному. Тадебціо исполняетъ
оручение, но скоро возвращается съ вѣстью: «что
Йилеумбаэрче не далъ слова.» Тогда тадибей на-
инаетъ проситъ помощи у самаго Тадебціо. Тотъ
твѣчаетъ: «какъ мнѣ помочь? я менѣе Нума; не
огу я помочь вамъ.» Тадибей опять проситъ, чтобъ

Что касается до этимологіи слова: *Йилеумбаэрче*, то оно мо-
етъ значить: 1) созидатель живыхъ, и 2) сторожъ живыхъ. Оба
начения совершенно соотвѣтствуютъ его существу. Онъ создалъ все
оброе, что́ есть и живетъ, и онъ день и ночь охраняетъ *добрыхъ*
юдей отъ всякаго зла. *Нумъ* (Нум'ахъ) значитъ: *я стою*, крѣ-
окъ, непоколебимъ. Кто знаетъ, не въ родствѣ ли это слово съ
инскимъ: *Юмала* (богъ), по-Черемисски: *Юма*? *Нумъ* и *Юма*,
ъ филологическомъ отношеніи, находятся почти въ такой же свя-
и между собой, какъ Финское *Исе* и Самоѣдское *Нисе'э* (отецъ),
усское: *Имя* и Самоѣдское *Нимо'хъ* (Финское *ними*).

Тадебціо отправился въ вышину умолять Нума о помощи и пощадѣ. Тадебціо съ своей стороны совѣтуетъ тадибею отправиться самому туда. Тотъ отвѣчаетъ: «мнѣ до Нума слишкомъ далеко; если бы я могъ имѣть къ нему доступъ, то не просилъ бы я тебя—самъ бы пошелъ я тогда къ нему; но мнѣ до него слишкомъ высоко, такъ поди ты». Тадебціо наконецъ преклоняется и говоритъ:» для тебя я пожалуй пойду, но на меня Йилеумбāэрче безпрестанно сердится, и отвѣчаетъ, что не можетъ дать слова», и т. д.

V.

Я проведу здѣсь нѣкоторыя крайнія черты той суровой страны, по которой въ продолженіи 1843 года намѣренъ странствовать: къ сѣверу Ледовитое море, къ западу Бѣлое озеро, къ востоку Уральскій хребетъ, къ югу ели и прочіи злакъ. Это неизмѣримое поле — земля Мезенскихъ Самоѣдовъ — разсѣкается на двѣ половины рѣками Печорою и Ижмою. Южную, бо̀льшую половину, Русскіе называютъ тундрою Большеземельскою, или просто большою землею. Названіе это безъ сомнѣнія переводъ съ Финскаго. Когда Финны еще владѣли этою страною, они тундру называли «*Исо-маа*» (большая земля), отъ чего въ послѣдствіи получила свое названіе рѣка Ижма, которая съ одной стороны составляетъ границу тундры. По примѣру Финовъ, и Самоѣды назвали «е Аэрка еэ (Aerkka jeâh, большая земля), хотя она не довольно обширна для безпокойнаго ихъ нрава, вл-

кущаго ихъ къ любезной родинѣ, Сибири [*]. Западная же половина раздѣляется на двѣ тундры: Канинскую и Тиманскую [**]. Большеземельскіе Самоѣды отличаются отъ Канино-Тиманскихъ тѣмъ, что еще не испытали въ значительной мѣрѣ вліянія Русскихъ. Вотъ почему народность ихъ является въ чистѣйшемъ видѣ, хотя и гораздо грубѣе, нежели даже у Канинскихъ Самоѣдовъ. Такъ и языкъ ихъ не столько искаженъ, сохраняя множество особенностей, проистекающихъ изъ глубины своеобразной ихъ натуры.

Путь мой лежитъ черезъ Канинскую и Тиманскую тундры, въ Пустозерскъ: это поселеніе очень удобно для Самоѣдскихъ разысканій моихъ, составляя въ зимнее время сборный пунктъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ; жители близлежащей Тиман-

[*] Самихъ себя Большеземельскіе Самоѣды называютъ: Аарккаеуліера (Aarkkajeudierah).

[**] Ихъ разсѣкаетъ, на картѣ, рѣка Пёша, а, по показанію Самоѣдовъ, рѣка Суопа, которая впадаетъ въ западный уголъ Ческой губы. Къ западу отъ рѣки разстилается Канинская тундра, къ которой причисляется и полуостровъ Канинъ-носъ; Тиманская же тундра простирается отъ рѣки Суопы къ востоку до рѣки Печоры и Шамы. Канинскіе Самоѣды называютъ самихъ себя «Сальеидіера», и землю свою: Салье; Тиманская тундра называется Іуодейеэ (Juodeyeåh, средина края), а жители: Іуодеіендіера. Но Тиманскіе Самоѣды, населяющіе пространство между Колокольскою губою и Печорскимъ заливомъ, называютъ себя особымъ именемъ: *Лаптандіера*, а землю свою: *Лапта* (Низовье). Это раздѣленіе страны на три тундры имѣетъ одно лишь статистическое основаніе, образовавшись, кажется, въ позднѣйшія времена. Съ ученой точки зрѣнія можно раздѣлять Мезенскихъ Самоѣдовъ, какъ кажется, только на два класса: на Канино-Тиманскихъ и Большеземельскихъ. Между Канинскими и Тиманскими Самоѣдами конечно обнаруживается нѣкоторое различіе въ нравахъ, но это проистекаетъ отъ внѣшнихъ и ежедневно перемѣняющихся обстоятельствъ. Въ филологическомъ отношеніи они нераздѣлимы.

ской тундры также посѣщаютъ его. Для ученаго путешественника необходимо, чтобъ онъ умѣлъ свыкаться со всякимъ мѣстомъ, не покидая, изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ побужденій, такаго поля, которое соотвѣтствуетъ его цѣли. По дорогамъ, какія избралъ я, въ особенности нужно отказаться отъ всѣхъ притязаній на такъ называемыя житейскія удобства. Въ тѣсной, дымной избѣ, при шумѣ бабьихъ споровъ и крикѣ дѣтей, надобно умѣть работать такъ же хорошо, какъ и въ шалашѣ, гдѣ снѣгъ пробивается чрезъ скважины въ стѣнкахъ, гдѣ огонь задувается вѣтромъ, и волчья шуба должна защищать отъ холода. Къ этому я наконецъ уже привыкъ; но жить въ чу́мѣ—вотъ къ чему я еще не успѣлъ пріучиться. При наступленіи темноты я охотно располагаюсь у гостепріимныхъ очаговъ Самоѣдскихъ; далеко за полночь разговариваю съ хозяиномъ и хозяйкою, стараясь такимъ образомъ ознакомиться съ чувствами, образомъ мыслей и бытомъ народа. Но когда первые лучи дня черезъ дымовое отверстіе проникаютъ въ темную лачужку, мною овладѣваетъ неопреодолимое желаніе «переселиться», по поговоркѣ Самоѣдовъ, «изъ маленькаго чума въ большой.»

Теперь, по указанію компаса, отправимся сперва отъ Сомжи прямо къ сѣверу. Передъ нами безконечная Канинская тундра. Она почти такъ же нага и бѣдна, какъ мать ея—море, котораго восточную полосу можно видѣть, и если бъ услужливый вѣтръ не сметалъ снѣга, посылаемаго благимъ Н-

бомъ на эту мрачную страну, то можно бы сомнѣваться, посреди какой стихіи находишься. Только мѣстами встрѣчается намъ рѣденькій ельникъ. Чаще попадается ивовый кустарникъ, или, какъ Русскіе называютъ его словомъ Зырянскимъ — *ера*. Онъ обыкновенно указываетъ на близость маленькой рѣчки, тихонько протекающей по ровной тундрѣ. При подробнѣйшемъ разсмотрѣніи, еще можно вездѣ открыть небольшія возвышенности или бугры, изъ которыхъ многіе по наружности походятъ на Лапландскія горы; но зимою они едва замѣтны, отъ того, что окружающія ихъ углубленія наполнены снѣгомъ. Гдѣ такая неровность значительнѣе возвышается надъ поверхностію земли, тамъ грунтъ бываетъ голый, или развѣ покрывается тонкою, крѣпкою снѣговою корой, изъ-за которой вездѣ пробивается частый олеиій мохъ. Вотъ все, что я могъ открыть, ѣдучи изъ Сомжи и нѣсколько часовъ сряду внимательно осматривая мѣстность. Земля пустынна, почти какъ при началѣ сотворенія міра, и самое небо облекалось въ свое сѣрое покрывало. Мы лѣниво тянулись впередъ; снѣгъ началъ падать въ лице; ямщикъ затянулъ въ полголоса монотонную пѣсню. Наконецъ показался шалашъ. Онъ принадлежалъ отцу моего ямщика. Когда мы подъѣхали, насъ встрѣтилъ хозяинъ съ хозяйкою. Съ намѣреніемъ я остался при саняхъ, чтобы узнать, какимъ образомъ располагали принять меня. Я ожидалъ, что меня по крайней мѣрѣ попросятъ войти въ шалашъ, но напрасно. Самоѣды стояли, не

трогаясь съ мѣста; мужъ смотрѣлъ на меня прищуриваясь, жена глядѣла то на меня, то на мужа. Ямщикъ медленно отпрягъ своихъ оленей, потомъ подошелъ онъ къ отцу съ матерью и привѣтствовалъ ихъ словомъ: *торове* (здоровы). «Торове» отвѣчали ему въ одинъ голосъ отецъ и мать; тѣмъ и кончился разговоръ. Тогда я подошелъ къ молчавшимъ хозяевамъ моимъ съ привѣтствіемъ: «торове», и получилъ тотъ же отвѣтъ. За этимъ послѣдовала опять длинная пауза, которую я наконецъ прервалъ тѣмъ, что велѣлъ заложитъ новыхъ оленей. Потомъ пошедши къ шалашу, отворилъ я дверь; тутъ было темно какъ въ могилѣ. Я просилъ хозяйку развести огня и вошелъ въ шалашъ, увѣренный, что меня не оставятъ тамъ въ темнотѣ. Но и въ этомъ я ошибся. Ощупью идя по шалашу, наткнулся я на кучу хворосту. Я взялъ ее въ охабку и всю бросилъ въ очагъ; вынулъ изъ кармана фосфорную спичку и зажегъ хворостъ. При свѣтѣ пламени замѣтилъ я дѣвочку, которая, забившись въ самый дальній уголъ, съ жадностью убирала кусокъ сыраго мерзлаго мяса. Она при этомъ не употребляла ножа, а просто зубами раздирала весь большой кусокъ и встряхивала головой, такъ что волосы въ дикомъ безпорядкѣ развѣвались около багроваго лица. На меня поглядывала она глазами, въ которыхъ выражался отчаянный испугъ. Но вотъ вдругъ измѣняется выраженіе лица ея. Отбросивъ кусокъ мяса, она начинаетъ приводить въ порядокъ свои темные кудри. Лице опять принимаетъ свой натуральный цвѣтъ и глаза сіяютъ р

остію. Кто жъ бы подумалъ, чтобъ такая бездѣ-ица, какъ свѣтящаяся табакерка, могла произвести акую великую перемѣну въ душѣ человѣка? Между-ѣмъ, какъ дѣвушка, сидя въ нѣмомъ изумленіи, лю-овалась блескомъ табакерки, вошли остальные чле-ы семейства; они сѣли передъ огнемъ. Сынъ рас-оложился возлѣ меня, по лѣвую сторону очага; тецъ и мать заняли правую: таковъ обычай. Дѣ-ушка изъ уголка подошла къ матери, чтобы вбли-и разсмотрѣть табакерку. Такимъ образомъ мы всѣ оставили кружокъ и сидѣли въ глубочайшемъ мол-аніи: трескъ огня только и слышался въ шалашѣ. Наконецъ дѣвушка прервала тишину: замѣтивъ коль-о на моемъ пальцѣ, она испустила непонятный для еня звукъ. Потомъ она черезъ мать свою стала ра-спрашивать меня, что̀ бы я взялъ за кольцо, если бъ го захотѣлъ купить его. Когда я увѣрялъ, что икакъ не продамъ кольца, развѣ получу за него еплое сердце хорошенькой Самоѣдки, дѣвушка пять удалилась въ свой уголокъ. Между-тѣмъ ям-икъ успѣлъ вынуть изъ-за пазухи флягу съ вод-ой. Онъ налилъ себѣ порядочную деревянную чаш-у, опорожнилъ ее разомъ и передалъ потомъ и утылку и чашку отцу своему. Тотъ безъ церемо-іи также налилъ себѣ чашку водки и возвратилъ утылку сыну. Закусывая сырой олениной, они сподоволь пили по глотку, пока ничего болѣе не сталось въ бутылкѣ. Мать смотрѣла на все это съ рустнымъ безпокойствомъ; она не произносила ни лова — но глаза ея говорили тѣмъ трогательнѣе.

Сердце сына не чувствовало того; онъ спокойно выпилъ самъ послѣднюю каплю. Раздосадованный такою холодностію, я велѣлъ принести свой дорожный ящикъ и началъ потчевать хозяйку съ чрезвычайною щедростію. Теперь все въ шалашѣ приняло другой видъ: отецъ и сынъ, бросившись къ моимъ ногамъ, умоляли, чтобъ я имъ далъ «только однаго шнапса» моей «отличной водки». «Негодяи!» вскричалъ я, «не стыдно ли вамъ просить у меня водки, когда сами вы ни одной капли не удѣлили той, кто вамъ всѣхъ ближе на свѣтѣ! Только изъ-за вашего жестокосердія я теперь угощаю хозяйку. Ты, безстыднѣйшій изъ сыновей, въ эту минуту ты ѣшь хлѣбъ своихъ родителей—такъ было и во всю жизнь твою; а тебѣ кажется, что мать твоя не заслужила чарки водки». «Кто мать моя?» спросилъ ямщикъ въ остолбенѣніи. «Вотъ она тутъ; развѣ она не мать твоя?» спросилъ я опять, указывая на хозяйку. «Не она моя мать», былъ короткій отвѣтъ ямщика. Тогда я спросилъ у хозяина, развѣ это не жена его? Онъ сперва сказалъ, что нѣтъ, а потомъ отвѣчалъ утвердительно. Я уже готовъ былъ составить въ мысляхъ самое дурное мнѣніе о супружескихъ отношеніяхъ Самоѣда; но когда сталъ распрашивать подробнѣе, ямщикъ объяснилъ: «мы не Христіане и не вѣруемъ въ Русскаго Бога. Наша вѣра позволяетъ намъ брать столько женъ, сколько намъ угодно. Изъ нихъ первая почитается несравненно выше другихъ; я родился отъ первой жены моего отца. Если бъ *моя* мать была здѣсь, то я непремѣнно

;алъ бы ей шнапсу; но тотъ, у кого не болѣе пятадцати оленей, не въ состояніи угощать все сеіейство». Это объясненіе немного укротило мой нѣвъ, такъ-что я далъ и отцу и сыну по шнапсу, о съ условіемъ, чтобы тотчасъ же запрягли оленей.)днако, прежде-нежели исполнили мое приказаніе, вынужденъ былъ еще дать всѣмъ по одному шнапу. Послѣ того вся честная компанія наконецъ вылла. Съ помощью собаки начали сгонять оленей: се стадо обвели веревкою и выбрали изъ него воемь оленей, изъ которыхъ по четыре запрягли въ каждыя сани. Когда мы ужъ были готовы отправиться, хозяинъ еще попросилъ чарку водки себѣ и женѣ своей. «Что ты мнѣ сдѣлалъ такаго, за что ›ы мнѣ поить тебя водкой?» спросилъ я Самоѣда. Ты ѣдешь на моихъ оленяхъ», отвѣчалъ онъ. «За то я плачу тебѣ прогоны»—возразилъ я. «Я дамъ ебѣ хорошихъ оленей», сказалъ Самоѣдъ. «Но твой ынъ худо ѣдетъ» — отвѣчалъ я. «За то ты *ему* не дашь водки!» былъ отцовскій совѣтъ Самоѣда. Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать хозяину и козяйкѣ еще по шнапсу. Потомъ мы отправились. Въ пути застигла насъ темнота и метелица, и послѣ многихъ непріятностей мы ночью пріѣхали въ деревню *Несь*. Она въ 60 верстахъ отъ Сомжи.

VI.

Деревня Несъ лежитъ при рѣкѣ того же имени верстахъ въ пятнадцати отъ впаденія ея въ Бѣлое море. Она состоитъ изъ бѣдныхъ избушекъ, въ

которыхъ живетъ нѣсколько мѣщанъ, записанныхъ въ Мезени. Ихъ предки здѣсь поселились для того, чтобы обманомъ и грабежемъ поправить свое разстроенное состояніе. Но это ни къ чему не служитъ ихъ потомкамъ, потому-что нынѣ Правительвтво здѣсь довольно дешево продаетъ Самоѣдамъ муку, соль, свинецъ и порохъ. Въ-старину производилась въ Несѣ торговля виномъ, и деревня эта служила тогда сборнымъ мѣстомъ Канинскихъ Самоѣдовъ. Въ 1825 году сюда присланы были миссіонеры для обращенія Самоѣдовъ въ Христіанскую вѣру. Это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Оставалось снабдить Самоѣдовъ Церквами и священниками. Такъ каждая изъ трехъ тундръ пріобрѣла свою Церковь: *Большеземельская* при рѣкѣ Колвѣ, *Канинская* въ деревнѣ Несѣ, а *Тиманская* при рѣкѣ Пёшѣ. Первыя двѣ были построены въ 1831-мъ, а послѣдняя въ 1833-мъ году. Нѣсколько времени спустя послѣ освященія Канинской Церкви, винную торговлю по весьма понятной причинѣ перевели изъ Неса въ деревню Сомжу. Съ тѣхъ поръ Самоѣды рѣдко посѣщаютъ Несъ; теперь они собираются около Сомжи, и тамошніе крестьяне присвоили себѣ почти всю торговлю, которая прежде составляла для жителей Неса источникъ пропитанія. Узнавъ въ Мезени эти обстоятельства, я рѣшился на нѣсколько недѣль поселиться въ Сомжѣ—но, какъ я уже въ одномъ изъ прежнихъ писемъ упоминалъ, Самоѣду питейный домъ былъ милѣе моей рабочей комнаты. Пріѣхавъ въ Несъ, я тотчасъ велѣлъ призвать къ себѣ ста-

шину Канинской тундры и приказалъ ему немедленно достать мнѣ Самоѣда, хорошо знающаго Русскій языкъ. Старшина обѣщалъ уже въ слѣдующій день исполнить мое порученіе, и я былъ такъ простъ, что положился на его обѣщаніе. Прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, а Самоѣдъ не являлся. Въ этомъ ожиданіи протекло почти все время Святокъ.

Ты, можетъ быть, желаешь узнать, какъ Самоѣды празднуютъ Рождество. Это, какъ и многое на свѣтѣ, зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а мнѣ они на первый случай не очень-то благопріятствовали. За отсутствіемъ священника остановился я у чиновника, подъ надзоромъ котораго были хлѣбные, пороховые и соляные магазины той деревни. Новый годъ наступалъ. Мы съ понамаремъ выставили силки для бѣлыхъ куропатокъ. Но когда вечеромъ, наканунѣ новаго года, пошли мы осмотрѣть свои силки, то увидѣли съ горестію, что обманулись въ надеждѣ. Воротившись домой, я взялъ ружье и на лыжахъ отправился въ лѣсокъ. Не видно было ни одной бѣлой куропатки. Когда я уже собирался домой, то увидѣлъ за рѣкою густой лѣсокъ, и рѣшился отправиться туда, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ могъ имѣть удовольствіе два раза спуститься съ горы. На первой горѣ была крутая стремнина, которой сверху не было видно. Если бы я прежде замѣтилъ ее, то увѣренъ, что скатился бы счастливо—но теперь, съ ружьемъ въ рукахъ, упалъ и ударился въ сугробъ. Къ-счастію, никто не видалъ моего позора, и я отправился домой съ весе-

лымъ видомъ. Вошедши въ комнату, сталъ я опять думать, какъ бы отпраздновать новый годъ. Отъ неудачной охоты, виды мои сдѣлались гораздо мрачнѣе. Единственнымъ моимъ прибѣжищемъ была теперь жена священника. Я взялъ шапку и пошелъ. Въ комнатѣ попадьи тускло горитъ свѣчка; въ кухнѣ темно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отворяю дверь; съ лежанки слышно было легкое храпѣніе. Тихими шагами подхожу къ двери; но взяться за ключь — на это у меня не стаетъ бодрости. Воротиться было бы опасно, потому-что, если бы чье-нибудь бдительное ухо замѣтило меня, я бы легко могъ быть принятъ за вора. Эта мысль меня ободрила. Я смѣло схватился за ключь — отворилъ дверь и вошелъ. Передъ столомъ сидитъ ангелъ юности и красоты. Она читаетъ большую книгу — у ногъ ея лежитъ на скамѣйкѣ маленькое дитя, слущая съ благоговѣніемъ житія Святыхъ Отцовъ.

Передъ Образами горитъ восковая свѣча. Подвинувшись шага на два, я поклонился, но не успѣлъ еще сказать ничего, какъ попадья ушла въ кухню, взявъ съ собою и малютку. Что это значитъ? Ужели она оставитъ меня здѣсь однаго? думалъ я. То-то была бы шутка, впрочемъ заслуженная. Возлѣ «Четій Миней» лежалъ пѣсенникъ. Я сталъ читать его, прочелъ нѣсколько страницъ: никто не являлся. Наконецъ вошла служанка съ самоваромъ; въ слѣдъ за нею и попадья. Теперь я докончилъ прерванную фразу простымъ извиненіемъ въ томъ, что рѣшился потревожить ее. Но она съ кротостію у-

рекнула меня за то, что я до этихъ поръ не «удоcтоивалъ ея посѣщеніемъ». «Мы ведемъ,» прибавила [о]на, «печальную жизнь въ этой пустынѣ. Когда пріѣз[ж]іе посѣщаютъ насъ, мы сердечно бываемъ рады, а [в]асъ мы ужъ давно ждали.» Принявъ это за обыч[н]ую вѣжливость, я отвѣчалъ довольно сухо, что [м]ои земляки и единовѣрцы рѣдко бываютъ доро[г]ими гостями. Попадья возразила съ жаромъ: «Мы [в]ъ свѣтѣ научились не многому, но добрыхъ людей [н]е боимся, какой бы ни были они вѣры и націи. [Зл]ыхъ людей мы ненавидимъ и гнушаемся ими, [б]удь они и изъ нашихъ единовѣрцевъ. Хоть вы у [н]асъ и не были; но я, желая доставить вамъ удоб[н]ое помѣщеніе, приготовила вамъ комнату. По воз[в]ращеніи моего мужа мы хотѣли пригласить васъ [к]ъ себѣ; но, если вамъ угодно, вы можете пере[ѣ]хать ужъ завтра». Потомъ она показала мнѣ ком[н]ату, которая была свѣтла и весела. Попадья сама [о]бтянула стѣны картузною бумагой и окрасила ихъ [г]олубою краской. Въ комнатѣ былъ маленькій ди[в]анчикъ и нѣсколько чистенькихъ деревянныхъ [с]тульевъ. Вычищенный самоваръ стоялъ на опрят[н]омъ столѣ. Осмотрѣвъ все, мы возвратились къ [ч]айному столу, на который, кромѣ обыкновенныхъ [п]ринадлежностей, въ отсутствіи нашемъ, поставили [] пирогъ съ ягодами. Въ занимательныхъ разгово[р]ахъ я не замѣтилъ, какъ прошелъ вечеръ. Черезъ [н]ѣсколько дней священникъ возвратился, и я про[в]елъ Русскія Святки, какъ нельзя пріятнѣе, въ его [в]еселомъ и добромъ семействѣ. До сихъ поръ моя

иноземная, неправославная особа внушала нѣкото-
рую боязнь. Но когда всѣ замѣтили, какую благо-
склонность священникъ и его жена оказывали мнѣ;
когда увидѣли, что мы обѣдаемъ за однимъ столомъ
(противъ чего, мимоходомъ сказать, слышны были за-
мѣчанія); увидѣли даже, что священникъ въ день са-
маго Рождества окропилъ меня святою водою: тогда
наконецъ и простые люди стали считать меня человѣ-
комъ. Вообрази, что въ день Рождества нѣсколько мо-
лодыхъ дѣвушекъ, называемыхъ *виноградьемъ*, черезъ
жену священника попросили позволенія спѣть мнѣ
пѣсню. Содержаніе ея въ томъ состояло, что мнѣ
сулили невѣсту, которой богатство, красота и даро-
ванія превозносимы были до небесъ. Извини, что
тебя такъ долго занимаю бездѣлицами. Да, для
васъ благосклонное обхожденіе, вкусный столъ,
хорошенькая пѣсня, сердечное слово — чистыя без-
дѣлицы; но ты не долженъ забывать, что мы те-
перь находимся въ самыхъ несходныхъ обстоятель-
ствахъ. Вы обильно наслаждаетесь благами жизни,
а мнѣ обыкновенно долго приходится брести тяже-
лымъ путемъ, пока судьба не приведетъ встрѣтиться
съ добрыми людьми.

О НЕОБХОДИМОСТИ ТѢЛЕСНАГО ВОСПИТАНІЯ *.

Не всѣ народы достигаютъ одинаковой степе-
и развитія, какъ въ моральномъ, такъ и въ физи-
эскомъ отношеніи; напр: Итальянцы были искони
эстомъ ниже Германцевъ. Климатъ составляетъ
дно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, условли-
ающихъ тѣлесное развитіе народовъ: такъ горцы
юобще сильнѣе болотняковъ. Другое не менѣе важ-
эе обстоятельство — образъ жизни, родъ занятій:
эртной, или писецъ естественно не можетъ быть
акъ крѣпокъ, какъ матросъ, пастухъ, плотникъ.
ища также имѣетъ рѣшительное вліяніе на разви-
е силъ и даже отчасти на характеръ человѣка.

При всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ
ародъ можетъ достигнуть высшей степени развитія,
ь какой только способенъ по своему географичес-
ому положенію, но конечно не идеально-высшей.

* Въ одномъ изъ Нѣмецкихъ журналовъ, называемомъ *Четверт-
эю,* помѣщена статья извѣстнаго писателя *Вольфганга Менцеля*
*О тѣлесныхъ упражненіяхъ въ политическо-экономическомъ от-
эшеніи».* Эта статья заслужила вниманіе людей мыслящихъ,—и нѣ-
эторыя изъ мыслей, въ ней изложенныхъ, были приняты короно-
анными Особами въ Германіи и утверждены правительственными
аспоряженіями. Для насъ Русскихъ она не можетъ имѣть такаго
иваго интереса, какъ для Нѣмцевъ, потому-что авторъ говоритъ
олько о томъ, что находитъ въ Германіи, и что, по его мнѣнію,
ыло бы полезно для Герммавіи; но самый предметъ близокъ къ
ердцу каждаго мыслящаго человѣка, а изложеніе его придаетъ
татьѣ интересъ общій: и потому мы рѣшились ознакомить нашихъ
итателей съ этою статьею, исключивъ изъ нея все слишкомъ част-
ое, мѣстное.

Также можетъ случиться, что народъ опустится гораздо ниже того состоянія, въ какомъ былъ прежде — выродится; исторія представляетъ довольно примѣровъ подобнаго упадка, ослабленія цѣлыхъ племенъ. Оставляя безъ вниманія всѣ преувеличенные возгласы противъ нашего времени, можно однако сдѣлать вопросъ: не упускается ли въ Германіи многое, что должно бы наблюдать для сохраненія въ народѣ физическихъ силъ и здоровья? не слѣдовало ли бы принять какія-нибудь мѣры для этой цѣли?

Ежедневный опытъ удостовѣряетъ, что съ каждымъ новымъ рекрутскимъ наборомъ является болѣе и болѣе негодныхъ къ военной службѣ, что въ младшемъ поколѣніи — въ школахъ и на фабрикахъ — очень много слабыхъ и болѣзненныхъ, и что, въ слѣдствіе нищеты, изнуренія, пьянства и разврата, физіономія нашего народа получила весьма непріятное выраженіе. Причины такаго бѣдствія заключаются отчасти въ прошедшемъ, но болѣе въ настоящемъ; вотъ онѣ:

1.) Въ революціонныхъ войнахъ съ 1792 по 1815 г. погибли въ цвѣтѣ лѣтъ милліоны мущинъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ; а родоначальниками будущихъ поколѣній остались слабѣйшіе, бывшіе негодными къ военной службѣ.

2.) Съ тѣхъ поръ, какъ распространилось прививаніе оспы и вообще улучшилось врачебное искусство, живутъ и такіе люди, которые безъ того умер

и бы въ дѣтствѣ, а теперь они вырастаютъ и свою илость даже передаютъ потомкамъ своимъ

.) Перемѣнилось численное отношеніе горожанъ ъ поселянамъ: при распространеніи городской проышленности возрасло число людей, работающихъ е на открытомъ воздухѣ; 4) да и между самими оселянами увеличившаяся бѣдность ослабила ихъ ѣлесныя силы.

.) Браки не естественные, основанные въ высшихъ лассахъ на корыстолюбіи, а въ низшихъ, заключаемые, по нерасчетливости, людьми, которые едва въ остояніи кое-какъ прокормить себя, производятъ о большей части потомство слабое, хилое.

.) Напротивъ, именно тѣ, которые могли бы сдѣлаться родоначальниками поколѣнія здороваго и ильнаго, очень часто ведутъ жизнь безбрачную.

.) Роскошь — въ слѣдствіе ли долговременнаго ира, или религіознаго равнодушія — способствуетъ изическому ослабленію нашего поколѣнія во всѣхъ ословіяхъ; страсть къ наслажденіямъ проникла во сѣ слои общества; тамъ, гдѣ оканчиваются наслажденія высшаго класса, начинаются грубѣйшія, которыя дѣйствуютъ на массу еще губительнѣе; для примѣра довольно указать на пьянство.

8.) Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла дисциплина и въ домашнихъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Люди низшаго класса и молодежь кутятъ, не уважая правилъ нравственности. Развратъ вообще усилился, и законы, преслѣдуя строго преступленія политическія и полицейскія, равнодушно смотрятъ на возрастаю-

щую безнравственность; число незаконнорожденныхъ и число разводовъ увеличиваются не пропорціонально съ увеличеніомъ народонаселенія.

9.) И связи, соединяющія дѣтей съ родителями, ослабѣли отъ того, что дѣти рано оставляютъ домъ, и первые годы жизни проводятъ — или въ школахъ, или на фабрикахъ, или бродя по улицамъ.

10.) Дѣти, находящіяся въ школахъ и на фабрикахъ, слишкомъ много времени остаются на мѣстѣ, въ спертомъ, нездоровомъ воздухѣ. Въ школахъ часто одно классное время занимаетъ семь часовъ, да, кромѣ того, часа четыре, если не больше, нужно на повтореніе заданныхъ уроковъ. На фабрикахъ также велико число рабочихъ часовъ. И отъ того хилость, блѣдность, узкогрудіе и слабость зрѣнія, или близорукость такаго множества школьниковъ, и жалкій, испитой видъ фабричныхъ мальчишекъ.

11.) Много вредитъ и несоразмѣрность въ пищѣ. При равномъ недостаткѣ въ движеніи, дѣти высшаго сословія часто ѣдятъ слишкомъ хорошо и много, а бѣдные напротивъ — дурно и мало; и то и другое равно нездорово.

12.) Существеннѣйшее зло, способствующее къ тому, что люди вырождаются — недостатокъ въ моціонѣ. Дыханіе чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, ровная испарина, укрѣпленіе мускуловъ приличнымъ движеніемъ и напряженіемъ силъ составляютъ дѣйствительное средство противъ нажитой и даже противъ наслѣдственной болѣзненности; могутъ даже при дурной пищѣ поддерживать здоровье въ завидномъ со-

ояніи. Не только недѣлимыя, но и цѣлые народы едставляютъ примѣры, подтверждающіе эту исну.

Много было писано о воспитаніи, объ устройвѣ школъ, о гимнастикѣ, о бѣдности, о тюрмахъ, пьянствѣ и о многомъ другомъ, что имѣетъ связь нашимъ предметомъ; трудно сказать объ немъ го-нибудь новое; но, кажется, его мало разсматрили именно съ той точки зрѣнія, съ которой бы ѣдовало обратить на него особенное вниманіе — отношеніи политическомъ.

Раціональное скотоводство въ наше время довено до высокой степени совершенства. Если бъ мно было примѣнить его правила къ людямъ, зло ло бы отвращено очень просто; но то, что хоро-о для скота, непримѣнимо къ людямъ. Междумъ каждый, кто разсматриваетъ родъ человѣческой цѣлости его развитія; каждый, кто призванъ дать направленіе этому развитію — найдетъ, что ежду всѣми капиталами, употребляемыми для чевѣческихъ цѣлей, самый производительный, самый рвый, древнѣйшій и вѣрнѣйшій — тѣлесное здовье и крѣпость людей. И потому политической ономіи слѣдуетъ заниматься особенно вопросомъ— кЪ этотъ капиталъ можетъ быть упроченъ, сохраенъ и умноженъ?

Въ государственномъ управленіи недостаетъ це одного вѣдомства, которое бы заботилось о храненіи физическихъ силъ народа. Медицинскія полицейскія управы были до сихъ поръ недоста-

точны. Школы заботились только о развитіи и укрѣпленіи духа, даже часто на счетъ тѣла. Военныя заведенія ограничивали свою дѣятельность только тѣми лицами, которыя къ нимъ принадлежали, не заботясь о самомъ источникѣ, изъ котораго пополняютъ свой комплектъ; впрочемъ эти заведенія все-таки содѣйствуютъ сколько-нибудь къ сохраненію тѣлесныхъ силъ народа.

И-такъ мы ограничимся разсмотрѣніемъ вопроса: какъ можетъ быть сохраненъ и умноженъ физическій капиталъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ, чтобы принести государству обильную пользу? Государство, умножая этотъ капиталъ, упрочиваетъ свое благосостояніе и могущество; упуская изъ виду эту силу, оно производитъ зло тягостное и губительное, котораго сумма опредѣляется статистикою больницъ, богаделень, смирительныхъ домовъ и преступленій всякаго рода.

По-этому государство не должно щадить никакихъ способовъ для развитія тѣлесной крѣпости и силъ въ молодомъ поколѣніи: всѣ издержки, употребляемыя на этотъ предметъ, вознаградятся съ лихвою — увеличеніемъ силы производителей для промышленности и средствъ военной защиты. Для достиженія этой цѣли должно быть обращено дѣятельное вниманіе — во-первыхъ, на невѣжество и неумѣнье обращаться съ дѣтьми, во-вторыхъ, на необходимость доставлять дѣтямъ и молодымъ людямъ движеніе на вольномъ воздухѣ, и въ-третьихъ, на тѣлесныя упражненія — на гимнастику.

Съ истребленіемъ рыцарскаго духа, въ воспита-
іи дѣтей высшаго сословія, явилась изнѣженность,
въ то же время въ классѣ бѣдномъ увеличилось
евѣжество на счетъ вещей самыхъ обыкновенныхъ,
тъ того, что дѣти, рано оторванныя отъ родительска-
о дома, не слѣдуютъ опытности домашняго быта,
знаютъ одно, что нужно для ихъ дѣятельности
бщественной, или промышленной, а ничего о томъ,
акъ должно жить и поступать—и отъ того множе-
тво болѣзней, которыя происходятъ отъ невѣдѣнія
амыхъ обыкновенныхъ правилъ гигіены. Надобно
ы серьёзно подумать о народномъ образованіи, обра-
ить вниманіе на всю массу населенія до низшихъ
лоевъ его, составляющихъ широкую основу обще-
тва. Надобно, чтобы школьное ученіе больше примѣ-
ялось къ жизни, а не являлось бы какимъ-то от-
ывкомъ, или приготовленіемъ университетскаго кур-
а, блестящимъ по наружности, да не могущимъ
своиться народу. Надобно, чтобы и ученыя заве-
енія, академіи, не считали единственною цѣлію
воего существованія — изслѣдованіе задачъ фило-
огическихъ, или допотопныхъ, а озаботились бы
оставленіемъ книгъ, въ которыхъ бы коротко да
сно были изложены всѣ свѣдѣнія, необходимыя
ля каждаго человѣка.

Истина, что молодое тѣло столько же нуждает-
я въ движеніи, какъ старое въ покоѣ, одна изъ
амыхъ древнихъ; но въ наше время до того за-
ыта, что химикъ Либигъ (Liebig) долженъ былъ
нова открыть ее. Дѣти-сидни — такая же неесте-

ственность, какъ и старикъ, бѣгающій въ-прискачку. Оставить молодаго человѣка безъ движенія — все равно, что растеніе лишить свѣта; дѣти, которыя проводятъ большую часть дня на мѣстѣ за книгой или за работой, походятъ на растенія, увядающія въ темнотѣ.

Хоть бы какая-нибудь польза была отъ чрезмѣрнаго сидѣнья, какое сдѣлалось у насъ обыкновеннымъ для большей части дѣтей; но тутъ о пользѣ не можетъ быть и рѣчи. Единственная выгода отъ увеличенія классныхъ часовъ — сокращеніе времени, нужнаго для окончанія курса; только еще выгода ль это? Что пользы отъ того, что молодые люди въ наше время годами двумя-тремя раньше оканчиваютъ курсъ своего ученія? Нельзя же вдругъ найти мѣста для всѣхъ скороспѣлыхъ ученыхъ. Ихъ гражданская дѣятельность не выигрываетъ отъ того, что они раньше разстаются со школьною скамьею; а правительство не получаетъ тѣмъ ни большаго числа, ни лучшихъ исполнителей своихъ благихъ цѣлей; еще напротивъ — наживаетъ толпы недовольныхъ, у которыхъ ускоренное образованіе развило неудовлетворимыя претензіи и ожиданія; общество, наполненное людьми, приготовленными къ дѣятельности, но неполучившими занятія, походитъ на человѣка, который страдаетъ полнокровіемъ; и какъ опасна эта болѣзнь общества — доказываютъ злоупотребленія вольности книгопечатанія. Излишекъ въ людяхъ, получившихъ высшее образованіе, не такъ-то выгоденъ для

государства; стало быть, незачѣмъ и ускорять оканчанія курса увеличеніемъ класснаго времени.

Люди наблюдательные знаютъ, какъ обманчиво насильственное возвышеніе, или ускореніе духовнаго образованія. Никакія обстоятельства, никакія искуственныя средства не могутъ расширить предѣловъ возможности, положенныхъ человѣческой силѣ и человѣческому духу. Кто двигаетъ тяжесть, которая ему не въ-подъемъ — надорвется. Точно такъ и въ умственномъ отношеніи: давая молодому уму занятіе, которое подъ-силу только человѣку, уже довольно развитому душевно и тѣлесно, можно произвести преждевременную зрѣлость, но тѣмъ самымъ приблизить и время хилой старости; от того дѣти, удивляющія необыкновенно-раннимъ развитіемъ, часто такъ жестоко обманываютъ надежды своихъ воспитателей. Когда наступаетъ возрастъ зрѣлости и дѣятельности, они становятся хилыми, неспособными къ дѣлу—старѣютъ прежде времени. Вотъ ужъ прошло больше полувѣка, какъ реформаторы педагогіи обѣщаютъ намъ чудеса отъ своихъ методъ, а все еще не видали мы плодовъ ихъ обѣщаній и усилій. Напротивъ того—этимъ-то парникамъ образованія обязаны мы много тѣмъ, что въ наше время такъ непропорціонально увеличилось число людей, высоко думающихъ о себѣ, которые, увлекаясь своими теоретическими мечтами, навязываются съ своими совѣтами туда, гдѣ ихъ меньше всего спрашиваютъ, гдѣ въ ихъ совѣтахъ совсѣмъ не нуждаются. Политическая болтовня

многихъ газетъ и книгъ хорошо характеризуетъ чрезмѣрную мечтательность и раздражительность, такъ называемыхъ, образованныхъ нашего времени.

Впрочемъ мы не хотимъ этимъ сказать, будто бы учебныя заведенія, увеличивая число классныхъ часовъ, не имѣли благой цѣли. Усиліемъ занятій они хотѣли удовлетворить возвысившимся требованіямъ общества. Странное дѣло: въ дѣтяхъ вздумали предполагать какую-то универсальность. Въ то время, когда науки дошли въ дробленіи и подраздѣленіяхъ до крайности, даже иногда смѣшной и вредной—въ школѣ хотятъ соединить все: ясное дѣло, что это противоестественно и неблагоразумно.

Разсудительные и опытные педагоги давно уже твердятъ объ основаніи реальныхъ гимназій и училищъ, о томъ, чтобы тѣхъ молодыхъ людей, которые совсѣмъ не готовятся къ университетскому ученію, избавить отъ древнихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ только для готовящихся къ университету, а для другихъ составляющихъ лишнее бремя. Раздѣливши такимъ образомъ содержаніе курса и не усиливаясь сокращать срокъ ученія, можно легко ограничиться нетягостнымъ числомъ классныхъ часовъ. Еще болѣе можно бы дать свободы стѣсненному курсу, слѣдуя въ преподаваніи хорошей методѣ: хорошій учитель можетъ сдѣлать въ часъ столько же, какъ другой въ два и три.

Кто заставляетъ дѣтей сидѣтъ по семи часовъ ›ъ училищѣ, тотъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ на-ıѣреніяхъ, дѣйствуетъ противоестественно и все-таки ıе достигаетъ своей цѣли. Продолжительное си-ıѣнье утомляетъ не одно тѣло, но и душу, даже ıаводитъ столбнякъ. Какой свѣжести и упругости ıуха можно ожидать отъ мальчика, который про-ıидѣлъ въ день до 10 часовъ за чтеніемъ и пись-ıомъ? Я говорю 10 часовъ, потому-что дѣло не ›граничивается однимъ сидѣньемъ въ классѣ: нуж-ıо еще заниматься дома, чтобы приготовить задан-ıое, а часто къ 7-ми положеннымъ часамъ приба-ıляются еще и частные уроки — зло, поддерживае-ıое скудостію окладовъ учительскаго жалованья и ıеблагоразуміемъ родителей. Если принять, что ›ченикъ и пяти минутъ не просидитъ даромъ, слѣд-ıтвіемъ такаго напряженія будетъ усталость; если ке вринять, что вниманіе ученика не должно ›аботать безпрестанно въ теченіе 10-ти часовъ, ›акъ зачѣмъ тогда держать его на мѣстѣ безъ за-ıятія?

Еще есть въ школахъ зло, которое давно по-ıа бы отвратить—учебники, напечатанные мелкимъ ıрифтомъ и на дурной бумагѣ. Самое лучшее зрѣ-ıіе не устоитъ противъ многолѣтняго чтенія подоб-ıыхъ книгъ; отъ того такъ многіе въ наше время ›суждены всю жизнь носить очки.

Настоящую язву современнаго общества соста-ıляютъ недоучки — люди полуобразованные, кото-

рые отстали отъ простоты своихъ предковъ, и, не получивши полнаго образованія, вышли ни то, ни сё, середка на половинѣ: они ищутъ того, къ чему неспособны, презираютъ то, что собственно должно бы составлять сферу ихъ дѣятельности; это люди съ желаніями неудовлетворимыми и отъ того недовольные ничѣмъ. Къ несчастію, такое стремленіе небогатыхъ къ наружному блеску, какой приличенъ только высшему сословію, овладѣло и женщинами: дѣвицы получаютъ воспитаніе, часто не соотвѣтствующее состоянію ихъ родителей, и тѣмъ дѣлаются въ тягость и себѣ и обществу. Мотовство и развратъ—непремѣнные спутники полуобразованія; а полуобразованіе происходитъ тогда, когда человѣку попадутъ въ голову отрывки такихъ мыслей, которыхъ онъ вполнѣ обнять и усвоить не въ состояніи. Можно имѣть много познаній и быть полуобразованнымъ; можно, и при небольшихъ познаніяхъ, быть человѣкомъ прекрасно образованнымъ, разумѣется, для своей сферы, для своего быта. Познанія, которыхъ не къ чему примѣнить, тяготятъ человѣка, какъ лишній балластъ; жизнь наша такъ коротка, что ее не слѣдуетъ тратить на пріобрѣтеніе такихъ познаній, въ которыхъ не предвидится надобности; а сколько школьнаго времени убивается именно на такіе предметы!

Если таково положеніе учащагося юношества, которое принадлежитъ къ сословію болѣе или менѣе зажиточному — что и говорить о фабричныхъ мальчикахъ! Это несчастнѣйшія созданія — физиче-

ки и морально худшіе члены общества. На нихъ олжно быть обращено особенное вниманіе прави- ельства. Рано ли, поздно ли — придется сдѣлать асчетъ, что обойдется дороже — воспитаніе ли днаго мальчика, или содержаніе взрослаго человѣ- а въ тюрьмахъ, смирительныхъ домахъ, больни- ахъ и богадельняхъ?

Для мальчиковъ вообще, равно для бѣдныхъ и огатыхъ, для поселянъ и горожанъ, кромѣ воспи- анія умственнаго и нравственнаго, кромѣ наученія емеслу, необходимы еще упражненія для укрѣпле- ія тѣла. Устраненіе вредныхъ обстоятельствъ, счисленныхъ выше, необходимо соединить съ тою положительною мѣрою. Гимнастическія заве- енія, устроенныя въ разныхъ мѣстахъ, могутъ быть азваны только опытами, доказывающими важность акой мѣры; но польза отъ нихъ не можетъ быть елика, потому-что не обнимаетъ всей массы наро- а, а касается только немногихъ, и потому еще, то, будучи дѣломъ частныхъ лицъ и мѣстъ, мо- кетъ часто принимать не такое направленіе, какъ ы слѣдовало. Случается, что гимнастическія упраж- ненія располагаются безъ вниманія къ возрасту. Дѣти младшаго возраста могутъ съ пользою упраж- няться въ бѣганіи, прыганіи, лазаніи, балансирова- ніи, стрѣльбѣ, плаваніи, словомъ—во всемъ, что тре- буетъ проворства, легкости, быстроты, вѣрности глаза и движеній; а все, что способствуетъ къ укрѣ- пленію груди и рукъ, что требуетъ напряженія

силы, должно быть предоставлено возрасту болѣе зрѣлому — начиная лѣтъ съ 15, 16 или и позже.

Прусское правительство уже намѣрено завести классъ гимнастики во всѣхъ училищахъ, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Осуществленіе этой мысли будетъ богато послѣдствіями; но чтобы она вполнѣ обняла весь народъ и принесла всю пользу, какой отъ нея можно ожидать, надобно соединить такое учрежденіе не съ однѣми школами, но и со всею системою земскаго ополченія. Въ каждомъ приходѣ вѣрно найдется какой-нибудь служивый, подъ руководствомъ котораго въ извѣстные сроки могла бы собираться деревенская молодежь и играя приготовляться къ военной службѣ. Такимъ образомъ и полки пополнялись бы рекрутами, пріученными немного къ ловкости въ движеніяхъ, необходимыхъ для воина, и народъ вообще не походилъ бы на беззащитное стадо, которое можетъ быть разогнано толпою какихъ-нибудь мародеровъ, какъ это неразъ случалось въ началѣ столѣтія и въ Пруссіи и въ Австріи и въ другихъ земляхъ.

Взрослые молодые люди, не одни дѣти, могли бы съ пользою и съ охотою заниматься приличными гимнастическими упражненіями, сообразными съ мѣстностію, временемъ года и другими обстоятельствами; для этаго нѣтъ надобности въ заведеніяхъ дорого стоющихъ, устроенныхъ для излеченія больныхъ посредствомъ гимнастики. Примѣры Швей-

арскихъ горцевъ, Ганавскихъ ремесленниковъ и другіе могутъ служить образцемъ и вмѣстѣ доказываютъ справедливость нашего мнѣнія о возможности подобнаго устройства, котораго важность можетъ оцѣнить каждый мыслящій человѣкъ.

С. Барановскій.

СЦЕНА

изъ новой драматической поэмы: «Дѣвушка».

Ночь. Днѣпръ. Дѣвушка сидитъ на берегу.

Дѣвушка.

Затихнуло. Въ жилищѣ человѣковъ
Угаснули послѣдніе огни.
Какъ облако, тревожимое вѣтромъ,
Колышется — колышася идетъ
Сѣдой туманъ по луговымъ долинамъ.
По камешкамъ, чуть-чуть журча, ручей
Бѣжитъ-себѣ. Красивый полумѣсяцъ —
Что золотомъ зашитая повязка.
И знаю я, какъ подплывешь къ притону
Огольчиковъ и самыхъ мелкихъ рыбокъ —
Они, смутясь, во всѣ концы плывутъ,
Серебреной чешуйкою сверкая.
Такъ звѣздочки по голубому небу
Являются, толкутся, убѣгаютъ,
И свѣтятся трепещущимъ огнемъ.
Но тише! чу! береговый шиповникъ
Колеблется, зашелестили вѣтви —
И уточка крикливая взвилась:
По воздуху два круга очертила,

Зубчатыми крылами ударяя....
Опять въ рѣку. Головкой поводя,
Она плыветъ спокойно-горделиво...
И къ берегу — и скрылась... тихо... тихо...
(Вдали показываются Русалки—онѣ поютъ плывя.)

Пѣснь Русалокъ.

Пышенъ цвѣтикъ василекъ;
Съ нимъ дружится мотылекъ;
Смотритъ солнце на него,
А вечерница его
Осыпаетъ серебромъ:
«Не хочу я быть цвѣткомъ».

Птичка дремлетъ на вѣтвяхъ
Въ расцвѣтающихъ цвѣтахъ,
Проса зернушки клюетъ
И поетъ себѣ, поетъ—
Только бъ слушать, да хвалить!
«Не хочу я птичкой быть».

Какъ прекрасна и нѣжна
Полногрудая жена!
Очи — будто небеса,
А блестящая коса
Извивается змѣей.
«Не хочу я быть женой».

Дѣвушка.

Имъ весело. И я бы веселилась,
Когда бы имъ подобною была.
Но я не то. Съ непамятнаго часа
У нихъ живу въ чертогѣ велелѣпномъ,
Любимая могучею царицей.

Но я не ихъ. Какъ мягкій лепестокъ
Черемухи, слетѣвъ съ цвѣтка роднаго,
Не зная самъ, куда и какъ несется —
Такъ и онѣ. Что можетъ быть прекраснѣй
Ихъ бѣлыхъ плечь, ихъ бѣлаго лица!
Но отъ того, что въ нихъ нѣтъ теплоты
Какъ у меня — сначала было тяжко
Касаться ихъ. Ихъ ярко очи блещутъ:
Но въ нихъ вглядись — они не глубоки.
Я — не они. Мнѣ душно подъ водою.
Имъ не понять, чего желаю я!
Я не дѣлю ихъ странныхъ наслажденій.
Хочу идти! хочу идти къ своимъ!

Пѣснь Русалокъ.

Какъ надъ синею рѣкой
Станетъ мѣсяцъ золотой,
Понесутся тихо тучи,
И въ дубравушкѣ дремучей
Заболтается съ совой
Любопытный домовой;

Какъ блудячимъ огонькомъ
Надъ болотнымъ тростникомъ
Старый лѣшій замерцаетъ,
И печально завываетъ,
Жаднымъ зубомъ щелкъ да щелкъ,
Никогда несытый волкъ:

Мы всплываемъ надъ водой,
Чтобъ натѣшиться игрой,
Оборвать цвѣтки долины,
Обломать сучки малины,

И прохожаго манить —
Заманить и загубить.

Дѣвушка.

Имъ весело. Онѣ не то, что я.
А я у нихъ. Порою, въ этой груди,
Мнѣ чуется, что что-то очень бьется,
Какъ горлинка у лѣшаго въ рукахъ...
И мнѣ тогда и больно и отрадно...
Порою я задумаюсь невольно,
Задумаюсь — и думаю объ немъ,
Объ этомъ мнѣ извѣстномъ человѣкѣ,
Къ рѣкѣ-Днѣпру пришедшемъ втапоры,
Какъ изъ воды я подняла головку,
Чтобъ воздухомъ неспертымъ подышать,
Чтобъ поглядѣть на блещущее небо...
И думаю... и стыдно этой думы...
И никому не открывалась я!
Но кажется, что скрыть я не умѣю,
Чѣмъ вся полна. И говорятъ: ты любишь!
Люблю, люблю. Какъ сладко это слово!
Чего же я робѣю и стыжусь!
Что жъ можетъ быть дурнаго въ этомъ чувствѣ?
Мнѣ сладостно... О. приходи ко мнѣ!
Я такъ бы все тебя и цѣловала...
Я такъ бы вся прижалася къ тебѣ...
Глядѣла бы... и тихо говорила
Всегда одно... люблю, люблю, люблю...

Д. Коптевъ.

18 Іюня, 1845.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Корпусныя воспоминанія.* Изъ записокъ *С. Н.* *...линки.* Въ 8; 26 стран. Спб.

Въ Русской литературѣ изданіе Записокъ соста...тяетъ еще рѣдкость. Немного ихъ вышло въ свѣтъ ...о сихъ поръ. Но этотъ родъ сочиненій преимуще...твенно выказываетъ характерныя черты націи. ...дѣсь люди выводятся передъ зрителей не въ мас...ѣ, не на общей сценѣ, а въ ихъ частномъ быту, ...о всѣми ихъ особенностями. Авторъ разсматривае...аго сочиненія переносить насъ въ эпоху, когда ...ынѣшній первый Кадетскій корпусъ составлялъ ...очти единственное, главное мѣсто общественнаго ...оспитанія и образованія благороднаго юношества. ...езабвенный для отечества нашего Графъ Ангальтъ, ...котораго имя и дѣла передаются въ семействахъ ...тъ поколѣнія въ поколѣніе, изображенъ здѣсь рѣз...о, не въ холодномъ расказѣ, а въ живыхъ дѣй...ствіяхъ. Много и другихъ лицъ выведено авторомъ ...а сцену. Это его современники, или товарищи, у...частники въ дѣтскихъ его упражненіяхъ. Мы не ...можемъ не подѣлиться съ читателями хоть частицею ...занимательныхъ мѣстъ изъ сочиненія. Всѣмъ извѣ...стно, что въ одной изъ залъ Корпуса есть стѣна, ...исписанная нравоучительными изрѣченіями и назы-

ваемая *стѣною говорящею*. «Объясняясь о цѣли ис-
«писанной стѣны (расказываетъ С. Н. Глинка)
«Графъ Ангальтъ говорилъ: «Кажется, любезны
дѣти, что съ умомъ надобно обходиться, какъ и с
тѣломъ, то есть, питать и подкрѣплять его кажды
день. Что дѣлаютъ, чтобы питать ваше тѣло? По
утру предлагаютъ вамъ завтракъ, а между обѣдом
и ужиномъ полдникъ. *Обѣдъ и ужинъ ума*, есл
допустятъ это сравненіе, суть ученіе, размышлені
и прилежаніе въ классахъ; *завтракъ и полдникъ* суть
разговоры и мысли, внушаемые нашею говоряще
стѣною, когда прогуливаетесь въ саду со мною, ил
съ вашими наставниками, или когда разсуждаете
между собою.» Подъ сводомъ лазурнаго неба, в
«саду, населенномъ не Нимфами и Ореадами, н
«одушевленномъ духомъ опытной мудрости всѣх
«вѣковъ, Графъ Ангальтъ былъ первымъ нашим
«наставникомъ. Онъ объяснялъ намъ изрѣченія, ка-
«ждую мысль — и, называя воспитаніе нѣжною и
«заботливою матерью, съ кротостію отвѣчалъ на во-
«просы наши и терпѣливо разрѣшалъ наши сомнѣ-
«нія. Живя для кадетъ, Графъ завѣщалъ имъ и
«прахъ свой. Въ срединѣ предъ Кадетскимъ лаге-
«ремъ, учреждаемымъ въ лѣтніе мѣсяцы, врыта был
«мраморная доска съ надписью, кто подъ ней лежитъ.
«Вотъ какъ объ этомъ говорилъ Графъ. Онъ по двумъ
«причинамъ помѣстилъ надгробный свой камень в
«саду Кадетскаго корпуса. «Во-первыхъ, по прав-
душію; во-вторыхъ, по обязанности: по праводу-
шію — въ изъявленіе привязанности моей къ нимъ.

ставаясь и послѣ смерти съ ними, или родственни-
ами ихъ, или съ ихъ дѣтьми; по обязанности —
тобы примѣромъ моимъ, такъ сказать, сроднить
хъ съ послѣднимъ явленіемъ жизни человѣческой.
бо, повѣрьте мнѣ, мои юные и любезные друзья,
трахъ смерти есть страхъ пустой, безполезный и
ичтожный, страхъ, свойственный людямъ робкимъ,
лабоумнымъ и приковавшимъ умъ къ одному пра-
у земному. Любезныя дѣти! вотъ *четвероугольникъ*,
дѣ помѣстится мой прахъ. Около него плющъ и
езабудки съ надписью: *не забудь меня.* Къ нимъ
ривьются мирты и гирлянды. Миртъ — эмблемма
ертвой природы, плющъ — пріязни: онъ льнетъ и
бвивается; незабудочки—душа этой картины; связ-
и цвѣтовъ — эмблемма кадетовъ; листья плюще-
ыя — чувства погребаемаго; миртъ — окончатель-
ое дѣйствіе картины.»

2. *Путеводитель по государственнымъ архивамъ, состоящимъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ.* Составленъ *П. Ивановымъ.* Въ 8; 58 стран. оск.

Подлинные государственные акты составляютъ
рагоцѣннѣйшіе матерьялы для историка. У насъ они
ранятся преимущественно въ Москвѣ и Санктпетер-
ургѣ. Неимовѣрный представляется трудъ сочините-
ю, если онъ долженъ извлечь для себя все, касаю-
цееся какой-нибудь эпохи, или избраннаго имъ
редмета. Изучить надобно прежде, такъ сказать,
опографію этой необъятной области. Г. Ивановъ
казалъ уже важную услугу литераторамъ нашимъ,

снабдивъ ихъ своимъ *Путеводителемъ*. Онъ теперь ознакомилъ ихъ съ *Вотчиннымъ* архивомъ, съ *Разряднымъ* и съ архивомъ *Старыхъ Дѣлъ*. Въ архивѣ Вотчинномъ находятся помѣстныя грамоты, судныя дѣла, книги писцовыя, отказныя, дозорныя и приправочныя. Архивъ Разрядный содержитъ въ себѣ дѣла судныя и розыскныя по Разрядному Приказу, о сборѣ казенныхъ доходовъ и м. д. Въ архивѣ Старыхъ Дѣлъ помѣщены старинныя Великокняжескія и Княжескія грамоты, также дѣла относительно древняго устройства военной, гражданской и придворной службы.

3. *Краткое описаніе суевѣрій Чувашъ*, сочиненное въ 1828 году Курмышскаго Собора протоіереемъ *Александромъ Протопоповымъ*. Изданіе въ пользу бѣднаго и сиротствующаго духовенства. Въ 18; 24 стран. Моск.

Судя по описанію суевѣрій Чувашскаго народа, нельзя не пожелать, чтобы сочинитель, не только наблюдающій умно, но и съ видимымъ искуствомъ излагающій свои наблюденія, обратилъ вниманіе и на другія особенности народа, хорошо имъ изученнаго. Общая этнографія государства видимо нуждается у насъ въ такихъ пособіяхъ, къ числу которыхъ по всей справедливости надобно отнести книжку протоіерея Протопопова.

4. *Отчетъ* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества за 1844 годъ*. Въ 8; 46 стран. Спб.

5. *Отчетъ* Императорскаго *Московскаго Обще-*

ства Сельскаго Хозяйства и Главнаго Общества улучшеннаго овцеводства за 1844 годъ. Въ 8; 112 стран. Моск.

6. *Отчетъ Россійскаго Общества любителей садоводства въ Москвѣ за 1844 годъ.* Въ 8; 29 стран. Моск.

Это важные матерьялы для подробной Статистики Россіи. Цвѣтущее состояніе капиталовъ, совершенное достиженіе ученыхъ и практическихъ цѣлей — все свидѣтельствуетъ, какъ счастливы и благопоспѣшны дѣйствія Обществъ, изъ которыхъ каждое избрало свой кругъ занятій для общаго добра.

7. *Очеркъ литературы Русской Исторіи до Карамзина. А. Старчевскаго.* Въ 8; 292 стран. Спб.

Особые оттиски журнальной статьи. Авторъ хорошо поступилъ, что выдалъ ее отдѣльно отъ журнала, гдѣ она, по своему характеру, который нейдетъ къ повременному изданію, могла потеряться для публики. Это довольно полный указатель на книги и журнальныя статьи, заключающія въ себѣ какіе-нибудь матерьялы для исторіи Русской. Сочинитель пользовался впрочемъ источниками безъ особеннаго разбора, что почти неизбѣжно въ поспѣшной компиляціи. Если не охладѣетъ онъ къ этимъ историческимъ трудамъ, мы ожидаемъ отъ него обработки болѣе замѣчательной, въ которой онъ соединитъ полноту изложенія съ достоинствомъ идей и языка. Литературное поле, на которомъ явился онъ, обширно и ожидаетъ дѣйствователей съ этою

ученостію и трудолюбіемъ, которыя видимо обнаружились въ книгѣ Г-на Старчевскаго.

8. *Юрьевъ день.* Русскія повѣсти XV и XVI вѣковъ. Сочиненіе *Ивана Никифорова.* Въ двухъ частяхъ. Въ 12; 165 и 200 стран. Моск.

При общемъ направленіи литераторовъ къ національнымъ предметамъ, неудивительно неопытному писателю увлечься по той же дорогѣ безъ необходимыхъ запасовъ. Думаемъ, что Г-нъ Никифоровъ мало еще пріобрѣлъ опытности въ литературѣ, потому-что и его соображенія и его краски и его языкъ — все обнаруживаетъ нетвердость, невѣрность и отсутствіе истиннаго понятія объ искуствѣ.

9. *Полночь 1844—1845.* Сочиненіе *З... Адельсонъ.* Въ 18; 15 стран. Моск.

Здѣсь напечатаны два стихотворенія, которыя доказываютъ только, что и самая торжественная минута между годомъ отходящимъ и наступающимъ годомъ не въ состояніи повѣять вдохновеніемъ на писателя, когда нѣтъ у него таланта.

10. *Эльвира.* Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ *В — ра М — ва.* Въ пользу слѣпой. Въ 12; 61 стр. Спб.

Побужденіе, заставивщее сочинителя напечатать эту драму, заслуживаетъ похвалу. Жаль, что нельзя того же сказать и о сочиненіи.

11. *Альманахъ для дѣтей*, украшенный рисунками и виньетками Г-на Ковригина, гравированны-

ми на деревѣ Барономъ Неттельгорстомъ. Въ 32; 140 стран. Спб.

Въ книжкѣ помѣщены по большей части уже давно извѣстныя пьесы въ прозѣ и стихахъ, выбранныя изъ разныхъ сочинителей. Выборъ очень страненъ: подлѣ стиховъ, исполненныхъ граціи и чувства, вдругъ является что-нибудь самое безвкусное и давно преданное забвенію. Есть нѣсколько и новыхъ статей. Онѣ безцвѣтны и вялы, какъ все, написанное безъ таланта. О картинкахъ не говоримъ, потому-что и тогда, когда онѣ бываютъ отлично хороши, для достоинства и успѣховъ литературы нельзя ихъ считать выше, какъ и все, служащее только къ наружному украшенію книги.

12. *Новая Латинская азбука* съ пріобщеніемъ краткаго словаря употребительнѣйшихъ вещей, начертанія этимологіи и простѣйшихъ разговоровъ. Въ 12; 75 стран. Спб.

Это что-то выше, нежели азбука въ собственномъ смыслѣ, однако не грамматика, не лексиконъ и не хрестоматія. Тутъ есть изъ всего по-немногу. Можетъ быть, составитель намѣренъ въ новомъ выпускѣ своего курса еще помѣстить тоже по нѣскольку заимствованій изъ каждой части, вошедшей въ его первый выпускъ. А можетъ быть, онъ полагаетъ, что просто и въ этомъ видѣ книжка его на что-нибудь пригодится дѣтямъ. Конечно, и это правда.

13. *Взглядъ на современное положеніе Уголовнаго Законодательства въ Европѣ.* Сочиненіе *П. Дегая.* Въ 8; 100 стран. Спб.

Статья изъ журнала, особо отпечатанная. Обширный ея предметъ не позволилъ автору изложить все, чего читатель въ-правѣ отъ него требовать, судя по заглавію сочиненія. Такова бываетъ всегда судьба журнальныхъ трудовъ, въ которыхъ науко̀ю надобно жертвовать объему изданія, а часто и времени выхода его. Впрочемъ писатель, проникнутый своимъ предметомъ, не безполезно изображаетъ свои идеи, какою бы рамою ни заставили его ограничиться. Такаго достоинства и статья объ Уголовномъ Законодательствѣ въ Европѣ. Тутъ есть указанія вѣрныя и даже система твердая.

14. *Объ ирригаціи и о пользѣ распространенія искуственнаго орошенія полей* въ большомъ размѣрѣ въ Россіи. *И. Шопена*. Въ 8; 69 стран. Спб.

Въ сельскомъ хозяйствѣ—дѣлѣ, столѣ положительномъ и зависящемъ преимущественно отъ мѣстности—мы ожидаемъ указаній точныхъ, которыя выведены изъ опытовъ и удобно приводятся въ исполненіе при разныхъ обстоятельствахъ, съ необходимыми измѣненіями, сообразно населенности и климату. Сочинитель книжки объ ирригаціи бросилъ взглядъ на предметъ свой слишкомъ издалека, и внесъ въ свое изслѣдованіе много посторонняго. Это не мѣшаетъ впрочемъ ученому классу людей, посвятившихъ себя сельскому хозяйству, читать съ пользою сочиненіе его. Но люди буквальные, принимающіеся за все безъ необходимыхъ предосторожностей, едва ли извлекутъ изъ него что-нибудь для себя особенно выгодное.

15. *Гадательная книжка.* Какъ совершается гаданіе, и проч., и проч. Моск.

Книжка даже не смѣшная, а просто скучная — что и лучше въ моральномъ отношеніи.

II.

16. *Русское чтеніе,* издаваемое *Сергѣемъ Глинкою.* Выпускъ *второй:* Отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія. I. Черты изъ жизни Князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. II. Сношенія Князя Таврическаго съ Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ по Крымскимъ дѣламъ. III. Сношенія Князя Таврическаго съ Суворовымъ. IV. Европейская политика XVIII столѣтія и посылка Баура въ Парижъ 1788 года. V. Послѣдніе дни жизни Князя Таврическаго (расказъ самовидца). Въ 8; съ 74 — 143 стран. Спб.

17. *Сто Русскихъ литераторовъ.* Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ *третій.* Бенедиктовъ. Бѣгичевъ. Гречь. Марковъ. Михайловскій-Данилевскій. Мятлевъ. Ободовскій. Скобелевъ. Ушаковъ. Хмельницкій. Въ б. 8; 594 стран. Спб.

18. *Памятники Московской древности* съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы. Сочиненіе *Ивана Снегирева.* Изданіе Августа Семена. Тетради *9-я, 10-я и 11-я (послѣднія).* Въ 4. Моск.

19. *Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ пе-*

реводъ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ *третій.* Книжка *первая.* Въ 8. Моск.

20. *Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей,* соотечественниковъ и иностранцевъ. Сочиненіе *Митрополита Евгенія.* Изданіе Москвитянина. *Второй* томъ. Въ 8; 290 стран. Моск.

21. *Библіотека для воспитанія.* Отдѣленіе *второе.* Часть *первая.* Годъ *второй.* Изданіе А. Семена. Въ 12; 205 стран. Моск.

22. *Краткое начертаніе топографической анатоміи.* Сочиненіе *Зегера.* Тетрадь *вторая.* Въ 8; 75 — 154 стран. Моск.

23. *Бесѣды Русскаго купца о торговлѣ,* читанныя публично, по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, членомъ его Фридригсгамскимъ первостатейнымъ купцемъ *Иваномъ Вавиловымъ.* Бесѣды *9-я и 10-я.* Въ 8; съ 141 — 225 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. *Пріятель мой Пиффаръ.* Повѣсть *Поль-де-Кока.* Въ 12; 193 стран. Спб.

Повѣсти Поль-де-Кока въ одномъ родѣ съ его романами: таже нравственная сторона содержанія, тоже достоинство дѣйствующихъ лицъ, тѣ же краски картинъ. Все это выкуплено въ подлинникѣ остротами, игривостію языка и вѣрностію нравовъ. Но въ переводѣ нѣтъ и тѣни той жизни, которая такъ соблазнительна въ оригиналѣ. Что жъ на долю остается намъ? Одно безвкусіе воображенія, сценъ — и въ добавокъ безвкусіе языка. Драгоцѣнное пріобрѣтеніе для юной литературы!

II.

2. *Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ*, издаваемая Н. Улитинымъ. Выпускъ *Четвертый.* Томъ *третій.* Похожденія Геркулеса Арди, или Гвіана въ 1772 году. Романъ *Евгенія Сю.* Переводъ съ Французскаго. Часть *вторая.* Въ 12; 143 стран. Моск.

3. *Холодная вода, какъ превосходное діэтетическое и удивительное лечебное средство*, или лечебныя свойства холодной воды и ея употребленіе для сохраненія здоровья и его возстановленія. Соч. *Гросса.* Съ виньеткою, изображающею различные способы употребленія воды, по методѣ Присница, въ Грефенбергѣ. Моск.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Галлерея портретовъ нынѣ царствующихъ особъ.* Изданіе *второе* съ исправленіемъ. Въ 18: 22 стран. Моск.

2. *Генеральная карта Европейской части Россійской имперіи,* съ показаніемъ почтовыхъ дорогъ, и разстояній въ верстахъ между городами. *Вновь исправлена и дополнена,* съ обозначеніемъ желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы. Спб.

3. *Новый Французскій букварь,* заключающій въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленіе для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ, разныя рѣченія, полезные разговоры, нравоучительныя басни, избранныя повѣсти и ручной словарь, въ которомъ помѣщены самыя употребительнѣйшія прилагательныя и существительныя имена, также глаголы, мѣстоименія, союзы и предлоги. *Новое* изданіе. Въ 8; 92 стран. Спб.

4. *Теорія финансовъ.* Сочиненіе *Ивана Горлова,* доктора философіи, ординарнаго профессора политической экономіи и статистики при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Изданіе *второе,* исправленное и умноженное. Въ 8; 227 стран. Спб.

5. *Новѣйшій Французскій самоучитель*, или легчайшій способъ выучиться этому языку безъ помощи учителя, съ указаніемъ правильнаго выговора словъ, составленный, по новѣйшимъ методамъ

аббата Сенара, Ломонда, Летилье, Ноэля, Шапсаля и другихъ, *Ев. Се . . . имъ.* Изданіе *второе*, вновь исправленное и дополненное. Въ трехъ частяхъ. Въ 8; 158 стран. Спб.

6. *Вѣстникъ въ потомствѣ*, или милосердіе съ небесъ. Сочиненіе *Ѳедота Кузмичева.* Изданіе *второе*. Въ 18. Моск.

7. *Русская Исторія Н. Устрялова.* Изданіе *третье*, съ 5 картами и 36 планами. Двѣ части. Въ 8; 454 и 482 стран. Спб.

СТЕПИ СИРІИ.

Прошелъ полудня тяжкій зной;
Заснула степь въ объятьяхъ ночи;
Горятъ свѣтила надъ землёй,
Какъ гурій сладостныя очи.

Мой бурный конь, остановись!
Весь день летали мы съ тобою,
Но истомился твой фарисъ
И тѣломъ ослабѣлъ отъ зною.

Пора, пора намъ отдохнуть,
Забывъ безумные набѣги;
Моя пылающая грудь
Прохлады проситъ, проситъ нѣги.

И не хочу тревожить я
Степей роскошнаго покоя:
И вѣтеръ ночью тѣ края
Проходитъ, не шумя, не воя.

Остановись же, конь мой, здѣсь!...
И я вздохнулъ, вздохнулъ глубоко;
Я думалъ выпить воздухъ весь
Дремой объятаго Востока!

И будто легче стало мнѣ....
Чу! слышу голосъ я привѣтный —
Онъ отозвался въ глубинѣ
Моей души, тотъ звукъ завѣтный!

Вотъ, словно музыка пошла,
Раздался мѣди звонъ священной....
То вы, Москвы колокола!
Вы, рѣчи Руси незабвенной!

То голоса́ моихъ друзей —
Зовутъ друзья меня въ объятья...
Изъ-за лѣсовъ, изъ-за морей
Тѣ голоса́.... Здорово, братья!

Благодарю!... А это чей
Раздался голосъ, сердцу милой?
То голосъ матери моей —
Звучитъ онъ музыкой унылой!

И горе въ немъ отозвалось,
Мольбы въ немъ тихія сокрыты;
Казалось, брызжутъ капли слёзъ
Оттуда на мои ланиты.

А вотъ еще, еще другой
Мнѣ слышенъ голосъ, сладкій, нѣжной —
То голосъ дѣвы молодой,
Моей подруги безнадежной.

И гдѣ она?... и что она?...
Скажи, скажи мнѣ, дорогая,
Скажи мнѣ все! тоски полна
Теперь душа моя больная.

Лишь въ этотъ часъ я ожилъ вдругъ
Подъ небомъ Сиріи далекой....
Не умолкай, родимый звукъ,
Могучій, свѣтлый и широкой!

Но тихо все въ степи глухой;
Нѣтъ человѣческаго слова!...
«Ты отдохнулъ, товарищъ мой!»
И полетѣлъ я въ степи снова.

Н. Бергъ.

РУСАЛКА.

Надъ рѣкой туманъ рѣдѣетъ;
Дымомъ вьются облака;
Отъ зари луна блѣднѣетъ;
Стала зеркаломъ рѣка.

Весь туманомъ окруженный,
Челнъ виднѣется сквозь мракъ;
Въ сонъ глубокій погруженный,
Въ челнокѣ сидитъ рыбакъ.

Вдругъ вода въ рѣкѣ взыгралась,
Струйки сыплются вездѣ....
Вся поверхность взволновалась:
Дѣва плещется въ водѣ.

Брызжется въ волнахъ, играя
Къ рыбаку плыветъ она;
Дѣва-чудо, дѣва рая,
Очи — небо, станъ — волна!

Оперлась рукой на лодку;
Ложемъ стала ей рѣка;
Взбросивъ чудную головку
На колѣна рыбака,

Отдыхаетъ... встрепенулась,
Станомъ гибко обвилась...

Поглядѣла, улыбнулась,
Рыбаку въ уста впилась.

Обняла его руками;
Къ ней рыбакъ приникъ лицемъ...
Дѣва скрылась межъ волнами
Съ очарованнымъ пловцемъ...

Надъ рѣкой туманъ рѣдѣетъ;
Дымомъ вьются облака;
Отъ зари луна блѣднѣетъ;
Стала зеркаломъ рѣка.

Е. П—ва.

Е. * * П. * *.

Съ прекрасныхъ Невскихъ береговъ,
Дворцами пышно осѣненныхъ,
Въ суровый край, подъ мрачный кровъ
Гранитныхъ скалъ уединенныхъ,
Твоя Русалка молодая
Съ тобой рѣшилась къ намъ приплыть,
Свой брегъ родимый покидая,
Чтобъ наши волны посѣтить.

И вотъ у дикихъ скалъ залива,
Гдѣ въ знойный полдень вѣтеръ спитъ,
Гдѣ сонная волна лѣниво
Въ объятья хладныя манитъ,
Русалка милая явилась —
И каждый мигъ твой стережетъ,
Чтобы богиня чуждыхъ водъ
Тебя похитить не рѣшилась.

Оставь боязнь; богиня та же
И боги тѣ же, что у васъ:
Финляндьи небо — небо ваше,
И ваше солнце знаетъ насъ,
И тѣ же волны, что лобзаютъ
Прелестный берегъ твой родной,
Тебя привѣтливо ласкаютъ
И здѣсь подъ дикою скалой.

Не покидай насъ: вотъ къ тебѣ я
Сестру Финляндку въ память шлю.

Пойми ее: она, краснѣя,
Тебѣ лишь шепчетъ: «я люблю;
Живи со мной; мы вмѣстѣ будемъ
Твою подругу здѣсь хранить,
А волны Невскія забудемъ,
Чтобъ больше Финскія любить».

Ю. Л—ль.

Примѣч. Стихотвореніе *Русалка*, выше помѣщенное, сочинено въ Гельзингфорсѣ одною изъ Русскихъ посѣтительницъ столицы Финляндіи. Молодой Поэтъ Финляндскій отвѣчалъ ей Русскими стихами, которые мы съ удовольствіемъ здѣсь напечатали какъ произведеніе таланта и какъ доказательство успѣха, съ какимъ распространяется въ тамошнемъ краю знаніе Русскаго языка.

Редакц. Соврем.

ЗАВѢТНЫЙ ПОДАРОКЪ.

Козачья пѣсня*.

Не плачь же по миломъ,
Дѣвица красная!
Милый твой живъ и здоровъ;
Ты тѣмъ не поможешь
Горю, родимая —
Горе сильнѣе враговъ!
Слушай же, золото,
Слушай же, дѣвица!
Изъ басурманской земли
Мы пріѣхали; вотъ
И въ подарокъ кинжалъ
Оттоль тебѣ привезли.
Полюбуйся ты имъ,
Посмотри на него —
Онъ будто солнце блеститъ;
Нѣту злата на немъ,
Серебра даже нѣтъ,
А онъ какъ яхонтъ горитъ.
Не плачь же по миломъ,
Дѣвица красная!
Будь весела, какъ дитя;
Что жъ, ненаглядная,
Горько кручиниться?
Милый твой любитъ тебя.

Александръ Марсельскій.

С. Константиновка.
4 Іюля 1843.

* Эта пѣсня помѣщена мною изъ слова въ слова. Козаки въ Станицѣ Есентукской съ наслажденіемъ поютъ ее — особенно по окончаніи экспедиціи и по возвращеніи изъ-за Кубани.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Вы хотѣли, друзья мои, чтобы я подробно описывала вамъ Парижъ и впечатлѣнія, которыя онъ произведетъ на меня. Но что сказать вамъ новаго о Парижѣ? Онъ намъ такъ близко знакомъ по милости гувернёровъ, воспитывающихъ нашихъ дѣтей, по милости знакомыхъ, посѣщающихъ его и не щадящихъ расказовъ — по милости журналистовъ, вѣчно толкующихъ о немъ обществу, во всемъ подражающему ему. Горько, но должно сознаться, что до сихъ поръ мы какъ рабы ждемъ его велѣній, дышемъ его жизнію. При одной этой мысли чувство народной гордости закипаетъ въ сердцѣ — и я досадую на Парижъ, и я чувствую что-то непріязненное противъ Французовъ. Но виноваты не они, а мы. Развѣ виноватъ свѣтильникъ, когда бабочка, вокругъ него увиваясь, сгараетъ въ его пламени, или поджигаетъ свои крылушки и обезображивается? Я не хочу впрочемъ льстить Французамъ этимъ сравненіемъ: вѣдь много бываетъ разнаго рода свѣтильниковъ — и такихъ, которые благотворно озаряютъ, и такихъ, которые горятъ ложнымъ, сомнительнымъ свѣтомъ. При томъ же Парижъ столько разъ описывали, что каждое новое описаніе будетъ повтореніемъ уже читаннаго, уже извѣстнаго. Конечно, можно изучать Парижъ съ новой

точки, можно глубоко вникнуть въ его общественную, умственную и нравственную жизнь, уловить его прямое значеніе, показать его обманчивый блескъ, его ложныя стремленія и представить его въ истинномъ видѣ. Но надобно бы для этой цѣли исключительно посвятить себя тому; надобно бы углубиться въ Парижъ, испытывать всѣ его ощущенія, жить всѣми жизнями — а не существовать въ немъ такъ семейно и безмятежно, какъ мы существовали. Мы ничего слишкомъ не искали, ни до чего сильно не добивались: видѣли то, что особенно замѣчательно; наслаждались тѣмъ, что представлялось само собой. Впрочемъ, живя въ Парижѣ, какъ-то невольно, невѣдомо знакомишься съ нимъ — и я готова передать вамъ мой бѣглый, неполный взглядъ на Парижъ и нѣкоторыя фазы его жизни, которыя были доступны мнѣ. Но увѣрена, что описаніе мое не можетъ удовлетворить васъ.

Парижъ—городъ необыкновенный: въ немъ можно шумно веселиться и невыразимо скучать, упоительно радоваться и безпредѣльно грустить, неутомимо учиться и совершенно ничего не дѣлать, видѣть толпу и жить въ уединеніи, бывать въ обществѣ людей умныхъ и видѣть глупцевъ со всѣхъ концевъ міра, слушать Итальянскую оперу и зажимать уши отъ пискливыхъ шарманокъ, любоваться цвѣтами и дрожать отъ холода, встрѣчать неукротимыхъ либераловъ и непоколебимыхъ легитимистовъ, слушать фанатическихъ аббатовъ и Нѣмецкихъ философовъ, отчаянныхъ львицъ и старыхъ богомолокъ, бывать въ

камерѣ депутатовъ и въ гостиныхъ, гдѣ превозносятъ правленіе Карла X. Парижъ — царство противоположностей, а онѣ-то, по мнѣнію многихъ, и дѣлаютъ жизнь разнообразною, занимательною. Но вы не воспользуетесь этими противоположностями, не уловите ихъ, если у васъ нѣтъ денегъ. Бѣгите Парижа, если вы не богаты: бѣдному жить въ Парижѣ — все равно, что голодному смотрѣть на роскошный, но недоступный для него обѣдъ. Если же вы очень богаты, молоды, значительны, если у васъ много здоровья, если вы хотите что-нибудь заглушить въ сердцѣ — пріѣзжайте въ Парижъ: нигдѣ нельзя такъ шумно наполнить дня и такъ до самозабвенія предаться развлеченіямъ. За эту-то тревожную, все поглощающую жизнь превозносятъ Парижъ и называютъ его столицею изъ столицъ. Что касается до меня, то я не понимаю наслажденія этой жизни, не желаю ея ни для моего отечества, ни внѣ его для людей, которыхъ я люблю. Мнѣ говорятъ съ восхищеніемъ, что въ Парижѣ живешь удвоенною жизнію. Да развѣ счастливцамъ нужно множить жизнь, а несчастнымъ развѣ отрадно удвоивать ее? Развѣ можетъ быть какая-нибудь послѣдовательность въ занятіяхъ, когда они безпрерывно прерываются, постоянность въ ощущеніяхъ, когда ежеминутно одни смѣняются другими, непоколебимость во мнѣніяхъ, когда они то и дѣло опровергаются, или сталкиваются съ противными? Развѣ можно тепло любить, когда видишь столько безобразій любви, столько эгоисма и сухости? Развѣ

можно свято грустить, когда развлеченія со всѣхъ сторонъ увлекаютъ васъ и набрасываютъ всякаго сору на вашу свѣтлую, благодатную грусть? Развѣ легко остаться чистымъ и праведнымъ, когда испорченность, недобросовѣстность, внѣшній блескъ, поддѣльное чувство, украшенный обманъ проявляются во всемъ: въ книгахъ, въ журналахъ, въ политикѣ, въ дружбѣ, въ ненависти, въ любви?

Нѣтъ, я не люблю тревожной жизни Парижа. Она-то причиной неугомонности Французскаго характера; отъ нея-то нѣтъ искреннихъ убѣжденій, нѣтъ постоянства во мнѣніяхъ, нѣтъ прочности въ чувствахъ. Жизнь дня, ощущеніе минуты, страсти партій, борьба министерства и оппозиціи, многорѣчіе и противорѣчіе журналовъ, болтовня гостиныхъ, дѣятельность для денегъ, движеніе изъ выгодъ промышленности, изобрѣтательность спекуляцій – вотъ что поглощаетъ теперь существованіе Парижа, и какъ трудно изъ этаго омута выходить чему-нибудь ясному, чему-нибудь великому!

Но не думайте, чтобы я въ Парижѣ видѣла только обманъ и безнравственность, поверхность и эгоисмъ — нѣтъ, и въ Парижѣ есть люди избранные, идущіе святымъ путемъ въ этомъ вихрѣ волненій; есть ученые, добросовѣстно трудящіеся для науки; есть мыслители, обдумывающіе міровые вопросы; есть общество, въ которомъ существуетъ зародышъ прекраснаго, утѣшительнаго будущаго; есть благородныя стремленія, высокія самопожертвованія, передъ которыми долженъ благоговѣть всякій, и ко-

торымъ хорошо бы было и намъ послѣдовать. Но объ этомъ послѣ.

II.

Скажу вамъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на меня Парижъ своею внѣшностію. Мы пріѣхали въ Парижъ изъ Италіи въ началѣ Ноября н. с., когда Неаполь былъ еще весь въ цвѣтахъ, когда Маларія прекратилась уже въ Римѣ, народъ ожилъ, удушливый жаръ замѣнился теплымъ воздухомъ, привѣтливо вѣющимъ на пріѣзжавшихъ въ вѣчный городъ за здоровьемъ или за высокими наслажденіями искуствъ. Во Флоренціи деревья еще не увядали; прогулки въ Кашинѣ были еще блестящи. Мы въѣхали въ Парижъ при шестиградусномъ морозѣ, смѣнившемся на другой день проливнымъ дождемъ. Грязенъ, непривлекателенъ показался намъ прославленный городъ. Дворцы его, всѣ на одинъ ладъ, съ превысокими мрачными крышами, похожими на навѣсы для сохраненія разрушающихся зданій, не тѣшили глазъ. Его памятники, мѣнявшіе назначеніе и тѣмъ лишенные единства мысли и благородства цѣли, не говорили воображенію. Его новыя церкви, похожія на Греческіе храмы и на театры, не внушали благоговѣнія. Его Тюильрійскій садъ съ обнаженными деревьями, колыхаемыми вѣтромъ, наводилъ грусть. Его знаменитая площадь Согласія, пестрая какъ шахматная доска, поражала своимъ безвкусіемъ. Фонари, не-кстати разставленные по ней, словно кололи глаза; а фонтаны, шумящіе при безпрерывномъ дождѣ, словно насмѣхались надъ своимъ собствен-

нымъ назначеніемъ. Все это было неизящно, непривѣтно—и невольно какъ-то вздыхалось и о небѣ Италіи и о снѣгахъ родины! Когда, путешествуя по Европѣ, пріѣзжаешь въ какой-нибудь незнакомый городъ; то начинаешь свое пребываніе тѣмъ, что осматриваешь все замѣчательное, или ищешь изящныхъ наслажденій или пользы. Въ Парижѣ прежде всего думаешь о внѣшности, о положительномъ: какъ бы устроиться, какъ бы одѣться, какъ бы не показаться провинціаломъ, или Англичаниномъ. Этаго рода приготовленія не доказываютъ ли уже, что и вся жизнь будетъ соотвѣтствовать имъ, то есть, будетъ исполнена болѣе внѣшности и формъ, нежели ощущеній внутреннихъ? Нельзя не позавидовать счастливцамъ міра сего, у которыхъ столько денегъ, что они могутъ не заботиться о матерьяльныхъ интересахъ, такъ отравляющихъ жизнь, а могутъ самымъ поэтическимъ образомъ бросать деньги. Мы не принадлежали къ числу избранныхъ и должны были хлопотать и расчитывать. Въ Парижѣ менѣе, нежели гдѣ-нибудь, удаются экономическіе расчеты: стараешься найти квартиру какъ можно выгоднѣе—а возьмешь предорогую; стараешься покупать въ самыхъ скромныхъ магазинахъ — а платишь за все вдвое. Промышленники всякаго рода овладѣваютъ вами при самомъ появленіи вашемъ въ Парижъ. Они смотрятъ на васъ какъ на свою добычу, какъ на собственность: представляются вамъ во всѣхъ видахъ, прельщаютъ васъ роскошью, завлекаютъ изяществомъ, склоняютъ приличіями, убѣждаютъ необходимостію—

и вотъ вы истрачиваете вдвое, втрое противъ того, что назначили. Вы принуждены писать въ Россію грозныя письма къ управляющему, чтобы онъ непремѣнно прислалъ денегъ, какъ можно болѣе денегъ; чтобы онъ взялъ ихъ, гдѣ хочетъ. О средствахъ для этаго вы не заботитесь; забываете, что, можетъ быть, крестьянамъ вашимъ тяжело придется вздохнуть отъ вашихъ требованій. За то въ комнатѣ вашей прекрасныя бронзы, на стѣнахъ картины, на столѣ богатыя изданія. За то вы изящно одѣты, красиво причесаны, безукоризненно обуты. За то вы не даете себѣ труда заботиться даже о вашихъ гостяхъ. Да: въ Парижѣ, у кого есть деньги, тому не нужно ни о чемъ думать. Къ вамъ является господинъ съ ленточкой почетнаго легіона. Вы не знаете, къ какой категоріи артистовъ причислить его. Онъ заговариваетъ о мозоляхъ, о ногтяхъ; подаетъ рекомендательное письмо отъ какой-нибудь дюшессы — и вы соглашаетесь предать ему свои пальцы. Онъ ихъ разсматриваетъ, находитъ, что Русскіе слишкомъ остроконечно обрѣзываютъ ногти. Онъ вынимаетъ свой щегольской футляръ съ пилочками, ножницами, ножичками, преважно садится и начинаетъ заниматься вашими пальцами, стараясь занять васъ вмѣстѣ разговорами: распрашиваетъ о Россіи, изъявляетъ желаніе посѣтить ее, но говоритъ, что никогда не поѣдетъ въ Италію, что просвѣщеніе не проникло еще въ эту варварскую страну, и что онъ не встрѣчалъ до сихъ поръ ни однаго Итальянца съ сносными ногтями. Напослѣдокъ онъ кончаетъ свою

операцію. Вы даете ему три франка. Онъ очень доволенъ, и увѣряетъ, что, занимаясь два-три раза въ мѣсяцъ вашими ногтями, онъ сдѣлаетъ ихъ совершенно приличными. Чего не изобрѣтаетъ Французская промышленность! Когда устроишься на квартирѣ, и можешь, не компрометируя себя, показаться въ свѣтъ, начинаешь помышлять объ удовольствіяхъ, о развлеченіяхъ, о томъ, какъ увидѣть все любопытное въ Парижѣ, насладиться всѣмъ тѣмъ, чего не найдешь въ другомъ мѣстѣ.

III.

Въ Парижѣ всегда встрѣчаешь много Русскихъ. Но если между ними и есть знакомые, то отъ нихъ мало отрады. Всякой пользуется по-своему пребываніемъ въ Парижѣ: ѣздитъ, смотритъ, суетится, покупаетъ — и въ этомъ безпрестанномъ кругообращеніи не столкнешься другъ съ другомъ. Одна Церковь, какъ общая мать, соединяетъ всѣхъ Русскихъ. Тамъ они, отбросивъ всю суетность, всѣ чуждыя наитія, подъ вліяніемъ нашего высокаго богослуженія опять Русскіе; сердца ихъ опять бьются за Россію и православіе. Но полезно даже и это мимолетное напоминаніе: оно не допускаетъ совершенно оторваться отъ того, что должно быть драгоцѣнно и свято для каждаго.

Русскіе видѣлись между собою еще у Графини Разýмовской. Она принимала по пятницамъ — каждыя двѣ недѣли. Въ ея домѣ казалось, будто находишься въ Россіи, тѣмъ болѣе, что Русскій языкъ слышался болѣе, нежели въ иныхъ Петербургскихъ салонахъ, и хозяйка своимъ истинно-Русскимъ ра-

душіемъ напоминала то милое гостепріимство, которымъ мы славились и которое къ-несчастію у насъ переводится. Съ Французскимъ обществомъ довольно трудно познакомиться, если не имѣешь особеннаго богатства, особеннаго значенія, или чего-нибудь да особеннаго. Впрочемъ, есть домà легко доступные: надобно только имѣть кого-нибудь, кто бы представилъ. Это посольства Б. Р. М. К. и пр. и пр. Но мало наслажденія отъ всѣхъ этихъ гостиныхъ. Пріѣзжаете, находите толпу незнакомыхъ, васъ едва замѣчаютъ, вамъ не успѣютъ сказать слова, о васъ никто не вспомнитъ, если вы не явитесь нѣсколько недѣль. Нельзя однако винить Французовъ за недостатокъ гостепріимства, въ чемъ ихъ всѣ упрекаютъ: у каждаго есть свои друзья, свои сношенія, свой кругъ; въ него допускаются только по особеннымъ причинамъ, а иначе его бы наводнили провинціалы, иностранцы и разнаго рода празднoшатающіеся — и тогда бы хозяевамъ не стало ни мѣста принимать всѣхъ посѣтителей, ни времени, ни достоянія поддерживать всѣ знакомства.

Въ Парижъ пріѣзжаетъ всякой годъ столько иностранцевъ, что нѣтъ возможности съ ними знакомиться и ихъ угощать. Этотъ бытъ, не слишкомъ привѣтливый для чужестранцевъ, образовался ходомъ общественной жизни Обыкновенно у народовъ уже возмужалыхъ, въ гражданственности уже образовавшейся, есть какой-то порядокъ жизни, какіе-то семейные законы, придающіе стройность цѣлому, и которыхъ не найдешь у насъ, гдѣ всякій живетъ

по-своему, какъ попало, какъ вздумается, и отъ чего происходитъ непріятное разногласіе и разительная несообразность. Въ Парижѣ можно почти опредѣлить бытъ семейства каждаго класса въ обществѣ; можно угадать, какъ устроенъ домъ у того, кто получаетъ 10-ть тысячь франковъ, и у того, кто получаетъ 50-тъ. Можно знать навѣрное, когда обѣдаетъ негоціанъ и житель богатаго отеля въ С. Жерменскомъ предмѣстьѣ, ремесленникъ и владѣлецъ. Не рискуешь, такъ-какъ у насъ, пріѣхавши въ три часа — найти за обѣдомъ, въ 10 часовъ вечера встревожить все семейство, располагавшееся уже ложиться спать. Пріѣхавши къ какому-нибудь богатому помѣщику, имѣющему 30-ть тысячь дохода, не найдешь ободранныхъ лакеевъ—и, попавши къ небогатому чиновнику, не слышишь, что его супруга разсуждаетъ о Французскомъ спектаклѣ и о романахъ Е. Сю. Несоотвѣтственность состоянія или положенія въ обществѣ съ тщеславными потребностями, съ самолюбивыми стремленіями — вотъ что губитъ насъ и къ-несчастію встрѣчается у насъ на каждомъ шагу.

Не вникая въ бытъ каждаго сословія, я опишу вамъ жизнь Парижанки, имѣющей состояніе и живущей въ обществѣ—не львицы, но женщины хорошаго тона. Она встаетъ въ 9-ть или въ 10-ть часовъ, иногда и ранѣе; до 2-хъ занимается хозяйствомъ, дѣтьми, пишетъ записочки, пересматриваетъ журналы, пробѣгаетъ брошюры, перелистываетъ новые романы и иногда посѣщаетъ бѣдныхъ,

занимается по какому-нибудь благотворительному обществу (каждая Парижанка, нѣсколько порядочная, непремѣнно участвуетъ уже въ общественной благотворительности). Въ 2 часа она свободна и отправляется изъ дому—если пѣшкомъ, то надѣваетъ суконное платье, называемое la robe de crotte, очень теплое, очень прочное, закутывается въ широкую камалью, беретъ муфту и отправляется или по дѣламъ, или посѣщаетъ близкихъ знакомыхъ, или просто гуляетъ. Если же она можетъ располагать экипажемъ (въ Парижѣ, обыкновенно, для цѣлаго семейства держатъ не болѣе однаго экипажа); то надѣваетъ шелковый реденготъ, понаряднѣе шляпу, но все-таки безъ цвѣтовъ и перьевъ, и отправляется дѣлать визиты, присутствовать при какомъ-нибудь засѣданіи, взглянуть на выставку, проѣхаться по Елисейскимъ полямъ. Къ 4-мъ часамъ она возвращается домой. Она принимаетъ отъ 4-хъ до 6-ти. У нея есть друзья, которые желаютъ ее часто видѣть; есть знакомые, которые въ ея гостиной упражняются въ краснорѣчіи; ей хочется узнать новости; ей надобно сообщить свои замѣчанія, блеснуть новою мыслію, удивить остротою... Она инстинктомъ чуетъ приближеніе 4-хъ часовъ— и не заговорится у знакомыхъ, не засидится въ магазинѣ, не загуляется по Елисейскимъ полямъ. Въ 4 часа она дома, взбѣгаетъ на лѣстницу, сбрасываетъ шляпу, надѣваетъ кокетливый чепчикъ, расправляетъ манжеты, осматривается въ зеркалѣ, еще оправляется и садится на свое покойное кре-

сло передъ каминомъ. Тутъ ея торжество; тутъ ея владычество; тутъ она господствуетъ умомъ, покоряетъ любезностію; тутъ она непреодолима какъ Гизо, увлекательна какъ Ламартинъ, сильна какъ Одильонъ-Барро. Но мужъ никогда не долженъ присутствовать при ея торжествѣ: она одна должна все сосредоточивать; онъ пусть отправляется, куда ему угодно — посѣщаетъ своихъ знакомыхъ дамъ, принимающихъ также въ 4 часа, сидитъ въ камерѣ депутатовъ, бродитъ по Парижу, занимается дѣлами. Если же онъ нездоровъ и не расположенъ выѣзжать изъ дому, то пусть запрется въ свою комнату — только бы объ немъ помину не было. Въ 6 часовъ гости разъѣзжаются: супруги сходятся за обѣдомъ; они оба утомлены, мало говорятъ другъ съ другомъ — да и къ чему напрасно для себя тратить любезность?

Если моя Парижанка богата, то у нея есть ложа въ Итальянскомъ театрѣ — и она въ 8 часовъ отправляется слушать Гризи и Маріо; иногда посѣщаетъ Французскую комедію, изрѣдка комическую и большую оперу — но никогда маленькіе театры: она предоставляетъ ихъ черни и иностранцамъ. Если же не ѣдетъ она вовсе въ театръ; то отправляется на вечеръ, иногда на два. Въ кругу ея родныхъ и знакомыхъ многіе принимаютъ по вечерамъ. Кромѣ того у нея самой положенный вечеръ одинъ разъ въ недѣлю; на немъ можетъ присутствовать даже и супругъ ея. На немъ бываютъ и дамы, но каждая изъ нихъ составляетъ

около себя кружекъ изъ людей, съ которыми ей пріятно говорить; каждый занятъ; никто никому не мѣшаетъ; каждый можетъ пріютиться по выбору; общаго ничего нѣтъ, кромѣ жара и несвязнаго гула, происходящаго отъ разговоровъ во всѣхъ концахъ комнаты. Въ 11 часовъ хозяйка дома предлагаетъ чашку чаю, или блюдечко мороженаго. Къ 12 часамъ многіе уѣзжаютъ на другіе вечера. Новые посѣтители являются. Къ 2 часамъ остаются только самые искренніе — и хозяйка дома кончаетъ вечеръ посреди 2 — 3 избранныхъ.

Не знаю, ведетъ ли подобная жизнь къ нравственному совершенствованію и къ спасенію души; не вредитъ ли она семейному счастію — одному прочному, одному истинному. Но жизнь эта, какъ я уже выше сказала, образовалась гражданственностью и чрезвычайно способствуетъ къ умственному развитію — а это уже большая польза, не то, что убивать все свое существованіе на тщеславіе и на одно только тщеславіе! Присутствуя иногда при этихъ пріемахъ въ 4 часа, я невольно какъ-то предалась размышленіямъ о женщинахъ. Въ нашъ вѣкъ кокетство выводится; ужимки, разговоры глазъ, пожатіе рукъ и всѣ подобныя продѣлки устарѣли, сдѣлались пошлыми. Теперь кокетство облагородилось; теперь женщины ужасаются дурной молвы; онѣ готовы лучше умереть, нежели компрометировать себя; теперь онѣ болѣе дорожатъ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ; теперь онѣ добиваются прослыть добродѣтельными, какъ прежде добивались поклон-

ничества и наслажденій тщеславія. Теперь скандалы рѣдки; формы всѣ соблюдены: но болѣе ли упрочилось отъ этаго семейное счастіе? Это желаніе увлекать умомъ, эта жажда удивленія, это стремленіе внушать глубокія, чистыя привязанности, эта страсть окружать себя друзьями не поглощаетъ ли всего существованія женщины и не оставляетъ ли для мужа и для семьи одну только сухость и равнодушіе? Не есть ли это кокетство, перешедшее изъ сердца въ голову?

IV.

Напрасно думаютъ у насъ, что жизнь и удовольстія Парижа стоятъ недорого и доступны каждому. Можетъ быть, людямъ одинокимъ, любящимъ разгульную, немудреную жизнь, довольствующимся одною холодною комнатою, двухфранковымъ обѣдомъ, дешевымъ мѣстомъ въ театрѣ, жизнь въ Парижѣ и кажется недорога; но для людей, находящихъ, что не стòитъ оставлять отечества, чтобы лишить себя—не роскоши, но ежедневныхъ удобствъ и пріятностей жизни, Парижъ чрезвычайно дорогъ. Будемъ говорить объ однихъ только удовольствіяхъ. Въ наше время Итальянская опера, хотя не была уже такъ превосходна, какъ въ эпоху Рубини и Малибранъ, но все еще составляла лучшее наслажденіе Парижскаго общества. Итальянцы поютъ въ залѣ Вантадуръ—изящномъ театрѣ, но слишкомъ необширномъ для многочисленныхъ меломановъ Парижа. Почти всѣ мѣста абонированы. Отъ дирекціи продается немного ложъ, но можно ино-

гда перекупить у абонировавшихся. Обыкновенно мѣсто стòитъ около 15 франковъ. Зала расположена совсѣмъ иначе, нежели у насъ. Балконы въ два ряда выдаются впередъ. Они раздѣлены на нумерованныя мѣста, называемыя *stalles*, и на ложи, со всѣхъ сторонъ открытыя, такъ-что сидящіе въ нихъ совершенно на виду. Но въ нихъ не красуются перлы Парижскаго общества, законодательницы моды и вкуса: въ открытыхъ ложахъ находятся скромныя красавицы и некрасавицы средняго класса, иногда иностранки, даже высшаго круга, не имѣвшія возможности достать другихъ ложъ. За балконами же находятся ложи завѣтныя, уютныя, закрытыя, теплыя, убранныя бархатомъ, съ зеркалами, съ покойными креслами, съ мягкими подушками, откуда показываются по большой части такія лица и личики, которыя всѣ знаютъ, или которыя всѣ хотятъ узнать, гдѣ находишься какъ въ своей любимой комнатѣ, гдѣ можно такъ привольно задуматься, гдѣ такъ сладко съ голосомъ Гризи уносишься въ міръ фантазіи и сердечныхъ воспоминаній. За оперой непосредственно слѣдуетъ Французская комедія, какъ наиболѣе посѣщаемая Французскою публикою. Не совсѣмъ вѣримъ мы старичкамъ, утверждающимъ, что возвратилась потребность къ классицисму, и что Корнель, Расинъ снова явились на свѣтъ по призыву обратившихся къ нимъ поклонниковъ. Намъ такъ кажется, что если бы не было Рашели, то не было бы и благочестивой реакціи въ пользу классицисма, и что по-

чтенные Расинъ и Корнель до скончанія вѣка не вышли бы изъ пыли библіотекъ. Рашель — необыкновенная актриса. Постоянная привязанность къ ней непостояннѣйшей публики доказываетъ уже ея превосходство. Театръ всегда полонъ, когда она играетъ, не смотря на скуку пьесъ, на невыносимыхъ ея товарищей. Всѣ эти актёры просто приводили насъ въ отчаяніе. Мы не постигали, откуда набрали такихъ уродовъ; не могли понять, какъ Парижская публика терпитъ ихъ. Все, что не въ духѣ времени, не можетъ найти хорошаго исполненія: потому-то для пьесъ Корнеля и Расина нѣтъ актёровъ. Рашель доказываетъ только, что геній можетъ все поддержать — даже и то, что сдѣлалось уже анахронисмомъ. Рашель не хороша собой; у нея не очень пріятный голосъ; нѣтъ величественной осанки—но она прекрасна, потому-что въ игрѣ ея проявляется удивительный умъ, что ее какъ-то отдѣляешь отъ актрисы и изучаешь какъ необыкновенную женщину, что движенія ея исполнены благородства, ея позы какъ бы вышли изъ рѣзца древнихъ. Она болѣе увлекаетъ, нежели трогаетъ; болѣе изумляетъ, нежели нравится — однимъ словомъ, она производитъ глубокое, прекрасное, но несознательное впечатлѣніе.

V.

Большая опера намъ не нравилась по многимъ причинамъ, начиная съ того, что ложи тѣсны, что Дюпре страхъ фальшивитъ, что Дорюсъ Гра немилосердо старѣетъ, и что всѣ прочіе сюжеты ме-

нѣе-нежели посредственны. Есть одинъ прекрасный пѣвецъ—Пульчи; но онъ еще не въ-ходу; его репертуаръ чрезвычайно ограниченъ, и о немъ нельзя имѣть полнаго понятія. О балетахъ говорить нечего: кто видѣлъ Петербургскій балетъ при Тальони, тому не-увидѣть ничего лучшаго въ этомъ родѣ. Комическую оперу многіе любятъ; по-нашему въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Въ театрѣ Водевилей директоромъ Ансело — и тамъ по большой части играются доморощеныя пьесы г. директора и его супруги: оно не убыточно, и иногда довольно удачно; но подъ-конецъ надоѣдаетъ. Въ этомъ же театрѣ есть одно прекрасное дарованіе: это Арналь. Но его заставляютъ играть такія иногда пошлыя роли, что жаль его. Это просто униженіе. О буффѣ нечего и говорить: о немъ было уже слишкомъ много и говорено и писано. О маленькихъ театрахъ не могу ничего сообщить; потому-что не имѣю о нихъ никакаго понятія. Мы были однако въ Одеонѣ, находящемся на краю свѣта и служащемъ развлеченіемъ жителямъ Латинскаго квартала и предмѣстій. Но какое тяжелое развлеченіе видѣть кровавыя драмы Виктора Гюго, слушать дряхлую Жоржъ и плаксивую Дорваль! Между прочимъ давали при насъ въ Одеонѣ Лукрецію Понсара, произведшую фуроръ. Въ гостиныхъ, на улицахъ, въ театрахъ — только и говорили о Лукреціи какъ о необыкновенномъ явленіи, какъ о замѣчательномъ событіи. Автора ея превозносили, угощали обѣдами, приглашали на вечера. Король сдѣлалъ ему самый

лестный пріемъ, и даже, не смотря на это, двери легитимистскихъ гостиныхъ отворились ему, и самыя *бѣлыя дюшессы* * говорили ему тьму привѣтствій—и скромный провинціальный адвокатъ попалъ вдругъ въ Парижскіе львы. Надобно сказать къ чести Французовъ, что у нихъ духъ партій уничтожается, когда дѣло идетъ о благотворительности, или о чемъ-нибудь народномъ. Лукреція имѣла блестящій, безусловный успѣхъ. Надобно было посмотрѣть на нее. Мы поѣхали—и что же увидѣли!... вялую пьесу, безъ движенія, безъ увлеченія, съ нѣсколькими хорошими стихами, съ нѣкоторою простотою, пьесу, поддѣланную подъ ладъ Древнихъ, но безъ силы и жизни. Если бы у насъ написали подобную пьесу; то ее не стали бы смотрѣть: ее бы осыпали неприличными насмѣшками; по поводу ея написали бы цѣлую диссертацію о грустномъ состояніи нашей литературы, объ отсутствіи у насъ драматисма и о бездарности нашихъ писателей. Мнѣ нравится во Франціи это пристрастіе ко всему отечественному, это желаніе сочувствіемъ ободрить начинающихъ писателей, пробудить замолкающія дарованія, оживить и возвысить свою литературу. Правда, у Французовъ пристрастіе это доходитъ до крайности; но въ немъ есть начало любви, и потому-то оно лучше, живительнѣе нашего печальнаго, нашего убійственнаго равнодушія ко всему—къ хорошему и дурному, къ полезному и вредному.

* Принадлежащіе къ легитимистской партіи называютъ себя бѣлыми.

Почти въ одно время съ Лукреціей Понсара явилась на Французскомъ театрѣ Юдиѳь, Г-жи Эмиль Жирарденъ—и, не смотря на сильную партію, на многочисленныхъ приверженцевъ даровитой сочинительницы, трагедія пала. Намъ случилось быть въ этотъ вечеръ у одной нашей знакомой, Г-жи С., гдѣ сбиралось по вторникамъ много знаменитостей, и, что еще лучше, много людей пріятныхъ. Ученый и остроумный Баронъ Экштейнъ пріѣхалъ изъ театра. Всѣ обратились къ нему съ вопросами о Юдиѳи. «Совершенное паденіе!» — А Г-жа Жирарденъ?—»Она, какъ Карлъ V, присутствовала при своемъ погребеніи.» Не смотря на это несомнительное паденіе, мать Э. Жирарденъ, извѣстная Софія Ге, расказывала всѣмъ и каждому о неимовѣрномъ успѣхѣ трагедіи ея дочери. Насъ всегда изумляло это самохвальство Французовъ и дерзость увѣрять въ томъ, чего никогда не бывало. По этому поводу намъ расказали одинъ анекдотъ, хорошо характеризующій Французовъ. Одинъ драматическій писатель пригласилъ своего пріятеля на второе представленіе пьесы своей. Театръ былъ пустъ. Пріятель не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать этаго замѣчанія автору. Mon cher, il y avait une qnantité; je ne sais où ils se sont tous fourrés.

VI.

Мнѣ кажется, что въ Парижѣ нѣтъ такихъ блестящихъ баловъ, какъ у насъ, и не въ такомъ множествѣ. Но въ Парижѣ бываютъ преоригинальные балы: на примѣръ, одна Англичанка, Мистрисъ

Джонсъ, неимовѣрно богатая, пріѣхала изъ Америки и вздумала тѣшить себя, давая балы. Знакомыхъ у нея никого небыло. Но ее кто-то увѣрилъ, что только стоитъ дать балъ—а ужъ гости будутъ. И вотъ она посылаетъ приглашенія ко всѣмъ извѣстнымъ лицамъ въ Парижѣ, развѣдавъ, кто познатнѣе изъ иностранцевъ. Между-тѣмъ она знакомится съ кѣмъ попало и проситъ этихъ недавнихъ знакомыхъ раздать пригласительные билеты ихъ знакомымъ. И въ назначенный вечеръ, въ великолѣпныхъ залахъ Мистрисъ Джонсъ, тѣснится разноплеменная толпа. Хозяйка встрѣчаетъ каждаго съ одинаковой улыбкой. Для нея всѣ одинаково чужды. Гости внутренно смѣются надъ гостепріимной Американкой, бросающей столько денегъ для забавы людей, ей вовсе неизвѣстныхъ. Однако это не мѣшаетъ имъ веселиться, опустошать буфеты и плотно ужинать. Можетъ быть, хозяйка также внутренно смѣется надъ своими посѣтителями, сбѣжавшимися на зовъ ея гиней. И кто знаетъ? можетъ быть, всѣ ея балы были только злая иронія надъ обществомъ, которое всегда и во всемъ увлекается однимъ только богатствомъ, и всегда ему покорно. Еще даетъ балы Г. Т. въ своемъ великолѣпномъ домѣ; но этотъ богачь въ другомъ родѣ и очень исключителенъ. Даютъ балы также ГГ. Д. Б. Р. и пр. и пр. Намъ нравились вечера и балы въ hôtel de ville, въ ратушѣ, какъ нѣчто національное. Префектъ Сены, теперь Графъ Рамбюто, обязанъ угощать Парижанъ и пріѣзжихъ, т. е. faire les honneurs

de Paris. Онъ даетъ обѣды, вечера̀ и нѣсколько разъ въ годъ балы, на которыхъ бываютъ артисты, ученые, иностранцы, министры, депутаты, негоціанты. Это соединеніе сословій, эта смѣсь національностей, это разнообразіе формъ, производятъ особенный эффектъ, служатъ сближеніемъ и могутъ принести пользу. Притомъ же самый домъ соотвѣтствуетъ своей цѣли: онъ въ высшей степени націоналенъ какъ по воспоминаніямъ, такъ и по теперешнему своему значенію. Король хотѣлъ, чтобы ратуша была украшена всѣми произведеніями искуствъ и промышленности народной. Лучшіе живописцы расписали потолки и нѣкоторыя стѣны; шелковые фабриканты обили мебели и драпировали окна богатыми тканями. Позолота блеститъ въ украшеніяхъ; бронза вылилась въ изящныхъ формахъ; мраморъ изобразилъ знаменитыхъ людей Франціи— однимъ словомъ, ратуша великолѣпна и достойна образованной націи.

Невозможно описать всѣхъ удовольствій Парижа: они безчисленны—и каждый наслаждается ими по-своему. Одни находятъ величайшее удовольствіе гулять въ Тюильрійскомъ саду, обѣдать у Шеве, завтракать въ Парижской кофейнѣ и ѣсть мороженое Тортони. Другіе цѣлый день готовы бродить по Палерояліо, глазѣть въ пасажахъ, кричать и шумѣть въ разныхъ театрахъ. Одни страстно любятъ лошадей, посѣщаютъ жокейскіе клубы, щеголяютъ своими лошадьми въ Булонскомъ лѣсу или въ Елисейскихъ поляхъ, участвуютъ въ скачкахъ и разо-

ряются на парй. Другіе любятъ искуства, живьмя-живутъ въ студіяхъ извѣстныхъ художниковъ, распоряжаются на выставкахъ, покровительствуютъ артистамъ, восхищаются или критикуютъ ихъ—все немного вкось да вкривь, но только-чтобы прослыть любителями искуствъ. Есть и записные меломаны, и диллетанты-литераторы, и искатели закулисныхъ приключеній, и герои оперныхъ маскерадовъ. Однимъ словомъ, чего нѣтъ въ Парижѣ? чего не придумаютъ люди, чтобы наполнить, чтобы разцвѣтить жизнь? Въ Парижѣ средства всѣ подъ руками; но удовлетворяютъ ли они?

VII.

Теперь перейдемъ къ умственному развитію. Нельзя отвергать, чтобы въ Парижѣ его не было: оно сильно и могущественно. Тамъ пріютъ всѣмъ идеямъ; тамъ терпимость всѣхъ мнѣній; тамъ столкновеніе партій; тамъ борьба страстей; тамъ разрѣшеніе многихъ гуманитарныхъ вопросовъ — и нельзя, чтобы изъ всего этаго не происходило много мыслей, много уроковъ и поученій... Но мнѣ кажется, что дѣйствуетъ только одинъ классъ избранныхъ двигателей по уму или вліянію, и что они-то, стараясь распространить свѣтъ широко и пускаясь въ отвлеченности, не грѣютъ и не просвѣщаютъ того, что вблизи ихъ. Мнѣ кажется, что просвѣщеніе во Франціи не такъ развито, не такъ направлено, какъ бы оно должно быть при средствахъ и возможностяхъ, обладаемыхъ Франціею. Умы такъ заняты положительнымъ, что некогда

заботиться о педагогіи и о достаточно нравственномъ воспитаніи. Мнѣ кажется, что теперь надобно бы было не волновать духъ народа, но питать и успокоивать его, для того—чтобы сдѣлать его воспріимчивымъ на добро и готовымъ итти по новому, благому пути, о которомъ многіе мечтаютъ. Вопросъ народнаго просвѣщенія впрочемъ такъ труденъ, что мы не беремся рѣшить его. Скажемъ только о томъ, что было доступно намъ, какъ иностранцамъ, и чѣмъ мы могли хоть нѣсколько воспользоваться. Въ Парижѣ читается множество лекцій. Ихъ можно слушать въ Сорбонѣ, во Французскомъ коллегіумѣ, въ Медицинской школѣ, въ Академіи ремеслъ, въ королевской Библіотекѣ, въ Обсерваторіи. Кажется, сколько должно быть тутъ мудрости! какой обильный источникъ разнообразныхъ свѣдѣній! А на-повѣрку выходитъ, что источникъ этотъ не вполнѣ удовлетворяетъ жаждѣ познаній — особливо тѣхъ, которые не посвятятъ себя чему-нибудь исключительно и берутся за многое. Этаго исключительнаго занятія требуютъ лекціи въ Сорбонѣ — и потому-то я не посѣщала ихъ, но часто бывала во Французскомъ коллегіумѣ, гдѣ есть много замѣчательныхъ Профессоровъ, напр. Мишель Шевалье, такъ современно, такъ свѣтло читающій политическую экономію, Амперъ, Кине, М. Ф. Шаль. Большой недостатокъ Франпузскихъ Профессоровъ состоитъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ единства цѣли, что они, ради остраго слова или блестящей мысли, забудутъ о своемъ предметѣ и пустятся Богъ знаетъ въ какія отвлеченности, только бы имъ возбудить

рукоплесканіе или смѣхъ. У нихъ первенствуетъ ихъ собственное Я, а не слушатели. На лекціяхъ во Французскомъ коллегіумѣ бываетъ самое разнообразное общество, особливо въ дождливые дни. Въ залы приходятъ укрыться отъ непогоды и радуются, что, при столь удобномъ случаѣ, могутъ похлопотать или пошумѣть. Между слушателями столько пожилыхъ, даже старичковъ, столько мальчиковъ, похожихъ на уличныхъ проказниковъ, столько иностранпевъ, столько праздношатающихся, что не разберешь, кто настоящіе студенты. Мы замѣтили, что высшій кругъ не посѣщаетъ этихъ лекцій. Дамъ бываетъ очень немного. Иногда пріѣзжаетъ цѣлая гурьба Англичанокъ—и имъ частехонько приходится слушать насмѣшки и колкости на счетъ ихъ отечества и соотечественниковъ, колкости, на которыя, при всякомъ удобномъ случаѣ, Г-да Профессоры не скупятся въ угодность своей аудиторіи, всегда готовой имъ хлопать изъ ненависти къ Англичанамъ. При насъ возникла борьба Университета съ Іезуитами, борьба духа времени нынѣшняго съ духомъ отжившаго, успѣха съ погашеніемъ, человѣческаго достоинства съ человѣческимъ уничиженіемъ — и на борьбу эту вышли съ живымъ словомъ два знаменитые поборника истины — Кине и Мишель, сдѣлавшіеся еще болѣе знаменитыми тѣмъ, что вступились за это дѣло. Шумны, рѣшительны были эти лекціи. Іезуиты, посредствомъ своихъ приверженцевъ, хотѣли задушить эти возстанія, заглушить эти гремящіе голоса, рѣшившіеся произнести наконецъ то, что давно кипѣло въ

сердцахъ многихъ и многихъ. Полиція знала оволненіи умовъ; Вильменъ безпокоился; многочисленные друзья обоихъ Профессоровъ страшились за нихъ; ожидали чего-нибудь рѣшительнаго; но идея взяла верхъ надъ происками. Мишель и Кине восторжествовали... Нанесли ли они и сильное перо Либри и многихъ другихъ рѣшительный ударъ злу, такъ давно тяготящему Францію — это рѣшитъ время.

Любопытны лекціи Араго, читаемыя въ Обсерваторіи. Нельзя вообразить изложенія болѣе свѣтлаго, краснорѣчія болѣе приспособленнаго къ наукѣ, произношенія болѣе внятнаго. Мнѣ кажется, что люди, вовсе чуждые астрономіи, понимаютъ ее, слушая Араго. Онъ, такъ сказать, вкладываетъ въ умъ то, что казалось труднымъ и непонятнымъ. Эти лекціи имѣютъ только ту невыгоду, что надобно пріѣзжать на нихъ по крайней мѣрѣ за два часа; а если опоздаешь, то или попадешься въ тиски и простоишь у дверей, или и туда не доберешься и уѣдешь, досадуя, что напрасно потерялъ столько времени и заѣхалъ въ такую даль. Вообще мнѣ кажется, что отдаленность учебныхъ заведеній очень неудобна для Парижа. Конечно, по большей части, студенты живутъ въ Латинскомъ кварталѣ, близъ Сорбоны и Французскаго коллегіума; но сколько такихъ, которые съ своими семействами, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, принуждены жить по сю сторону Сены. Нелегко имъ всякой день совершать такое путешествіе, особливо въ дождливую погоду, такъ часто бывающую въ Парижѣ.

VIII.

Камера депутатовъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ имѣющая такое высокое значеніе, для другихъ не что иное, какъ зрѣлище и одно изъ удовольствій и умственныхъ наслажденій Парижа. Даже многіе Французы смотрятъ на нее, съ нѣкоторой стороны, какъ на комедію, а не какъ на законодательную власть, рѣшащую судьбы Франціи. Надобно признаться, что это справедливо, и что немного важныхъ и полезныхъ вопросовъ разрѣшила Парижская камера. При насъ не было ни однаго прѣнія, касавшагося до общей пользы; однако были довольно занимательныя. Бореніе министерства съ оппозиціей, страстныя выходки ораторовъ лѣвой стороны, энергическія отраженія Гизо, торжество и уничиженіе, оскорбленія и похвалы, дружба и ненависть, чистое увлеченіе и тайныя продѣлки — все это имѣетъ драматическій интересъ. Мы, не принадлежа ни къ какой партіи, не имѣя никакаго предубѣжденія во мнѣніяхъ, могли справедливо оцѣнивать ораторовъ, увлекаться только однимъ краснорѣчіемъ. Вообще очень трудно доставать билеты въ камеру депутатовъ: если нѣтъ особенной протекціи, то просто невозможно. Между зрителями очень много дамъ: это любезно со стороны Французовъ, во всемъ старающихся угодить прекрасному полу, но — несправедливо. Иная княгиня имѣетъ постоянный билетъ для камеры депутатовъ, а юристъ, пріѣхавшій нарочно, чтобы слѣдить за прѣніями, не можетъ добраться до нихъ. Вездѣ есть злоупотребленія. Кромѣ того въ Парижѣ

имѣютъ особенное искуство давать громкія названія самымъ пустымъ вещамъ. Напримѣръ: мы прочли великолѣпное объявленіе объ историческомъ конгрессѣ подъ предсѣдательствомъ Мартинеца де ла Розы, знаменитаго Испанскаго поэта, человѣка благороднаго, пламеннаго патріота, любящаго науки и поэзію. Девятилѣтнее существованіе этаго конгресса, имя Мартинеца де ла Розы — все ручалось за занимательность и пользу. Мы не были на открытіи, когда Мартинецъ говорилъ рѣчь объ образованности XIX-го вѣка; но мы были во второмъ засѣданіи—и вотъ что видѣли и слышали. Въ одной новоустроенной залѣ или вѣрнѣе галлереѣ Люксамбургскаго дворца приготовлена эстрада. На ней сидятъ ученые, участвующіе въ конгрессѣ. Президентъ находится въ серединѣ. Передъ нимъ столъ, а на немъ колокольчикъ какъ у Созе. Стенографы по обѣимъ сторонамъ — однимъ словомъ, всѣ аттрибуты важнаго засѣданія. Все чинно. «Je demande la parole», скажетъ одинъ изъ ораторовъ и сядетъ на стоящій впереди стулъ—и начнетъ говорить, говорить, да такъ театрально, словно научился у какаго-нибудь дурнаго актера; а иной кричитъ во все горло, а другой читаетъ умилительно по тетрадкѣ. Въ этотъ разъ возражали на рѣчь Мартинеца де ла Розы о просвѣщеніи. Одни старались доказать, что въ нашъ вѣкъ, преимущественно во Франціи, успѣхъ чувствителенъ только въ промышленности, что ничего не сдѣлано для нравственнаго совершенствованія, что всѣ стремленія употреблены только на наружность, на эффектъ.

«Подите на выставку», продолжалъ ораторъ, «и найдете ли вы тамъ успѣхъ въ искуствахъ? Достойна ли она великой націи? Въ театрѣ — тамъ также натянутость и ложный вкусъ. Въ литературѣ — ничего утѣшительнаго, но сколько печальнаго и пагубнаго»! Все это весьма справедливо. Однако и во Франціи замѣтенъ большой успѣхъ въ наукахъ. Г-нъ Ленинъ (одинъ изъ ораторовъ) отвѣчалъ недовольному, но не очень удачно. Мартинецъ де ла Роза возражалъ — хотя не много, но очень дѣльно. Въ заключеніе онъ сказалъ, что просвѣщеніе конечно имѣетъ свою опасность — и что ее-то должно удалять. Какъ у Римлянъ во времена тріумфа ихъ героевъ изъ толпы народа слышались бранные крики и оскорбленія, которыми смиряли гордость тріумфаторовъ; такъ и въ спорахъ о просвѣщеніи надобны предостереженія сильныхъ голосовъ, чтобы науки не обратились въ ремесло высокомѣрія и эгоисма. Кромѣ нѣсколькихъ поэтическихъ выраженій и свѣтлыхъ мыслей Мартинеца де ла Розы, конгрессъ этотъ не представляетъ ничего занимательнаго—и, кажется, не принесъ никакой пользы наукѣ. А подумаешь, вѣдь какъ учено и важно! историческій конгрессъ! Французы—мастера давать громкія названія пустымъ вещамъ. Вотъ еще другой примѣръ. По понедѣльникамъ бываютъ засѣданія въ Атенеѣ, который не что иное, какъ бывшій Лицей, основанный въ 1786 году обществомъ литераторовъ и существованій долго, не смотря на ужасы революціи. Въ немъ Лагарпъ читалъ свой курсъ

литературы; въ немъ говорили Легуве и Шенье. После нихъ Атеней пришелъ въ упадокъ. Потомъ его старались оживить; въ немъ снова говорили литераторы, сделавшіеся тоже знаменитыми; но это было минутное оживленіе: Атеней снова зачахъ и верно бы совсемъ скончался, если бы Графъ Кастеланъ, соскучивъ играть комедіи, не принялся за него. Теперь въ Атенеѣ бываютъ многочисленныя собранія каждый понедѣльникъ; тамъ разсуждаютъ, разбирая заданныя темы, или читаются небольшія сочиненія. Графъ Кастеланъ предсѣдательствуетъ. Въ небольшой, низкой комнатѣ устроена трибуна для ораторовъ и очень часто поставлены стулья для посѣтителей, такъ-что если и посчастливится найти мѣсто, то сидишь, не имѣя возможности ни поворотиться, ни дѣлать движенія. При насъ засѣданіе открылось чтеніемъ небольшаго сочиненія Казимира Бонинура объ учтивости (добродѣтели Французовъ). Казимиръ Бононуръ, говорятъ, извѣстный писатель; но мы, по своему невѣжеству въ новой Французской литературѣ, въ первый разъ слышали его имя. Послѣ его сочиненія, написаннаго довольно мило, послѣдовало разсужденіе объ улучшеніи состоянія бѣднаго класса: тема чрезвычайно занимательная. Сколько бы можно было сказать на нее убѣдительнаго, полезнаго, благотворнаго, сердечнаго! Но то, что мы слышали, превосходитъ всякое вѣроятіе своею пошлостію и нелѣпостію. Сначала вошелъ на каѳедру какой-то Г-нъ Озіасъ, молодой человѣкъ, чрезвычайно воспламененный; онъ говорилъ съ

большою увѣренностію, не запинаясь, не останавливаясь; но то, что онъ говорилъ, непостижимо! Во-первыхъ, онъ намекнулъ, будто бы Христіанство увеличило физическую нищету. Потомъ раздѣлилъ нищету на умственную, физическую и нравственную. Для уничтоженія первой онъ предлагалъ ученіе; для второй совѣтовалъ не отягчать рабочій классъ изнурительными трудами, давать ему отдыху 5-ть или 6-ть часовъ въ день и занимать гимнастикой. Наконецъ для третьей, онъ совѣтовалъ смягчать нравы зрѣлищемъ красотъ природы, а гдѣ ихъ нѣтъ— созерцаніемъ изящнаго, и для того предлагалъ строить мастерскія и фабрики съ изяществомъ и въ живописныхъ мѣстахъ. Безпрестанно приводилъ въ примѣръ Древнихъ, указывая на Платона и Ликурга. Все общество хохотало, а ораторъ нимало не конфузился—и съ Французскимъ самодовольствіемъ находилъ вѣроятно, что его одобряютъ, потому-что благодарилъ за благосклонный пріемъ. Иногда Французы выводятъ изъ терпѣнія: чего ожидать отъ націи, въ которой такъ много самонадѣянности и такъ мало религіи! Другой авторъ также говорилъ въ родѣ перваго и, кажется, хвастался своимъ невѣріемъ... Впрочемъ были и защитники Христіанства — между ними Г-нъ Брукеръ, извѣстный подъ именемъ Мишель Ремона. Но и духъ Христіанства не внушалъ этимъ ораторамъ ничего увлекательнаго. Изо всѣхъ ихъ долгихъ разсужденій мы не почерпнули ни одной новой утѣшительной мысли, ни однаго возможнаго предположенія. Говорить долго, даже красно-

рѣчиво и ничего не сказать — могутъ только одни Французы. Филаретъ Шаль сказалъ намъ, что теперь ораторствуютъ въ Атенеѣ, по большей части, такіе ораторы, у которыхъ нѣтъ обуви. Однако же тамъ участвуютъ и извѣстные литераторы; бываетъ и много посѣтителей: какъ же допустить, чтобы произносились такія жалкія, такія дерзкія рѣчи?

IX.

Бывали мы иногда на одномъ курсѣ, нѣсколько утомлявшемъ и даже усыплявшемъ насъ: онъ читается особенно для дамъ Г-номъ Менеше, бывшимъ чтецомъ Карла X-го. Іюльская революція разорила его—и онъ пустился въ частное профессорство. Сенъ-Жерменское предмѣстье ему покровительствуетъ, превозноситъ его курсы, заманиваетъ на нихъ иностранцевъ — и зала Г-на Менеше биткомъ набита. Курсы эти раздѣлены на 40 уроковъ: по понедѣльникамъ читается о литературахъ Французской, Нѣмецкой, Итальянской, Испанской; по пятницамъ преподается физика, химія и астрономія. Обо всемъ говорится поверхностно, съ Французскимъ пристрастіемъ, но ясно и хорошимъ слогомъ. Въ заключеніе каждой литературной лекціи читается какое-нибудь стихотвореніе на Французскомъ языкѣ, или нѣсколько сценъ изъ Корнеля, Расина, Мольера. Этѣ лекціи скучны для тѣхъ, которые не находятъ въ нихъ ничего новаго, и которымъ не нравится взглядъ Французовъ на иностранныя литературы. Но молодыя дѣвушки, Француженки, могутъ пріобрѣсть въ нихъ много полезныхъ свѣдѣній. Въ

Парижѣ есть учебное заведеніе Г-на Леви, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію намъ не удалось его порядочно изучить. Мы были тамъ только одинъ разъ; но и этаго довольно, чтобы получить о немъ понятіе. Это не пенсіонъ, но полный курсъ образованія: тамъ учатся дѣвушки отъ 4 — 5 до 18-ти лѣтъ. Даже есть курсы для наставницъ и матерей семейства. Мальчики также учатся, но совершенно отдѣльно, такъ-что оба пола не встрѣчаются. Всѣ воспитанники и воспитанницы приходятъ въ назначенные часы; въ заведеніи никто изъ нихъ не живетъ. Трудно судить о методахъ: ихъ было столько испробовано, отвергнуто, расхвалено и осуждено, что нельзя сказать, которая самая лучшая, или самая худшая. Вѣрно только то, что ни одна метода не даетъ ума, если его нѣтъ, и не образуетъ высшихъ дарованій. Для геніевъ не надобно никакой методы; они сами находятъ для себя развитіе. Но хорошая метода хороша для умовъ обыкновенныхъ, для способностей, требующихъ усиленныхъ пособій. Я не буду толковать о методѣ Г-на Леви. Присутствуя при его урокѣ въ высшемъ классѣ, мы не замѣтили никакой особой методы, но восхищались только прекраснымъ способомъ преподаванія. Нельзя вообразить ученія болѣе пріятнаго, обращенія съ ученицами болѣе кроткаго и привлекательнаго. Сначала урока рѣчь шла объ исторіи. Это было не сухое изложеніе фактовъ, не повтореніе выученнаго наизусть, но разговоръ объ исторіи, но вѣрный и даже

довольно глубокій взглядъ на событія, но современныя и ясныя мысли о прошедшемъ. Изъ исторіи урокъ, или лучше бесѣда нечувствительно перешла къ литературѣ: говорили о краснорѣчіи, о движеніи въ слогѣ. Потомъ былъ маленькій отдыхъ, и въ заключеніе Г нъ Леви говорилъ о новыхъ сочиненіяхъ. Онъ обыкновенно знакомитъ своихъ учениць съ произведеніями литературы: нѣкоторыя совѣтуетъ прочесть вполнѣ; изъ нѣкоторыхъ выбираетъ только то, что можетъ быть имъ доступно и полезно; указываетъ даже на замѣчательныя статьи въ журналахъ, зная, что его ученицы не имѣютъ времени читать ихъ всѣ. При насъ Г–нъ Леви говорилъ о Бурграфахъ, данныхъ наканунѣ. Послѣ урока читано одно изъ сочиненій учениць, заданное по поводу басни, которую имъ прочелъ въ предыдущій разъ Г-нъ Леви — и надобно видѣть, какъ этѣ дѣвушки пишутъ, какъ онѣ умѣютъ чувствовать, чтобы убѣдиться, какую пользу приноситъ ученіе Г-на Леви. Онъ просилъ своихъ учениць давать ему каждую недѣлю отчетъ о впечатлѣніяхъ, которыя производятъ на нихъ проповѣди Равиньяна; а тѣ, которыя не слушаютъ его, бывая въ своихъ приходахъ, должны писать о проповѣдяхъ, какія тамъ произносятся (это было постомъ). Вообще мы были чрезвычайно довольны умомъ и направленіемъ Г–на Леви, признали его заведеніе чрезвычайно полезнымъ, тѣмъ болѣе, что оно облечено народностью и образуетъ для Франціи истинныхъ Французовъ и Француженокъ. Потому–то мы

удивились, найдя у Г-на Леви многихъ Русскихъ барышень. Всякое ученіе, не сближающее насъ съ бытомъ страны, въ которой мы родились и должны дѣйствовать, слѣдовательно отчуждающее насъ отъ святыхъ гражданскихъ обязанностей, будетъ какъ блестящій, прекрасный нарядъ, сшитый не по насъ, въ которомъ всегда неловко, и который скорѣе безобразенъ, нежели украшаетъ. Неужели этѣмъ иностранкамъ всего необходимѣе убѣжденіе, что Франція первая страна въ мірѣ, и что ее надобно любить болѣе всего на свѣтѣ? Неужели имъ надобно всегда писать и думатъ по-Французски?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОБЗОРЪ НОВѢЙШИХЪ ТРУДОВЪ НѢМЕЦКИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО ЧАСТИ ИСТОРІИ ГЕРМАНІИ.

Богаты и разнообразны результаты ученой дѣятельности послѣдняго двадцатилѣтія въ исторической наукѣ. Нѣтъ въ жизни человѣчества ни однаго нѣсколько значительнаго періода, который въ Германіи остался бы совершенно неразработаннымъ. Въ эту эпоху исторической дѣятельности Исторія Германіи несомнѣнно должна была сдѣлаться любезнѣйшимъ предметомъ изслѣдованій Нѣмецкихъ ученыхъ. Правда, Германія не обладаетъ еще твореніемъ, которое представляло бы въ вѣрныхъ очеркахъ общую картину ея прошлой жизни; у нея нѣтъ исторіи, которую можно было бы назвать *народною книгою*, которая была бы зрѣлымъ плодомъ обширныхъ и многолѣтнихъ занятій, и соединяла въ себѣ простоту и вѣрность, живость и сердечную теплоту и, наконецъ, безпристрастный взглядъ на прошедшее и будущее Германскаго народа. Но не должно забывать, что затрудненія въ исполненіи такаго предпріятія гораздо значительнѣе, нежели въ отечественной исторіи другихъ народовъ. Матерьялъ, выборъ фактовъ, обработка и точка зрѣнія во всеобщей Исторіи Германіи — вотъ трудности, которыя еще никѣмъ не были преодолѣны съ совершеннымъ успѣхомъ. Послѣ долголѣтняго за-

стоя, бывшаго въ литературѣ Исторіи Германіи, настоящая эпоха возрожденія подаетъ надежду, что Германія быстро приближается къ этой прекрасной и высокой цѣли. Въ этомъ еще болѣе удостовѣритъ краткій обзоръ всего, что сдѣлала Германская наука въ области отечественной исторіи. Труды ея можно раздѣлить на труды по части изданія источниковъ, на вспомогательныя пособія и на сочиненія по части всеобщей и спеціальной Исторіи Германіи.

Первое мѣсто въ числѣ собраній источниковъ давно уже заняли *Историческіе памятники Германіи* (Monumenta Germaniae historica), изданные Г. Г. Перцомъ. Это исполинское предпріятіе стоило огромныхъ трудовъ и пожертвованій. Нѣсколько ученыхъ: Перцъ, Бёмеръ, Вайцъ, съ ограниченными средствами совершили болѣе, нежели трудолюбивые Французскіе Бенедиктинцы. Въ три десятилѣтія эти Нѣмецкіе изслѣдователи проникли далѣе, нежели въ цѣлое полстолѣтіе монахи, которые вели беззаботную жизнь и пользовались всѣми внѣшними выгодами и пособіями богатаго и великодушнаго правительства. Бёмеръ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ изданіи Перца, нынѣ издаетъ отдѣльный и весьма замѣчательный сборникъ, подъ заглавіемъ: *Источники Нѣмецкой Исторіи* (Fontes rerum Germanicarum).

Предпріятіе Перца принесло благодѣтельные плоды: изслѣдованіе отечественныхъ источниковъ получило новую жизнь, потому-что распространилось по всѣмъ частямъ Германіи. Появились прево-

сходныя монографіи о замѣчательнѣйшихъ источникахъ Нѣмецкой Исторіи. Доселѣ открыто множество неизвѣстныхъ документовъ и памятниковъ, скрывавшихся въ архивахъ. Въ этомъ отношеніи изданія Оитературнаго общества особенно замѣчательны по своей важности и успѣшности въ исполненіи. Нельзя также пройти молчаніемъ общаго результата дѣятельности Историческихъ обществъ, числомъ ежегодно возрастающихъ. Что еще многое оставалось изслѣдовать въ спеціальныхъ частяхъ Исторіи Германіи, доказываютъ изданія превосходныхъ историческихъ архивовъ, именно Гессена, Саксоніи, Тюрингіи, различныхъ провинцій Баваріи, Шлезвига и Швейцаріи. Можно было бы подумать, что безпрерывное изученіе часто скудныхъ и весьма сухихъ источниковъ и документовъ можетъ затемнить ясность воззрѣнія на дѣйствительную сущность Исторіи; но кто знакомъ съ новѣйщими произведеніями Нѣмецкой исторической литературы, тотъ знаетъ, какое тамъ вниманіе обращаютъ теперь на художественную сторону Исторіи. Безъ сомнѣнія, въ Германіи есть ученые, которые собиранію матерьяловъ придаютъ важность, превосходящую всѣ границы благоразумія; но это явленія скоропреходящія. Всѣ давно убѣдились въ томъ, что совершенство историческаго произведенія состоитъ въ гармоническомъ сліяніи того и другаго элемента.

Во главѣ повременныхъ изданій, въ которыхъ помѣщаются статьи, обработанныя по источникамъ, стоитъ *Альманахъ отечественной Исторіи* (Taschen-

buch für vaterländische Geschichte), издаваемый Гормаіеромъ. Онъ служитъ отраднымъ доказательствомъ той мысли, что истинно полезное и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ обращаетъ на себя вниманіе. Тридцать четыре года сообщаетъ неутомимый издатель драгоцѣнныя свѣдѣнія изъ сокровищницы своихъ изслѣдованій. Мы думаемъ, что Германія едва ли обладаетъ другимъ человѣкомъ, который, проведя столь бурную жизнь, успѣлъ бы сдѣлать столько разысканій по источникамъ. Нѣкоторыя части спеціальной Исторіи Германіи всѣмъ обязаны одному Гормаіеру; другіе историки пошли только по его слѣдамъ. Даже небольшія его разсужденія отличаются невѣроятнымъ богатствомъ документовъ. *Историческій Альманахъ* (Historisches Taschenbuch), издаваемый Раумеромъ, часто содержитъ въ себѣ весьма любопытныя статьи по части Исторіи Германіи, и въ этомъ отношеніи также заслуживаетъ большое вниманіе *Журналъ Исторической Науки* (Zeitschrift für Geschichtswifsenschaft), издаваемый въ Берлинѣ А. Шмидтомъ. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ войти въ подробный разборъ статей этаго отличнаго журнала; но мы почитаемъ обязанностью обратить вниманіе читателей на множество рецензій новѣйшихъ произведеній исторической литературы, въ немъ помѣщаемыхъ.

Нельзя жаловаться на недостатокъ сочиненій по части всеобщей Исторіи Германіи. Нѣтъ года, въ который не появилась бы какая-нибудь новая Исторія Нѣмецкаго народа. Эти «Исторіи», не смо-

тря на множество недостатковъ, всегда находятъ себѣ читателей: доказательство необыкновенно живаго участія Нѣмецкаго народа къ собственной Исторіи. Луденъ издалъ продолженіе своей Краткой Исторіи Нѣмецкаго народа. Появилось четвертое, во многихъ отношеніяхъ исправленное, изданіе Исторіи Вольфганга Менцеля, которая доказываетъ, что сочиненіе, даже написанное безъ основательнаго изученія источниковъ, можетъ найти большое сочувствіе въ народѣ, если задумано въ патріотическомъ духѣ и выполнено съ душею. Карлъ Менцель приводитъ къ окончанію свое большое твореніе о новѣйшей Нѣмецкой Исторіи. Оно отличается спокойнымъ, но вмѣстѣ боязненно безпристрастнымъ духомъ изслѣдованія, и простымъ, даже нѣсколько безцвѣтнымъ расказомъ. Истинная заслуга Карла Менцеля состоитъ въ томъ, что онъ не устрашился весьма основательно обработать печальнѣйшій періодъ въ Исторіи Германіи—конецъ XVII-го столѣтія. Исторія Вирта, исполненная ошибокъ въ первыхъ тетрадяхъ, въ новыхъ выпускахъ пріобрѣла много достоинствъ: расказъ послѣдующихъ происшествій живъ, непринужденъ, и взглядъ автора оригиналенъ.

Исторія государственнаго устройства Германіи обработывается столь же ревностно, какъ и прочія части исторической науки. Классическое сочиненіе Эйхгорна: *Исторія права и государственнаго устройства Германіи* (Deutsche Staats und Rechtsgeschichte) появилось новымъ (пятымъ) изданіемъ. Германія желала бы обладать твореніемъ, которое съ подоб-

ною же ясностью, опредѣленностью и художественною простотою расказа, свойственною творческимъ произведеніямъ, представляло бы картину всей прошлой ея жизни. Другой Нѣмецкій юристъ, г. Цёпфль, издалъ вновь свою Исторію государственнаго устройста Германіи. Это сочиненіе, получившее нынѣ обширнѣйшій объемъ, основанное на хорошемъ знаніи источниковъ и литературныхъ пособій, приведенныхъ авторомъ съ большою полнотою, отличается характеристикою главнѣйшихъ эпохъ Исторіи Германіи, любопытною и для непосвященныхъ въ юридическія науки. Разысканія автора привели его ко многимъ новымъ и своебытнымъ результатамъ, особенно въ древнѣйшемъ періодѣ. Вообще исторія древняго политическаго устройства Германіи сдѣлалась нынѣ предметомъ ревностнаго изученія. Этотъ отдѣлъ обогатился превосходнымъ сочиненіемъ Вайца: *Исторія государственнаго устройства Германіи* (Deutsche Verfassungsgeschichte), которое, по нашему мнѣнію, должно занять первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ, потому-что отличается, не говоря о глубокомъ знаніи источниковъ, образцовымъ критическимъ духомъ въ ислѣдованіи объ этомъ темномъ періодѣ. Замѣчательны также слѣдующія сочиненія Зибеля: *О происхожденіи Королевскаго достоинства въ Германіи* (Enstehung des deutschen Königthums), написанное впрочемъ съ ложной и въ наукѣ недозволенной точки зрѣнія; Саксе: *Политическія основанія государственной жизни и права Германіи* (Historische Grundlagen des deutschen

Staats-und Rechts-Lebens). Исходная точка зрѣнія вѣрна; но въ развитіи ея авторъ обнаруживаетъ часто недостатокъ въ критическомъ тактѣ и истинной учености.

Литература обогатилась также множествомъ монографій и специальныхъ исторій, хотя для среднихъ вѣковъ и для новѣйшаго времени еще мало сдѣлано. Преимущественное вниманіе историковъ обратили на себя исторія Реформаціи и Франконско-гогенштауфенская эпоха. Мы не станемъ разбирать здѣсь сочиненій Дённигеса, Ранке, Гагена, Неудекера и прежнихъ трудовъ учениковъ Ранке, которые превосходно обработали лѣтописи изъ временъ Императоровъ Саксонскаго дома. Двѣ тщательно написанныя монографіи о временахъ Императоровъ Генриха V и Лотара II обратили на себя особенное вниманіе ученой публики: въ исходной точкѣ зрѣнія каждаго автора очень ясно отразились тѣ начала, которыя породили извѣстную въ исторіи среднихъ вѣковъ борьбу Папъ и Императоровъ. Въ тѣхъ двухъ монографіяхъ принципы Гфельфовъ и Гибелиновъ нашли своихъ защитниковъ. Сочиненіе Герве: *Политическая исторія Германіи при Императорѣ Генрихѣ V* и *Лотарѣ II* (Politische Geshichte Deutschlands unter der Regirung Kaiser Heinrich's V und Lothars II) написано еще съ той точки зрѣнія, когда подъ именемъ «Исторіи Нѣмецкаго народа» являлись какія-то манифесты въ гвельфопапскую пользу. Предъ этимъ трибуналомъ ученаго патріотисма всѣ историческія лица, подобныя Отто фонъ

Нордгейму, Рудольфу фонъ Рейнфельдену и Генриху, находили себѣ горячихъ защитниковъ. Штенцель первый указалъ на истинную точку зрѣнія въ исторіи борьбы Папъ съ Императорами. Сочиненіе Герве было непріятнымъ явленіемъ при нынѣшнемъ состояніи умовъ въ Германіи, но тѣмъ пріятнѣе было вызванное имъ опроверженіе, написанное молодымъ ученымъ Филиппомъ Жаффе. Вообще должно замѣтить, что въ историческомъ произведеніи теперь обращаютъ вниманіе не только на одинъ ученый матерьялъ, но и на образъ мыслей писателя.

Хотя специальная исторія Германіи еще не обработана подробно во всѣхъ частяхъ, и многія провинціи не изслѣдованы Исторіею; но и въ этой сферѣ дѣятельность историковъ неутомима. Когда каждая провинція получитъ свою специальную и дѣльно написанную исторію, тогда только возможно будетъ одному человѣку начертать съ основательнымъ знаніемъ специальныхъ предметовъ картину всеобшей Исторіи Германіи. Укажемъ здѣсь на замѣчательнѣйшія сочиненія: Штенцель издаетъ исторію Пруссіи, которая вѣроятно будетъ скоро окончена; Войгтъ сдѣлалъ извлеченіе изъ своей большой исторіи Пруссіи; Вуттке написалъ превосходную исторію Силезіи, Бартольдъ исторію Помераніи, Штелинъ исторію Виртемберга. Лучшая изъ специальныхъ исторій, по нашему мнѣнію, есть исторія Гессена, Роммеля. Весьма замѣчательна исторія Альзаса, сочиненія Штробеля. Она богата многими новыми результатами.

Заключимъ этотъ краткій обзоръ увѣдомленіемъ о недавно вышедшемъ сочиненіи: *Германія и ея Исторія*, которое явилось въ видѣ программы новой всеобщей исторіи Германіи. Авторъ этой книги, Г. В. Бензенъ, извѣстенъ превосходною исторіею Крестьянской Войны. Его взглядъ на исторію Германіи отличается замѣчательною своебытностью. Долго, говоритъ онъ, жили мы въ сумеркахъ; но это тяжкое для народа время проходитъ. Начинается заря новаго дня: всѣ предметы, столь дорогіе нашему сердцу, выходятъ, подобно привидѣніямъ, изъ тумана, облекавшаго ихъ, и принимаютъ рѣзкіе очерки. Это только начало новаго дня; но чувство будущаго его величія проникаетъ въ сердца народа. Настала пора привести Германцевъ къ самосознанію, и историкъ долженъ быть магомъ, который разрѣшитъ загадку времени.

Подъ Германіею Бензенъ разумѣетъ не страну, въ слѣдствіе новѣйшихъ трактатовъ размежеванную, но всю націю, какъ цѣлое, органически связанное и исполненное жизни. Границы этой націи суть границы Нѣмецкаго языка и тотъ первобытный образъ жизни и мысли, который сохранилъ въ главныхъ чертахъ свою оригинальность и не подвергся исключительному чужеземному вліянію. По-этому Бензенъ представляетъ въ одной картинѣ разнообразную жизнь Нѣмецкихъ племенъ, характеризуруя краткими чертами ихъ отличительныя свойства. Далѣе онъ изображаетъ вліяніе Римскаго элемента на Германію и главные момен-

ты въ развитіи политическаго быта Нѣмецкаго народа. Въ этомъ сочиненіи пока нѣтъ новыхъ изслѣдованій въ историческомъ матерьялѣ; но авторъ этимъ введеніемъ короче ознакомилъ публику съ исторической физіономіей Нѣмецкаго народа, а обзоръ исторіи Германіи оставитъ вѣроятно въ читателяхъ такое же выгодное впечатлѣніе.

Наконецъ Бензенъ представилъ въ главныхъ чертахъ планъ своего будущаго большаго сочиненія. Онъ хочетъ изобразить каждое племя Нѣмецкаго народа, его отличительныя природныя свойства, замѣчательнѣйшія происшествія, имѣвшія особенное вліяніе на его развитіе, поприще его дѣятельности, дѣла и людей, индивидуально характеризирующихъ каждое племя. Это не будетъ ученое повѣствованіе, но расказъ, который заставитъ всякаго любителя историческаго чтенія съ удовольствіемъ прочесть исторію своего племени. Мы не можемъ не порадоваться этой прекрасной мысли, но думаемъ, что авторъ слишкомъ расширилъ границы своей задачи и не означилъ ихъ довольно рѣзко. Онъ долженъ очень остерегаться, чтобы не потерять общую нить всей исторіи Германіи въ изображеніи провинціальныхъ элементовъ и въ расказѣ исторій отдѣльныхъ племенъ, потому-что Нѣмецкому народу, какъ сказали мы выше, нужна исторія, которая, въ художественномъ цѣломъ, вѣрно представила бы ему общую и полную картину прошлой его жизни.

Съ Нѣм. К. Герцъ.

НЕПРИЗНАННЫЙ КЛАДЪ.

Расказъ Никандера.

Въ самомъ сердцѣ Рима, не далеко отъ палаццо Сан-Марко, стоитъ большое, почтенное зданіе. Оно почернѣло отъ времени, но стѣны его сооружены какъ-будто на зло времени и назначены для вѣчности. Простая, безыскуственная архитектура зданія еще усиливаетъ впечатлѣніе, какое производитъ масса его сама по себѣ. Какъ почти всѣ Римскіе палаццо, оно представляется еще огромнѣе и величественнѣе при лунномъ сіяніи. Будучи обстроено со всѣхъ сторонъ, оно почти всегда стоитъ въ тѣни, или, лучше сказать, само представляется мистическою исполинскою тѣнью посреди окружающихъ его церквей и зданій болѣе привѣтливой наружности, съ которыми оно составляетъ разительную противоположность. Зданіе это называется *Collegio Romano*, и по сію пору занято орденомъ Іезуитовъ.

Какъ ни массивенъ палаццо, онъ раздѣляетъ одну участь со всѣми вообще зданіями: ихъ надобно поддерживать, если не хочешь, чтобы они мало по малу совершенно пришли въ упадокъ. При обширномъ объемѣ зданія и безчисленномъ множествѣ комнатъ, изъ которыхъ большая часть занята членами, адептами и учениками ордена, а другая служитъ для помѣщенія архива, казначейства, библі-

отеки и прочихъ хранилищъ ордена, оно требуетъ безпрестанно присмотра, безпрестанныхъ починокъ. Рѣдко проходилъ мѣсяцъ, въ который бы тутъ не работали столяры, каменщики, печники или маляры.

Однажды въ Августѣ мѣсяцѣ, 1828 года, къ каменщику *Антоніо Досси*, живущему по сосѣдству *Maria sopra Minerva*, пришли съ предложеніемъ какъ можно скорѣе начать и привести къ окончанію какую-то работу для Іезуитскаго ордена. Каменщикъ, который радъ былъ заработать что-нибудь и не хотѣлъ упустить случая пріобрѣсть благорасположеніе такаго могущественнаго и всѣми уважаемаго общества, немедленно явился въ Collegio Romano съ двумя надежными подмастерьями. Одинъ изъ младшихъ членовъ ордена повелъ каменщика во второй этажъ и показалъ ему двѣ комнаты — одну маленькую, другую побольше, которыя однако не находились въ связи между собою. Послѣдняя, гдѣ прежде помѣщалась частная библіотека однаго знатнаго Іезуита, который незадолго передъ тѣмъ умеръ, теперь была отдана его преемнику. Для большаго удобства новаго хозяина, положено было снять старую внутреннюю штукатурку и, проломивъ стѣну, соединить обѣ комнаты дверью, потомъ хорошенько выштукатурить ихъ вновь и выкрасить. Антоніо взялся исполнить все это къ извѣстному сроку и за дешевую плату.

Кончивъ переговоры, молодой Іезуитъ удалился, а каменщикъ немедленно принялся работать въ

пустой комнатѣ, гдѣ напередъ тщательно осмотрѣли всѣ углы. Антоніо самъ съ однимъ изъ подмастерьевъ остался въ маленькой комнатѣ, и началъ съ той стѣны, которая отдѣляла ее отъ смежной съ нею просторной залы. Другой падмастерье сталъ снимать обои и ломать старую штукатурку въ большомъ покоѣ. Обломки стѣны безпрестанно съ шумомъ валились то въ одной комнатѣ, то въ другой: полъ скоро покрылся кучами мусора, и густая известковая пыль поднялась вокругъ усердныхъ работниковъ, такъ-что они скоро не могли болѣе видѣть, а только развѣ слышали другъ друга. Удары молотка, которые сначала быстро слѣдовали одинъ за другимъ, становились все рѣже и небрежнѣе: соотвѣтственно похвальной привычкѣ Римскихъ мастеровыхъ, настали длинныя перемежки, и чѣмъ болѣе приближалось обѣденное время, тѣмъ лѣнивѣе шла работа, тѣмъ чаще она прерывалась пріятными разговорами.

«Хозяинъ!» сказалъ Піетро, работавшій возлѣ Антоніо: «нельзя ли мнѣ выбраться изъ известковаго дыма за нѣсколько минутъ до обѣда? Сегодня ровно въ двенадцать часовъ разыгрывается лотерея на Монте Читоріо. Надѣюсь, что Санъ-Джузеппе пособитъ мнѣ выиграть что-нибудь ради моей набожности. Я взялъ № 8-й, потому-что имя Giuseppe состоитъ изъ восьми буквъ, потомъ № 7-й, потому-что G седьмая буква алфавита, и наконецъ № 15-й, потому-что если сложить семь и восемь, такъ выйдетъ пятнадцать».

«Дуракъ же ты, Піетро,» отвѣчалъ Антоніо. «Я только разъ въ жизни испыталъ свое счастье въ лотереѣ. Я выигралъ двенадцать скуди, но далъ себѣ слово никогда болѣе не пускаться на такія затѣи. Я надѣялся выиграть по крайней мѣрѣ двѣсти скуди».

«Хозяинъ!» закричалъ изъ другой комнаты Томазо, второй подмастерье каменщика. «Тутъ на стѣнѣ что-то написано, чего я хорошенько не разберу».

Антоніо, которому искуство—читать писанное—далось немного лучше, нежели его помощникамъ, отправился къ Томазо. Онъ осторожно сталъ на содранные обои и, прильнувъ къ стѣнѣ, не безъ труда наконецъ прочиталъ слѣдующія строки:

Molto mi piace
Donna, che giace,
Muro, che tace.

Позабавившись этими стишками, которымъ безъ сомнѣнія можно бы было найти мѣсто поприличнѣе Іезуитскаго коллегіума, Антоніо и его подмастерье снова принялись колотить по стѣнѣ, не щадя даже и тѣхъ камней, на которыхъ находились рифмованныя строки.

Но вотъ Антоніо, который сильными ударами выламывалъ стѣну, въ томъ мѣстѣ, гдѣ надобно было сдѣлать дверь, вдругъ услышалъ какой-то странный звукъ, повторявшійся при каждомъ ударѣ въ извѣстное мѣсто. Не понимая, отъ чего проис-

ходилъ этотъ звукъ, похожій на легкое сотрясеніе какаго-нибудь отдѣльнаго предмета, каменщикъ, по бывшей тутъ надписи, смекнулъ, что подъ стѣною должно быть что-нибудь спрятано. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ дѣйствительности звука; но такъ-какъ ни который изъ подмастерьевъ не замѣчалъ его, то и рѣшился онъ привести дѣло въ ясность наединѣ.

«Піетро!» закричалъ онъ одному изъ подмастерьевъ; «я дарю тебѣ четверть часа, что остается до полныхъ двенадцати. Поди къ Монте Читоріо послушать, какіе нумера вынетъ на балконѣ бѣлый мальчикъ; да смотри, не приходи домой безъ выигрыша въ нѣсколько сотъ скуди. Томазо пускай-себѣ идетъ съ тобою. Надобно, чтобъ эта чертовская пыль сперва улеглась или вышла, а то тутъ совсѣмъ ослѣпнешь. Воротясь домой, вы пообѣдаете, а черезъ полтора часа мы опять сойдемся всѣ вмѣстѣ здѣсь. Я-такъ непремѣнно хочу сперва покончить вонъ этотъ уголъ; это для меня гораздо интереснѣе Монте Читоріо и твоихъ лотерейныхъ билетовъ».

Оба подмастерья поспѣшили воспользоваться позволеніемъ хозяина—и мигомъ исчезли. Тогда каменщикъ съ новымъ усердіемъ принялся стучать по таинственному мѣсту, и скоро услышалъ въ стѣнѣ не только сотрясеніе, но даже какъ-будто звонъ. Но вотъ вывалился большой камень и въ отверзтіи показались маленькія черныя дверцы. «Ага!» подумалъ Антоніо, поправивъ на головѣ свою сѣрую шапку, обсыпанную бѣлою краской; «тутъ, кажется,

кладъ». Онъ торопливо перекрестился и съ минут, стоялъ въ недоумѣніи; потомъ всунулъ болтъ въ скважину—кракъ! одинъ ударъ молоткомъ—и вотъ дверцы отворились, и къ ногамъ Антоніо посыпалось несмѣтное множество свѣтлыхъ золотыхъ цекиновъ.

Антоніо нѣсколько минутъ стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ на льющійся передъ нимъ золотой дождь. Если бы въ эту минуту вошелъ кто-нибудь изъ достопочтенныхъ отцевъ, каменщикъ, безъ сомнѣнія, почтительно приподнявъ шапку, расказалъ бы все, какъ случилось; ему бы и въ голову не пришло присвоить себѣ хоть одно зернышко соблазнительнаго пшена. Онъ почти желалъ, чтобы въ эту минуту кто-нибудь вошелъ и увидѣлъ лежащую у ногъ его кучу монетъ. Но никто и не думалъ входить: въ палаццо всюду царствовали тишина и безмолвіе. Онъ безъ дальнихъ размышленій набилъ цекинами свои просторные карманы, которые до того видывали развѣ только мелкія серебряныя монеты и баіокки, а иногда объѣдки булокъ или плодовъ. Чтобы золото безвременнымъ звономъ не измѣнило ему и самому себѣ, онъ наполнилъ карманы мелкимъ мусоромъ; потомъ, уничтоживъ всякій слѣдъ потаеннаго ларчика въ стѣнѣ, онъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, спустился по лѣстницѣ, съ тѣмъ, чтобы итти домой къ своей молодой женѣ и съ нею раздѣлить скудный обѣдъ. Если бы онъ въ эту минуту встрѣтился съ кѣмъ-нибудь изъ орденской братіи, и тотъ бы невзначай пристально посмотрѣлъ на него, каменщикъ вѣроятно весь

блѣднѣлъ бы и отдалъ всѣ свои цекины, чтобы бавиться отъ всякой бѣды. Но онъ ни души не трѣтилъ: только внизу на лѣстницѣ сидѣли два лодые Іезуита, которые, проходя періодъ искуса, ке упражнялись въ смиренномудріи и передъ нѣолькими любопытными тунеядцами Рима, да двумя и тремя Англичанами, еще болѣе любопытными, ѣдали вмѣстѣ съ четырьмя калеками изъ Сабинской руги. Антоніо поклонился молодымъ богобоязлимъ Іезуитамъ, которые отдали ему поклонъ со евозможною учтивостью, но не поднимая глазъ и прерывая своей убогой трапезы. Такимъ образомъ ъ незамѣтно и уже нѣсколько смѣлѣе выбрался улицу, обошелъ большой кругъ мимо Пантеона потопилъ весь страхъ и смущеніе въ рюмкѣ вод-, которую ему подалъ привѣтливый хозяинъ изстной угловой лавки близъ Піацца дела Ротонда. еперь у него стало такъ свѣтло передъ глазами, кѣ спокойно на сердцѣ. Важно прищуриваясь и пѣвая какую-то пѣсню, онъ отсюда отправился ямо домой.

Когда онъ вошелъ къ себѣ, въ большую комту со сводами, молодая, черноглазая жена его, еттина, преспокойно сидѣла передъ длиннымъ столмъ. Тутъ же рядомъ съ нею сидѣлъ мущина въ емномъ платьѣ, съ курчавыми волосами и угрюымъ лицемъ. Антоніо скоро узналъ въ немъ стаго знакомаго, то есть однаго изъ тѣхъ пріятеей, которые насильно льнутъ къ честному человѣу, и отъ которымъ добромъ невозможно отдѣлать-

ся. Его звали *Теодоро Пистрелли*, но, въ насмѣшк
и для краткости, а также за дюжее тѣлосложеніе,
иногда его называли: *il Toro* (Быкъ). Онъ нѣкогда
былъ мясникомъ, но обанкрутился—и теперь нахо-
дился въ короткихъ сношеніяхъ съ любимцемъ Па-
пы, аптекаремъ *Фумароли.* Были люди, которые
утверждали, будто бы онъ былъ главою шпіонска-
го общества Фумароли, и что самъ онъ произво-
дилъ самыя большія и выгодныя конфискаціи за-
прещенныхъ товаровъ на ярмаркахъ въ *Анконѣ*, *Ри-
мини* и *Синигальи.* Природнымъ безстыдствомъ, ко-
торымъ онъ былъ надѣленъ чрезвычайно обильно,
онъ всюду открывалъ себѣ доступъ и употреблялъ
всѣ возможныя средства, чтобы подружиться съ хо-
зяиномъ или хозяйкою того дома, куда онъ вти-
рался, если могъ ожидать отъ того малѣйшей выго-
ды или для самаго себя, или для своихъ плановъ.

Антоніо не успѣлъ войти, какъ прекрасная
Беттина съ ласковою улыбкою побѣжала къ не-
му на встрѣчу — и, поцѣловавъ его, пошла по-
давать кушанье. Теодоро забралъ себѣ въ го-
лову отобѣдать у Антоніо, и потому, поздоро-
вавшись съ нимъ, беeъ приглашенія сѣлъ за столъ
и принялся опустошать сковороду съ жарены-
ми кефалами, * а потомъ налилъ себѣ стаканъ
изъ непочатой бутылки Велетри. Антоніо былъ не
радъ назойливому гостю—но, какъ добрый малый,
не обнаруживалъ своего неудовольствія, и только
поспѣшность, съ какою онъ глоталъ горячую рыбу

* Маленькая рыба, похожая на рапушку.

; запивалъ виномъ, показывала, что онъ сильно :треноженъ, или что съ нимъ случилось что-то ›обенное. Казалось, онъ хотѣлъ что-то сказать, одко жъ не произносилъ ни слова; а когда полли съ очага супъ, онъ не далъ простыть ему, алъ хлебать его съ необыкновеннымъ усердіемъ, ежду-тѣмъ, какъ Теодоро дулъ на каждую ложку, ъ подлобья поглядывая на Антоніо. Наконецъ, ь заключеніе обѣда, появилось блюдо каштановъ; › и оно было опорожнено безъ большихъ разговоровъ, послѣ чего Беттина принялась убирать со ола и запѣла какую-то пѣсенку; но и это плохо эдѣйствовало. Мало по малу однако разговорились погодѣ, о травлѣ звѣрей въ мавзолеѣ Августа, о другихъ подобныхъ достопримѣчательностяхъ. порожнивъ свою бутылку вина, Теодоро всталъ взявъ шляпу, сказалъ: «Братъ Антоніо! у мея есть до тебя просбица. Мнѣ нужны деньги — я хотѣлъ спросить тебя, не можешь ли ты одолить мнѣ десяти скуди недѣли на двѣ?» «Гмъ!» твѣчалъ Антоніо; «ты знаешь, что я человѣкъ бѣдый и кое-какъ перебиваюсь со дня на день; сеэдня я бы и родному брату не могъ дать даже есяти баіокко; но потерпи! въ другой разъ — ожетъ быть, завтра, или послѣ завтра... Мнѣ слѣуетъ получить немного денегъ. Приходи черезъ ѣсколько дней; тогда мы посмотримъ. Сегодня у еня какъ будто самъ чортъ сидитъ въ головѣ, и рѣшительно не могу помочь тебѣ». Потомъ онъ зъ учтивости попросилъ гостя сѣсть и выпить еще

стаканчикъ–другой; но Теодоро, отъ досады, коверкалъ свою шляпу и, закусивъ губы, холодно поклонился и съ злобною миною вышелъ вонъ, не простившись съ хозяевами.

Какъ скоро онъ удалился, Антоніо побѣжалъ къ двери и тщательно замнулъ ее. Беттина, которая ужъ и прежде съ удивленіемъ замѣчала тревожные взгляды и движенія мужа, обыкновенно чрезвычайно спокойнаго и ласковаго, поблѣднѣла отъ испуга, и, прижавшись въ противоположный уголъ комнаты, спросила дрожащимъ голосомъ: «что съ тобою, Антоніо? къ чему это?»

«Молчи!» сказалъ Антоніо строго.

У Беттины навернулись на глазахъ слезы, и она опять спросила: «Антоніо, мой другъ, что съ тобой сдѣлалось? Ужъ не ревнуешь ли ты меня къ этому несносному Теодоро? Но виновата ли я, что онъ пришелъ и расположился тутъ въ твое отсутствіе? Ты, право, напрасно сердишься на меня, Антоніо!»

«Полно болтать вздоръ!» отвѣчалъ Антоніо. «Тутъ дѣло вовсе не о ревности. Мы теперь одни. Посмотри-ка, Беттина!» и съ этими словами Антоніо пригоршнями началъ выкладывать золото изъ каршановъ на столъ.

Тутъ Беттина перешла къ испугу инаго рода, который однако былъ смѣшанъ съ любопытствомъ и удивленіемъ. Она, выпуча глаза, поглядывала то на Антоніо, то на блестящіе цекины—и, видя, что онъ все продолжаетъ горстями вынимать изъ карма-

новъ золото, и что куча на столѣ все увеличивается, она почти въ отчаяніи воскликнула: «О Santa Madonna — Антоніо! ты укралъ все это?»

«Нѣтъ, Беттина; но молчи только. Если ты будешь кричать, то я ничего не раскажу тебѣ. Всѣ эти цекины я нашелъ въ Collegio Romano. Они чуть-было не покатились мнѣ прямо въ горло, когда я пробилъ стѣну. Но я уже раскаиваюсь, что взялъ ихъ. Я не могъ удержаться, чтобы не принесть ихъ домой и не показать тебѣ, Беттина; но я сегодня же отнесу ихъ назадъ.»

«Ахъ, милый Антоніо!» воскликнула Беттина, боязливо подходя къ столу; «какая бездна золота! И ты не укралъ его, а нашелъ въ стѣнѣ? Я согласна, что тебѣ надобно отдать деньги назадъ, если будутъ искать ихъ. Но, можетъ быть, ни одна душа не знаетъ о ихъ существованіи. Иначе уже ли бы ихъ оставили въ стѣнѣ, которую предполагалось сломать? А покамѣстъ не разглашай о своей находкѣ, Антоніо; я тебѣ запрещаю это. Подумай: если никто не хватится цекиновъ, вѣдь ты сдѣлаешься богатымъ человѣкомъ. Ты купишь себѣ виноградникъ, здѣсь — или мы, пожалуй, поѣдемъ въ Неаполь, гдѣ живетъ мой дядя, и купимъ тамъ маленькій домикъ и будемъ жить припѣваючи. А я — я буду наряжаться какъ знатная дама, и каждое воскресенье кататься по Толедо, и ты увидишь, Антоніо, какъ тутъ всѣ господа будутъ тебѣ почтительно кланяться. Тебя спросятъ о твоемъ здоровьѣ и о здоровьѣ твоей Беттины, а ты съ при-

личною важностью поблагодаришь и позовешь пріятелей на бутылку Греческаго вина. — — Ахъ, милый Антоніо! оставь деньги покамѣстъ у себя! Если ихъ станутъ искать, то вѣдь ты сейчасъ узнаешь о томъ и возвратишь ихъ. Но сколько же ты всего-на-все нашелъ цекиновъ? Сосчитаемъ-ка!»

Тутъ сперва посыпались нѣжныя ласки и увѣщанія, а послѣ было приступлено къ счету цекиновъ. Ихъ оказалось всего семь сотъ девяносто пять. По совѣту Беттины, Антоніо заперъ кладъ въ сундукъ подъ крѣпкій, надежный замокъ, и съ этѣхъ поръ днемъ и ночью ни о чемъ не думалъ, какъ о своемъ богатствѣ. Сердце у него билось отъ страха каждое утро, когда онъ шелъ въ Collegio Romano; а когда кто-нибудь изъ Іезуитовъ входилъ въ комнату, гдѣ онъ работалъ, онъ всякій разъ только и ждалъ ужасныхъ словъ: «подавай сюда цекины, разбойникъ!» Между-тѣмъ онъ усердно продолжалъ работу и скоро окончилъ ее къ удовольстію отцевъ Іезуитовъ. Ему выплатили условленную сумму. Никто ничего не подозрѣвалъ; никто не думалъ спрашивать его о кладѣ.

Такъ прошли двѣ недѣли. Антоніо ужасно худѣлъ отъ заботъ. Прежде, когда онъ былъ бѣденъ, онъ всегда былъ здоровъ и веселъ. Золотой кладъ лежалъ у него въ сундукѣ еще почти нетронутый; говоримъ *почти*, потому-что пять или шесть цекиновъ было взято и размѣнено для уплаты самыхъ спѣшныхъ долговъ и покупки кое-какихъ тряпокъ для Беттины. Теодоро болѣе не являлся и

по-этому не получилъ въ-займы желанныхъ десяти скуди.

30 Августа былъ прекрасный день. Справляли праздникъ *Св. Розы*, Антоніо также пошелъ къ обѣднѣ. Тѣснота была ужасная. Онъ съ трудомъ прорвался въ капеллу Святой, ярко освѣщенную множествомъ пестро раскрашенныхъ свѣчь, и палъ на колѣна передъ богато-изукрашеннымъ образомъ Мадонны. Это былъ тотъ самый образъ, передъ которымъ молилась Св. Роза во время земной жизни своей. Передъ алтаремъ стоялъ Доминиканецъ въ церковномъ облаченіи: это былъ отецъ Сильвестро, самый краснорѣчивый и прекрасный собою изъ всѣхъ монаховъ ордена. Онъ былъ еще въ самой силѣ лѣтъ, высокъ и блѣденъ, притомъ извѣстенъ своею святостью. Голосъ его раздался звучно и торжественно. Свѣтлый взоръ его, казалось, проникалъ въ самыя сокровенныя мысли души. Антоніо, который долго съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на величественное лице Доминиканца, не успѣлъ свести съ него взоровъ и обратить ихъ на сіяющій образъ Маріи, какъ вдругъ на руку ему упала свѣча. Сильвестро устремилъ на Антоніо проницательный взоръ свой. Пораженный и уничтоженный, онъ, не трогаясь съ мѣста, лежалъ на колѣнахъ. Когда обѣдня кончилась, онъ пошелъ домой, едва держась на ногахъ.

Антоніо во всю ночь не смыкалъ глазъ. На другое утро, когда отецъ Сильвестро сидѣлъ въ

исповѣдной, къ нему подошелъ, потупя голову, молодой человѣкъ. Онъ сталъ на колѣна передъ рѣшетчатымъ окошечкомъ и, тяжело вздохнувъ, сказалъ Доминиканцу на ухо: «Отецъ, прости меня! Я тяжко согрѣшилъ передъ Богомъ. Я каменщикъ *Антоніо Досси.* Въ палаццо Іезуитскаго ордена я нашелъ сокровенный кладъ въ семсотъ цекиновъ слишкомъ. Я преступно таилъ у себя этѣ деньги цѣлыя двѣ недѣли, но почти къ нимъ не прикасался. Теперь я все хочу возвратить, кому слѣдуетъ, и спасти свою душу. Но я не посмѣю явиться передъ строгими Іезуитами безъ посредника. Отецъ! скажи имъ мою вину и что я готовъ поправить ее. Ты добръ и снисходителенъ и не захочешь погубить меня съ бѣдной моей Беттиной.»

Выслушавъ эту исповѣдь, отецъ Сильвестро долло молчалъ. «Сынъ мой!» сказалъ онъ наконецъ; «вѣра твоя спасла тебя, а раскаяніе изгладитъ твой грѣхъ. Раскажи мнѣ все, какъ было—и я сниму съ твоего сердца гнетущее его бремя.

Ободренный словами Доминиканца, Антоніо расказалъ ему всѣ подробности золотаго своего приключенія. Когда онъ кончилъ и все продолжалъ стоять на колѣнахъ, какъ будто въ ожиданіи послѣдняго своего приговора, отецъ Сильвестро тихо положилъ свою нѣжнобѣлую руку ему на голову и сказалъ: «Миръ тѣмъ, чье сердце не знаетъ обмана! Будь спокоенъ и никому не говори ни слова о томъ, что ты расказалъ мнѣ. Когда я придумаю,

какъ поступить, и исполню придуманное, я самъ буду къ тебѣ на домъ. Господь съ тобою!»

Антоніо сквозь рѣшетку поцѣловалъ у пастыря руку, и, поклонившись ему, удалился. Онъ еще разъ упалъ на колѣна передъ образомъ Мадонны и набожно перекрестился. Онъ видѣлъ во взорахъ Пресвятой Дѣвы благость и милосердіе. Священный миръ храма навѣялъ на него теплоту и отраду — и на сердцѣ у него стало такъ спокойно и хорошо. Когда онъ изъ Collegio Romano шелъ съ своимъ золотымъ кладомъ домой, онъ не былъ такъ веселъ, какъ теперь, унося изъ церкви увѣренность въ освобожденіи отъ тягостнаго бремени. За обѣдомъ Беттина дивилась его апетиту и той горячности, съ какою онъ послѣ обѣда нѣсколько разъ цѣловалъ ее и прижималъ къ сердцу.

Когда Антоніо удалился, отецъ Сильвестро также вышелъ изъ церкви. Онъ долго прохаживался взадъ и впередъ по колонадѣ, которая, за четвероугольнымъ монастырскимъ зданіемъ, окружаетъ небольшой красивый садъ. Иногда онъ выходилъ въ садъ, остонавливался передъ роскошными кустами душистыхъ цвѣтовъ — и то привязывалъ повисшіе стебли, то обрѣзывалъ на померанцевыхъ деревьяхъ завялыя вѣтви. Потомъ онъ заперся въ свою келью. Подъ-вечеръ онъ надѣлъ свое нарядное черное и бѣлое Доминиканское платье, покрылъ остриженную голову большой шляпой съ широкими полями и, вышедъ изъ монастырскихъ воротъ, отправился въ Collegio Romano, куда было ему не далеко.

Видѣть Доминиканскаго монаха въ стѣнахъ Іезуитскаго палаццо—было такъ же необыкновенно, какъ найти сорокъ въ вороньемъ гнѣздѣ. Іезуиты и Доминиканцы, самые ученые и образованные люди во всей католической братіи, были издавна, если не заклятыми врагами, по крайней мѣрѣ отъявленными соперниками. Въ сношеніи однихъ съ другими господствовала холодная гордость, основанная у первыхъ на богатствѣ, на хитрости ума и на обширномъ вліяніи, у вторыхъ на сознаніи классической учености и чистотѣ нравовъ и намѣреній. Но закоренѣлая непріязнь эта была теперь, можетъ быть, сильнѣе, нежели когда-либо. Бывшій въ это время на Папскомъ престолѣ Левъ XII, не оскорбляя Доминиканцевъ явнымъ пренебреженіемъ, оказывалъ большое, можно сказать, отцевское пристрастіе Іезуитамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшихъ сыновъ и самую твердую опору церкви и особы своей. Отъ того онъ не только въ Италіи, но и въ другихъ краяхъ осыпалъ ихъ сокровищами и знаками милости. Оба ордена, равно какъ и отдѣльные члены ихъ, взаимно соблюдали всѣ внѣшнія формы учтивости; но чтобы Іезутъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ Доминиканцу — это было величайшею рѣдкостью, и они не иначе посѣщали другъ друга, какъ по необходимости. По-этому можно себѣ представить, какъ всѣ были поражены, когда отецъ Сильвестро вошелъ въ Іезуитскій коллегіумъ и спросилъ, нельзя ли ему, по одному важному дѣлу, переговорить, не съ на-

чальникомъ ордена — онъ былъ боленъ — а съ почтеннымъ отцемъ Грегоріо, въ вѣдѣніи котораго состояло Римское отдѣленіе Іезуитскаго ордена.

«Миръ тебѣ, отецъ Сильвестро, слава и украшеніе ордена Св. Доминика!» сказалъ развязный и свѣтскій патеръ Грегоріо, узнавъ вошедшаго Доминиканца, который поклонился ему съ почтительнымъ, но важнымъ видомъ. Грегоріо всталъ, ступилъ три шага навстрѣчу Сильвестро—и, слабо пожавъ ему руку двумя пальцами, указалъ на стулъ, а потомъ и самъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Хитрая, привѣтливая улыбка играла на устахъ высокаго Іезуита, между-тѣмъ-какъ въ рукахъ онъ вертѣлъ прекрасную золотую табакерку. Не давъ Сильвестро времени начать разговоръ, Іезуитъ продолжалъ: «братская любовь и пріязнь, которыя господствуютъ между нашими святыми обществами и отдѣльными членами ихъ, равно какъ и дружба, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ связывала насъ съ тобою, братъ Сильвестро, могли бы удовлетворительно объяснить поводъ къ той необыкновенной радости, какую ты въ эту минуту доставляешь мнѣ; но съ моей стороны было бы слишкомъ самолюбиво думать, что ты пришелъ сюда только для свиданія и бесѣды съ старымъ другомъ. И-такъ, если тебя привело ко мнѣ какое-нибудь важное дѣло, касающееся до тебя, или до твоей братіи, то говори скорѣе. Ты найдешь во мнѣ усерднаго друга; будь только со мною откровененъ, какъ съ братомъ.»

Тутъ Сильвестро съ спокойною важностью и

непринужденностью началъ объяснять Іезуиту поводъ къ необыкновенному своему посѣщенію. «Достопочтенный отецъ!» сказалъ онъ, «твои ласковыя и обязательныя слова напоминаютъ мнѣ, что я долженъ говорить съ тобою открыто. Зная, какъ драгоцѣнно твое время, я не буду многорѣчивъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы просить о чемъ-нибудь для себя, или для братіи нашей. У насъ всего, слава Богу, довольно—и нужды наши не велики. Но я, какъ ничтожный служитель Примирителя, пришелъ просить тебя о помилованіи заблудшагося, кающагося Христіанина, который согрѣшилъ противъ тебя и почтеннаго общества Святаго Игнатія: онъ ввѣрилъ мнѣ свою участь. Но прежде-нежели скажу тебѣ его имя и преступленіе, ты, почтенный отецъ Грегоріо, долженъ обѣщать мнѣ, что употребишь свою власть надъ судьбою виновнаго не иначе, какъ на снисходительное прощеніе; за то и я въ свою очередь тебѣ обѣщаю, что онъ, сколько зависитъ отъ него, какъ отъ Христіанина, загладитъ вину свою». Такъ говорилъ Сильвестро.

«Развѣ я слыву такимъ жестокимъ исполнителемъ закона,» сказалъ Іезуитъ, «что ты почелъ нужнымъ стать посредникомъ между мною и провинившимся?»

«О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ,» отвѣчалъ Доминиканецъ; «но строгость часто бываетъ долгомъ начальиика. При всемъ томъ, когда виновный превратился въ каюшагося, онъ можетъ надѣяться найти путь къ *сердцу* судьи своего. Но такъ-какъ тотъ, о

которомъ теперь идетъ рѣчь, не смѣетъ говорить самъ за себя, то я рѣшился объяснить дѣло за него. И-потому обѣщаешь ли ты мнѣ, отецъ Грегоріо, быть къ нему снисходительнымъ?»

«*Я* не хочу быть и не буду строгъ къ нему. Вотъ тебѣ честное слово!» сказалъ Іезуитъ.

«Но, можетъ быть, другіе *по твоей волѣ?*» продолжалъ Сильвестро спокойно.

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ Грегоріо, нетерпѣливо взявъ изъ своей золотой табакерки три щепотки табаку сряду.

Тутъ отецъ Сильвестро расказалъ Іезуиту все, что Антоніо повѣрилъ ему на исповѣди. Но, съ намѣреніемъ и чтобы не раздражать его, онъ умолчалъ о надписи, прочитанной каменщикомъ на стѣнѣ. Глаза Доминиканца, покуда онъ съ безыскуственнымъ краснорѣчіемъ расказывалъ все, какъ было, безпрестанно искали на лицѣ отца Грегоріо выраженія гнѣва, удивленія, или радости, какое могли возбудить слова его. Но въ чертахъ Іезуита нельзя было замѣтить ни малѣйшей перемѣны. При концѣ расказа на нихъ видна была такъ же привѣтливая, непринужденная улыбка, какъ и прежде.

«Братъ Сильвестро!» сказалъ Грегоріо, когда Сильвестро кончилъ; «теперь я, въ свою очередь, тебя спрашиваю: готовъ ли *ты* простить виновнаго?»

«Кто? я? почему же бы мнѣ не простить его?»

«Потому-что твоего приговора онъ всего болѣе долженъ опасаться,» сказалъ Грегоріо. «Онъ тебя обманулъ».

«Обманулъ меня? Не можетъ быть, отецъ Грегоріо! Онъ передъ Богомъ сказалъ мнѣ правду на исповѣди».

«Послушай, братъ Сильвестро!» возразилъ Грегоріо безъ гнѣва, но сверкая глазами, «послушай, но прежде хорошенько всмотрись въ лице мое и увѣрься, что я совершенно спокоенъ. Тебя ввели въ заблужденіе. То, что ты расказалъ мнѣ, такъ нелѣпо, что оно возбуждаетъ во мнѣ и жалость и смѣхъ. Работнику найти кладъ въ этѣхъ стѣнахъ? Нѣтъ, братъ! не у насъ, въ обители смиренной бѣдности и тихаго размышленія, а тѣмъ менѣе въ уединенной кельѣ убогаго, но уважаемаго Іезуита, найдешь мірскія сокровиша. Орденъ нашъ, только-что возродившійся къ новой жизни послѣ насильственной смерти, не подверженъ ли гоненіямъ современниковъ? Наше жилище не молельная ли, гдѣ молятся о мірской бѣдности и о небесномъ богатствѣ? Не странствуютъ ли наши братія по всему свѣту въ борьбѣ съ злобнымъ духомъ времени, ненавидимые, какъ отверженные Израильтяне, и презираемые, какъ первые Апостолы святой церкви, проповѣдывавшіе противъ мірской суеты и пороковъ? Можетъ ли у нихъ быть надежда на что иное, кромѣ блаженной смерти послѣ непорочнаго, но тяжкаго странствія, и во время котораго они изъ человѣческихъ устъ почти только и слышатъ слова: *распятъ на крестъ! распятъ!* И здѣсь отъ удара молотка посыпалось изъ стѣны золото? Сильвестро! если бы не твои высокія, Христіанскія добродѣтели, не санъ твой и

общее мнѣніе о тебѣ, я бы подумалъ, что ты пришелъ посмѣяться надо мною, или еще хуже того. Но необыкновенная честность твоя ввела тебя въ заблужденіе. И самый благородный человѣкъ можетъ судить опромѣтчиво, точно такъ, какъ и самый проницательный можетъ быть проведенъ. Твой Антоніо — или плутъ, или сумасшедшій».

«Ни то, ни другое, отецъ Грегоріо!» отвѣчалъ Сильвестро. «Плутъ присвоилъ бы себѣ найденный кладъ, о которомъ никто не зналъ. Сумасшедшій не говоритъ такъ ясно и умно, какъ Антоніо говорилъ сегодня со мною.

«Богу и Мадоннѣ всего лучше извѣстно, что̀ онъ такое!» сказалъ Іезуитъ. «Въ одномъ я могу увѣрить тебя: въ этомъ убогомъ убѣжищѣ нашемъ нѣтъ золотыхъ источниковъ. Отъ тебя зависитъ оставить твоего каменщика тамъ, гдѣ онъ есть, или отдать его подъ судъ, или отослать въ гошпиталь Святаго Духа! У насъ онъ ничего не похитилъ. И-такъ дѣлай съ нимъ, что тебѣ угодно. Между-тѣмъ благодарю тебя сердечно, братъ Сильвестро, за твою благосклонность и трудъ.»

Доминиканецъ всталъ съ своего мѣста съ поспѣшносвтью, въ которой выражалось неудовольстіе, и хотѣлъ удалиться. Но Грегоріо, какъ будто опомнившись, остановилъ его говоря: «побудь еще минуту, братъ, если это тебѣ не тягостно» — и съ этими словами онъ дернулъ шнурокъ колокольчика. Въ ту же минуту вошелъ дежурный Іезуитъ, кото-

рый у дверей ждалъ приказаній высокаго своего начальника.

«Позовите ко мнѣ Анджело и Луиджи!» сказалъ Грегоріо. Черезъ минуту явились два молодые собрата Іезуитскаго ордена. Черты лица у нихъ были прекрасны и выразительны; глаза потуплены въ землю. Когда они почтительно поклонились, Грегоріо мигнулъ имъ и, играя золотой своей табакеркой, сказалъ:

«Вы оба, нѣсколько времени тому назадъ, конечно видѣли здѣсь каменщика, по имени Антоніо Досси, который работалъ на счетъ святаго ордена нашего?»

«Точно такъ, высокопочтенный отецъ!» отвѣчали они.

«Не случалось ли вамъ замѣчать, въ полномъ ли онъ всегда былъ умѣ?» спросилъ Грегоріо—и опять мигнулъ Іезуитамъ.

«Судя по его рѣчамъ и поступкамъ, онъ болѣе походилъ на сумасшедшаго, нежели на человѣка съ здравымъ разсудкомъ,» отвѣчалъ Анджело. «Онъ часто вздрагивалъ будто отъ внезапнаго испуга, когда я входилъ въ комнату, чтобы посмотрѣть, какъ у него идетъ работа. Иногда онъ вдругъ начиналъ пѣть, или громко хохоталъ безо всякой причины.»

«Меня онъ однажды вдругъ схватилъ за шею, какъ будто для того, чтобы задушить,» отвѣчалъ Луиджи. Потомъ онъ приложился ртомъ къ моему уху; но я заставилъ его опомниться и сказалъ:

«Антоніо! не дѣлай того, въ чемъ ты можешь раскаяться! Послѣ чего онъ тотчасъ же освободилъ меня и сказалъ: «вы правы, доброй отецъ: человѣкъ никогда не долженъ дѣлать того, въ чемъ онъ можетъ раскаяться» — и захохоталъ дикимъ смѣхомъ.»

Тутъ Грегоріо значительно посмотрѣлъ на Доминиканца и, обратясь къ Іезуитамъ, опять спросилъ:

«И-такъ вы полагаете, что этотъ Антоніо сумасшедшій?

«Точно такъ, высоконачальный отецъ,» отвѣчалъ Луиджи, «и если Провидѣніе не сжалилось надъ нимъ, то онъ и по сію пору въ томъ же положеніи.»

«Я совершенно того же мнѣнія,» сказалъ Анджело. Тутъ Грегоріо подалъ знакъ — и оба Іезуита съ низкимъ поклономъ удалились.

«Что ты объ этомъ думаешь, братъ Сильвестро? спросилъ Грегоріо, оставшись опять наединѣ съ Доминиканцемъ.

«Я думаю,» отвѣчалъ Сильвестро, «что я исполнилъ свой долгъ — и теперь, не теряя времени, долженъ убраться отсюда. И-такъ я могу сказать Антоніо, что онъ въ-правѣ оставить у себя найденные цекины, и что Collegio Romano не признаётъ ихъ за свою собственность.»

«Сохрани насъ Богъ и Св. Игнатій отъ грѣха присвоивать себѣ чужое добро! Тотъ, кому досталось золото — передъ судомъ Божіимъ, если не че-

ловѣческимъ, отдастъ отчетъ, какъ оно попало въ его руки, и какое онъ сдѣлаетъ изъ него употребленіе. Вотъ мое первое и послѣднее слово!»

«Если такъ, то забудь все мною сказанное — и прости, что я обезпокоилъ тебя своимъ посѣщеніемъ!» сказалъ Сильвестро, взявъ шляпу и подходя къ Іезуиту, чтобы проститься съ нимъ. «Прощай, отецъ Грегоріо! Господь съ тобою! Прости, прости мнѣ!»

«Прости, отецъ Сильвестро!» сказалъ Грегоріо. «Твое посѣщеніе было для меня столько же лестно, какъ и пріятно. Дай Богъ, чтобы при первомъ нашемъ свиданіи въ этѣхъ стѣнахъ, я могъ словомъ и дѣломъ тебѣ показать, какъ высоко я цѣню тебя». Тутъ Грегоріо всталъ съ своего мѣста, взялъ Сильвестро за руку и проводилъ его до дверей. Онъ пошелъ бы еще далѣе, если бъ Сильвестро не остановилъ его и не заперъ дверей, говоря: *grazie*, *grazie*, отецъ Грегоріо! Не безпокойтесь! Addio, addio!»

«Dio ti benedica!» раздалось еще въ-слѣдъ ему изъ комнаты Іезуита. Доминиканецъ надѣлъ шляпу на разгоряченную свою голову, и, возвращаясь по коридору, выдохнулъ удержанный гнѣвъ глубокимъ вздохомъ. У воротъ онъ стряхнулъ съ ногъ своихъ пыль и сказалъ: ханжа, лицемѣръ. Не прежде, какъ-когда я сдѣлаюсь равнымъ тебѣ, ты опять увидишь меня въ этѣхъ стѣнахъ.»

Вмѣсто того, чтобы воротиться въ монастырь, отецъ Сильвестро пошелъ прямо къ Антоніо. Увидя

достопочтеннаго духовника своего, каменщикъ бросился къ дверямъ и низкими поклонами и цѣлованіемъ рукъ привѣтствовалъ гостя. Доминиканецъ ласково поклонился хозяину, сѣлъ — и строго, но спокойно сказалъ: «вѣдь ты не обманулъ меня, Антоніо! ты дѣйствительно нашелъ семь сотъ девяносто пять цекиновъ въ Іезуитскимъ коллегіумѣ?»

«Сохрани меня Богъ и Мадонна и Св. Антоніо, котораго именемъ зовутъ меня, отъ лжи и обмана,» отвѣчалъ Антоніо, пораженный словами Доминиканца.

«Покажи мнѣ свой кладъ,» сказалъ Сильвестро, и самъ всталъ, чтобы запереть двери, оглядываясь во всѣ стороны и какъ будто боясь лишнихъ свидѣтелей. Но они были совершенно одни. Даже Беттины не было дома.

«Изволь, отецъ Сильвестро!» сказалъ Антоніо; я покажу тебѣ все до послѣдняго цекина, кромѣ тѣхъ пяти монетъ, которыя размѣнялъ въ надеждѣ, что скоро заработаю и ворочу ихъ. Я лучше хочу быть бѣденъ и добывать хлѣбъ въ потѣ лица моего, нежели пользоваться чужимъ добромъ». Говоря это, онъ повелъ Доминиканца къ таинственному сундуку, отперъ его—и цекины дѣйствительно были тутъ. Онъ еще разъ поклялся всѣмъ, что̀ ему было свято, что дѣло шло точно такъ, какъ онъ расказалъ на исповѣди.

«Ты правъ, Антоніо!» сказалъ Сильвестро. Я зналъ напередъ, что ты не плутъ и не сумасшед-

шій. Но видишь: отцы Іезуиты не признаютъ клада, найденнаго у нихъ. Они рѣшительно отрекаются отъ него. И-потому оставь у себя то, что счастье послало тебѣ, и съ этой минуты отрѣшись отъ раскаянія, какъ ты отрѣшенъ отъ грѣха. *Теперь* ты чистъ. Я посвящаю тебя во владѣніе блестящаго этаго золота: оно даръ Провидѣнія. Употреби его на добрыя и благородныя дѣянія, во благо себѣ самому и ближнимъ! Но покамѣстъ ты еще долженъ держать это втайнѣ: ты окруженъ опасностями. Доброй ночи! Завтра съ разсвѣтомъ я или самъ опять приду къ тебѣ, или пришлю кого-нибудь. Что я тебѣ присовѣтую, то ты и сдѣлаешь. Я буду молиться за тебя, какъ за роднаго сына: твое счастіе — первая забота моего сэрдца. Прощай! Благослови тебя Богъ!»

Антоніо только-что началъ изъявлять отцу Сильвестро живѣйшую свою благодарность, какъ тотъ уже скрылся.

«Corpo di Bacco!» воскликнулъ Антоніо, пришедъ въ себя и начиная постигать все свое блаженство.» Corpo di Bacco! Теперь я богатъ, Беттина; иди же скорѣе. Несносная Беттина, если бы ты знала, что случилось: ты бы вѣрно поторопилась.»

Беттина скоро воротилась домой. Почти всю ночь счастливые супруги провели въ сердечныхъ разговорахъ и въ составленіи плановъ и воздушныхъ зàмковъ для будущаго. Уже прокричалъ пѣтухъ, уже на Via del Corso слышался шумъ кресть-

янскихъ телѣгъ, пріѣзжавшихъ изъ деревень съ товаромъ, и раздавался сиплый голосъ продавцевъ: Acquavite! Acquavite! когда Антоніо и Беттина заснули — и во снѣ достроили свои воздушные зàмки.

Въ ночь послѣ дня Св. Эгидія (1 Сентября) вдругъ стали крѣпко стучаться у воротъ того дома, гдѣ жилъ Антоніо, Сосѣды проснулись отъ шума — и такъ-какъ никто не отворялъ, то изъ оконъ близлежащихъ домовъ начали высовываться головы. У воротъ стояли три жандарма, изъ которыхъ одинъ густымъ басомъ наконецъ закричалъ: «Антоніо Досси! отворяй же! Именемъ правосудія я говорю тебѣ: отворяй!» Тутъ отворилась — не калитка, а форточка однаго изъ оконъ, обращенныхъ на улицу: въ отверзтіи показался старикъ въ колпакѣ; голосомъ, выходившимъ частію изо рта, частію изъ носу, онъ спросилъ: Signori! позвольте спросить, кого вамъ угодно?

«Каменщика Антоніо Досси,» отвѣчалъ тотъ же жандармъ.

«Въ такомъ случаѣ вы—позвольте... точно такъ— вы опоздали ровно десятью часами, Signori! Антоніо и жена его, съ Божіею помощію, уже за Понтинскими болотами, или, если они направили путь на сѣверъ, у La Storta, а если на востокъ — близъ Subiaco. Впрочемъ это не мое дѣло, Signori! Знаю только, что они, какъ добрые Христіане, честно заплатили за квартиру и уѣхали отсюда. Addio!

Scusote, Signori!» И говоря это, старикъ захлопнулъ окошко.

«Отворите, бездѣльники!» закричалъ теперь капралъ. «Антоніо арестованъ. Отворите же, а не то я ворвусь силою.»

Капралъ еще не успѣлъ приступить къ исполненію угрозы своей, какъ ворота уже заскрипѣли на петляхъ — и жандармы вошли на дворъ.

Они обыскали весь домъ. Старичекъ-хозяинъ далъ имъ обшарить всѣ углы — и когда они наконецъ убѣдились въ безполезности трудовъ своихъ и съ досадою хотѣли удалиться, онъ подошелъ къ нимъ и учтиво сказалъ: «Signori! извините вопросъ мой: по какому праву вы пришли безпокоить въ ночное время добрыхъ людей? Я надѣюсь, что ни я и никто изъ жильцевъ моихъ не имѣетъ дѣла съ полиціей?»

Капралъ показалъ письменный приказъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ схватить и посадить подъ арестъ каменщика *Антоніо Досси*, обвиненнаго Синьоромъ *Теодоро Пистрелли* въ воровствѣ. Надѣвъ на носъ очки, хозяинъ Антоніо, при свѣтѣ мѣдной лампы, прочиталъ приказъ отъ имени *Buon Governo* (добраго правительства), и, отдавая его назадъ, сухо сказалъ: «Signori! не знаю, какимъ образомъ Синьоръ Теодоро Пистрелли вдругъ пріобрѣлъ такія богатства, что у него могли похитить нѣсколько сотъ цекиновъ; но знаю, что Антоніо Досси не воръ, а честный человѣкъ; а что его теперь уже здѣсь нѣтъ — въ этомъ кажется вы вполнѣ убѣди-

лись. Signori! il mio rispetto». И съ этими словами онъ взялъ лампу и пошелъ провожать смутившихся служителей правосудія, не только до дверей, но до самыхъ воротъ, которыя онъ опять тщательно заперъ. Когда жандармы вышли на улицу, они очутились посреди толпы народа, которая отсюда провожала ихъ съ хохотомъ и насмѣшками.

Здѣсь надобно вкратцѣ расказать поводъ къ внезапному побѣгу Антоніо и къ ночной сценѣ, сейчасъ описанной. Теодоро Пистрелли, который уже не приходилъ болѣе занимать у Антоніо денегъ, втайнѣ поджидалъ случая обратиться къ Беттинѣ въ отсутствіи ея упрямаго мужа, и выманить у нея, если не денегъ, то по крайней мѣрѣ полезныя свѣдѣнія касательно ея мужа и того страннаго настроенія духа, въ которомъ онъ нашелъ Антоніо при послѣднемъ свиданіи съ нимъ. Онъ не хотѣлъ обратиться къ Антоніо съ новыми просьбами и вопросами, изъ опасенія, что тотъ отвѣтитъ ему ножемъ: вѣдь Антоніо ужасно ревнивъ — такъ говорило самолюбіе Теодоро и сознаніе низкихъ его намѣреній. Часто по вечерамъ онъ становился на караулъ гдѣ-нибудь по близости жилища каменщика, въ надеждѣ, что или Антоніо уйдетъ со двора и Беттина одна останется дома, или, что она откуда-либо воротится домой, покуда Антоніо будетъ въ отлучкѣ. Но судьба не благопріятствовала его желаніямъ. Вдругъ наконецъ онъ разъ вечеромъ увидѣлъ, что Доминиканецъ Сильвестро, который только-что оставилъ Іезуитскій коллегіумъ,

вошелъ въ комнату, гдѣ жилъ Антоніо и заперъ за собою двери. Теодоро подкрался, какъ можно ближе, къ дверямъ, приложилъ къ нимъ ухо—и, благодаря тонкости своего слуховаго органа, подслушалъ большую часть разговора монаха съ Антоніо. Преже-нежели отецъ Сильвестро при уходѣ успѣлъ отворить дверь, Теодоро уже исчезъ за воротами и отправился къ сильному своему покровителю, аптекарю Фумароли, чтобы отвести съ нимъ душу и придумать планъ для удовлетворенія своей мстительности и корыстолюбія. Фумароли со вниманіемъ слушалъ расказъ Теодоро — и еще онъ не успѣлъ кончить, какъ у аптекаря уже составился въ головѣ зрѣлый планъ, которымъ онъ надѣялся въ одно время оказать услугу Іезуитскому ордену и себѣ самому. Онъ хотѣлъ во-первыхъ возвратить Іезутамъ кладъ, отъ котораго они отказывались, разумѣется, обезпечивъ притомъ самаго себя и сообщника своего, во-вторыхъ унизить отца Сильвестра, а съ нимъ и весь Доминиканскій орденъ, ненавистный Іезуитамъ. Фумароли немедленно отправился въ Collegio Romano — и тотчасъ былъ допущенъ къ отцу Грегоріо. Тутъ онъ однако увидѣлъ, что заботы его были напрасны, и что хитрый планъ, имъ придуманный, еще до прихода его былъ совершенно готовъ къ исполоенію въ головѣ Іезуита, который былъ еще хитрѣе его. Плодомъ этаго дружескаго совѣщанія былъ приказъ отъ имени правительства схватить Антоніо—за то, что онъ будто бы укралъ золото у Теодора Пистрелли. Не-

утомимый въ усердіи вредить другимъ и служить себѣ самому, Фумароли изъ Іезуитскаго коллегіума поѣхалъ прямо въ Ватиканъ, гдѣ онъ въ кабинетѣ Папы, съ нѣсколькими избранными, часто, или, даже можно сказать, всегда проводилъ время за картами. Въ Римѣ расказываютъ, что слабость святаго Отца къ недостойному любимцу доходила до того, что онъ удостоивалъ эти карточныя собранія личнымъ присутствіемъ. Никто однако не смѣлъ утверждать, чтобъ онъ самъ брался за карты. Когда Фумароли, войдя въ кабинетъ, нашелъ Папу въ расположеніи духа, благопріятномъ для его намѣреній, онъ по-обыкновенію поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Съ обычною хитростью и грубостью расказалъ онъ, какъ отецъ Сильвестро посѣтилъ Іезуита Грегоріо, о чемъ послѣдній, можетъ быть, самъ расказалъ ему съ нужными прибавленіями. Фумароли представилъ поведеніе Доминиканца въ самомъ черномъ видѣ. Папа закипѣлъ сильнымъ негодованіемъ и поклялся ключами Св. Петра, что Сильвестро дорого поплатится за свою безстыдную попытку оклеветать Іезуитскій орденъ, которому церковь и государство столькимъ обязаны. Папа принялъ это дѣло очень къ-сердцу, и до того былъ разгоряченъ, что въ слѣдующую ночь получилъ сильный припадокъ мучившаго его по-временамъ почечуя. Нѣсколько дней онъ былъ даже въ опасности. Но соединенныя старанія врача и аптекаря возвратили ему наконецъ здоровье, которое однако съ этихъ поръ часъ отъ часу становилось слабѣе.

Отецъ Сильвестро хотя и не зналъ всѣхъ этѣхъ козней, однако почти съ увѣренностью предвидѣлъ, что Іезуитскій орденъ, который не хотѣлъ открыто признать найденный кладъ, не пренебрежетъ тайными средствами опять овладѣть имъ. По-этому Антоніо не могъ долѣе оставаться въ Римѣ, не подвергаясь опасности. Когда Сильвестро, послѣ своего послѣдняго разговора съ Антоніо, въ тишинѣ ночи и въ уединеніи кельи обдумалъ, что дѣлать, онъ на другое утро всталъ рано, написалъ короткое, но милое и дружеское письмо къ другу своему Доминиканцу Лоренцо въ Неаполь—и наконецъ, благодаря высокому уваженію, какимъ онъ пользовался, исходатайствовалъ отъ Губернатора въ Римѣ паспортъ въ Неаполь для каменщика и жены его. Іезуиты и Фумароли еще не успѣли предупредить его: они, по внезапной болѣзни Папы, были заняты болѣе важными интересами. Кончивъ эти распоряженія, Сильвестро пошелъ къ Антоніо и Беттинѣ и сказалъ имъ, чтобы они со всевозможною поспѣшностью, но втайнѣ, привели въ порядокъ дѣла свои—и, забравъ все имущество, какое только можно безъ труда перевезти, отправились бы за границу Церковной области въ Неаполь. Тутъ же онъ отдалъ имъ приготовленное письмо, наказывая, по прибытіи на мѣсто, слѣпо ввѣриться благородному отцу Лоренцо и руководствоваться его совѣтами. Потомъ онъ благословилъ ихъ—и, пожелавъ счастливаго пути, возвратился въ монастырь. Въ два часа по-полудни, 1-го Сентября, супруги уже были за воротами Сан-Джо-

вани и на дорогѣ въ Неаполь. Чтобы не обратить на себя вниманія, они оставили часть своей скромной мебели и домашней утвари. Золотой кладъ свой они однако не забыли увезти съ собою.

На седьмой день послѣ побѣга Антоніо и Беттины, отецъ Сильвестро, въ праздничномъ нарядѣ и сопровождаемый слугою, проходилъ мимо покинутой обители бѣглецевъ. Онъ возвелъ глаза къ небу—и въ душѣ благодарилъ Всемогущаго за прекрасный жребій. который выпалъ ему—быть отцемъ невинныхъ и притѣсненныхъ и жертвовать собою для блага другихъ. На кроткомъ, просвѣтлѣвшемъ лицѣ его изображалась радость о счастливомъ спасеніи Антоніо, а между-тѣмъ ему черезъ минуту предстояла тяжкая борьба. И онъ это зналъ.

Сильвестро получилъ отъ св. Отца приглашеніе явиться къ нему — и шелъ въ Ватиканъ. Часовая стрѣлка на *Trini ta de' Monti* показывала одиннадцать часовъ до полудня, т. е. шестнадцать по Итальянскому времесчисленію. Поднявшись по великолѣпной лѣстницѣ, гдѣ дежурила Швейцарская гвардія, Сильвестро вошелъ въ одну изъ одиннадцати тысячь залъ Ватиканскаго дворца.

Онъ ждалъ не долго. Папа Левъ XII самъ былъ строгій блюститель этикета и внѣшнихъ формъ — и рѣдко заставлялъ ждать себя.

Въ самую ту минуту, когда камердинеръ, одѣтый весь въ черномъ, отворилъ двери въ кабинетъ святаго Отца, и Доминиканецъ, по приглашенію дежурнаго офицера дворянской гвардіи, тихимъ, но

твердымъ шагомъ ступилъ на Гобелиновый коверъ кабинета — передъ нимъ мелькнула черная фигура съ наглымъ лицемъ, и скрылась въ боковую дверь. Это былъ аптекарь *Фумароли.*

Самъ святой Отецъ сидѣлъ на другомъ концѣ кабинета, на золотомъ стулѣ. На немъ было бѣлое длинное платье. Плеча покрывалъ пурпуровый бархатный воротникъ, окаймленный лебяжьимъ пухомъ, а на головѣ была бѣлая шапочка, изъ-подъ которой мѣстами высовывались сѣдые волосы, спадавшіе около ушей рѣдкими кудрями. Лице его, блѣдное какъ платье, но съ сильнымъ желтымъ оттѣнкомъ, почти не походило на живое. Тонкія синія губы судорожно дрожали какъ будто отъ скрытаго гнѣва. Правая рука, ярко-бѣлая какъ слоновая кость, была украшена блестящимъ кольцомъ и покоилась на столѣ изъ чернаго мрамора съ желтыми жилками, а пальцы скользили по бумагамъ, разбросаннымъ по немъ въ безпорядкѣ.

Войдя въ комнату, отецъ Сильвестро сталъ передъ Папою на колѣна, смиренно склонивъ голову и сложивъ руки. Нѣсколько минутъ онъ оставался въ этомъ положеніи.

«Ты Сильвестро Доминиканецъ? — подойди ближе!» сказалъ Левъ дрожащимъ и едва слышнымъ голосомъ.

«Точно такъ, святой отецъ!» отвѣчалъ Сильвестро. Тутъ онъ всталъ, подошелъ ближе — и, снова припавъ на колѣна, поцѣловалъ у Папы правую ногу: она была обута въ пурпуровую туфлю съ золо-

тымъ крестомъ и высовывалась изъ-подъ длиннаго бѣлаго платья.

«Іуда!» воскликнулъ Папа — и на холодныхъ, поблекшихъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ, который черезъ минуту перешелъ въ смертную бѣлизну, подобную той, какая покрываетъ Альпы, когда исчезнетъ заря вечерняя — «Іуда! ты поцѣлуемъ предаешь главу церкви и владыку твоего?» — и въ ту же минуту нога его скрылась подъ платьемъ. «Ты ни слова не отвѣчаешь — ты молчишь.»

«Святой отецъ!» отвѣчалъ Сильвестро; «когда ты говоришь, служителю твоему подобаетъ слушать тебя; а когда ты гнѣваешься на меня, мнѣ остается только безмолствовать и скорбѣть.»

«Знаю я васъ черно-бѣлыхъ монаховъ! Вы хотите уничтожить и погубить вашу родную матерь— святую церковь, которую я охраняю своимъ управленіемъ. Вы хотите пожрать меня, тогда-какъ я, подобно пеликану, открылъ вамъ нѣдра свои. За то я буду бичевать васъ составами моихъ крыльевъ; буду васъ обуздывать, пока голова моя держится надъ землею. Но,» прибавилъ онъ болѣе тихимъ, торжественнымъ тономъ, «зачѣмъ я уже не покоюсь въ холодной стѣнѣ склепа Св. Петра — я, самый ничтожный и злополучный изъ всѣхъ преемниковъ перваго Апостола — ego, omnium Pontificum infimus et infelicissimus? А ты — ты (тутъ онъ опять возвысилъ голосъ), ты со всѣмъ твоимъ уничиженіемъ—дурной человѣкъ, а я желалъ тебѣ одного добра».

Когда Папа кончилъ, Доминиканецъ отвѣчалъ ему. «Я стою передъ трономъ Вашего Святѣйшества тѣмъ же вѣрнымъ слугою, какъ прежде—и во мнѣ нѣтъ лицемѣрія. Удостойте сказать мнѣ, чѣмъ я заслужилъ ваше негодованіе, чтобы я на путяхъ истины могъ снова пріобрѣсти вашу милость»!

«Ты это самъ знаешь, монахъ!» сказалъ Папа съ возрастающимъ гнѣвомъ; «ты не можешь не знать того. Мы призвали тебя сюда не съ тѣмъ, чтобы слушать твое оправданіе, и чтобы ты опять, какъ змѣя, обвился вокругъ нашего сердца, а для того, чтобы тебѣ было извѣстно, что мы знаемъ тебя. Ты вымыслилъ ложь и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы покрыть срамомъ и грязью тѣхъ, кого бы ты долженъ уважать и любить. Ты помнишь твой разговоръ съ Грегоріо, нашимъ вѣрнымъ служителемъ, котораго бы тебѣ слѣдовало избрать себѣ въ прекрасный образецъ. Ты помнишь, что ты обвинилъ нашъ почтенный орденъ Іезуитовъ въ низкой корысти и храненіи тайныхъ сокровищъ.—Ты плутъ—настоящій Доминиканецъ».

«Суди меня по святой волѣ твоей, Отецъ! Но въ этомъ дѣлѣ за меня стоитъ моя совѣсть: я никого не обидѣлъ, никого не оклеветалъ. То, что я сказалъ — правда,» отвѣчалъ Сильвестро.

«Совѣсть твоя—обманщица, монахъ! Она лжетъ передъ тобою, а ты вѣришь ей и лжешь передъ нами, тогда-какъ ты долженъ бы вѣрить только намъ однимъ и повиноваться нашимъ велѣніямъ. Смотри!» Тутъ Левъ дрожащей рукою взялъ со

стола бумагу. «Не угодно ли тебѣ будетъ прочесть эти имена? да прошу громко!»

Сильвестро взялъ изъ рукъ Папы поданный ему листъ, и спокойно и явственно прочиталъ всѣ на немъ состоявшія имена, между прочими и свое собственное, послѣ чего Папа гнѣвно вырвалъ у него бумагу изъ рукъ. «Ты видѣлъ и прочиталъ эти имена,» сказалъ онъ. «Всѣхъ, кто носитъ ихъ, я намѣревался пожаловать въ кардиналы — и тебя ожидало то же, неблагодарный! Но завѣса спала съ глазъ нашихъ. Мы призвали тебя сюда, чтобы показать, какъ мы выключимъ тебя изъ числа почтенныхъ этихъ мужей. Твое имя не должно своею близостью осквернять ихъ имена. Такъ, какъ я здѣсь вычеркиваю твое имя, Сильвестро! такъ ты съ этой минуты выключенъ изъ числа причастныхъ моей апостольской милости. Напиши имя *Грегоріо* вмѣсто твоего собственнаго — Грегоріо, котораго ты обидѣлъ и очернилъ. Вотъ какъ снисходительно мы на этотъ разъ караемъ».

Когда Доминиканецъ, получивъ бумагу обратно изъ рукъ Папы, написалъ, какъ ему было приказано, имя Іезуита, Папа вперилъ въ него проницательный взоръ, но, не замѣчая на лицѣ Сильвестро ни малѣйшаго признака горести или унынія, взялъ бумагу и, складывая ее, сказалъ: «Въ правленіе Льва XII ты кардиналомъ не будешь. Прощай!»

Сильвестро удалился. Такъ же тихо и величаво, какъ пришелъ, онъ опять удалился изъ мраморныхъ залъ и спустился по мраморной лѣст-

ницѣ—и чувства, наполнявшія его душу, когда онъ на площади Петра увидѣлъ надъ собою чудное, ясное небо Римское, были не безпокойство и не печаль, а истинная отрада. Онъ былъ радъ, что выбрался изъ стѣнъ Ватикана, и на пути въ мирную свою келью монастыря Минервы мысленно говорилъ себѣ: «Я не буду кардиналомъ, за то я добрый Христіанинъ и сдѣлалъ доброе дѣло; я не буду облеченъ въ пурпуръ, за то я такъ счастливъ, что не завидую тѣмъ, кто носитъ этотъ нарядъ.»

Сильвестро вошелъ въ свою келью. Онъ былъ такъ же спокоенъ, важенъ и тихъ, какъ-когда оставилъ ее, и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей съ тою же неподкупною честностью и рвеніемъ, какъ и прежде. Никто изъ братіи не могъ догадаться по его физіономіи, или обращенію, что онъ лишился кардинальской митры. Патеръ Сильвестро между-тѣмъ былъ не совсѣмъ спокоенъ, не въ разсужденіи самаго себя и немилости при Папскомъ дворѣ, а на счетъ участи покровительствуемыхъ имъ бѣглецевъ. Онъ зналъ, правда, что они ускользнули отъ первыхъ преслѣдованій, и не безъ основанія надѣялся, что они уже внѣ предѣловъ Церковной области; но хитрые и сильные могли найти средства для преслѣдованія своихъ жертвъ и на чужой сторонѣ. Онъ зналъ Іезуитовъ; зналъ, какою тонкою сѣтью коварства они умѣютъ опутывать добычу, противъ которой не могутъ дѣйствовать открыто. Фумароли былъ ему также извѣстенъ как готовое и сильное орудіе для исполненія

плановъ, которые обѣщали ему малѣйшую выгоду. Но если Сильвестро устрашала мысль о соединенной силѣ враговъ, то его столько же оживляла надежда, что Провидѣніе, отъ котораго исходитъ всякое счастіе, благословитъ мѣры, какія онъ принялъ для противодѣйствія ихъ кознямъ. Такимъ образомъ онъ провелъ нѣсколько дней между страхомъ и надеждою. Часто онъ проводилъ ночи передъ тусклою лампою и библіею. А когда ему наконецъ удавалось заснуть, онъ снова просыпался отъ малѣйшаго шороха. Ему чудилось, что стучатся у воротъ монастыря—и вотъ онъ воображалъ, не посланный ли это съ письмомъ изъ Неаполя. И–потому можно себѣ представить, какова была его радость, когда однажды вечеромъ, въ концѣ Сентября, въ галлерею монастыря вошелъ веттурино въ высокихъ сапогахъ. Длинные волосы развѣвались около лица его, на которомъ каждая черта была честность. Онъ спросилъ, не можетъ ли видѣть отца Сильвестро; но тотъ уже самъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и повелъ въ свою келью. Тутъ незнакомецъ сердечно и подробно передалъ Сильвестро поклоны отъ фра Лоренцо изъ S. Domenico Maggiore въ Неаполѣ, а потомъ вручилъ пакетъ, который тщательно былъ у него спрятанъ подъ платьемъ. Глаза у Сильвестро засіяли радостью, когда онъ сталъ пробѣгать дорогое письмо, между-тѣмъ–какъ веттурино изъ серебрянаго бокала освѣжался лучшимъ виномъ, какое только находилось въ монастырскомъ погребѣ. Но самая блаженная минута настала для Сильвестро,

когда онъ, отправивъ посланнаго, а съ нимъ и отвѣтъ, написанный съ чувствомъ, въ мирѣ уединенія и чистой совѣсти сѣлъ перечитывать письмо Лоренцо. Вотъ оно слово въ слово:

Неаполь и S. Domenico Maggiore,
25 Сент. 1828.

«Любезный братъ! Антоніо и Беттина, которыхъ ты съ такою заботливостью и любовью спасъ отъ угрожавшей имъ бѣды, прибыли благополучно въ Неаполь. Я бы долженъ былъ сейчасъ же написать къ тебѣ и поблагодарить искренно и братски за письмо, которое они привезли мнѣ съ собою, и за неоцѣненную твою довѣренность ко мнѣ; но я хотѣлъ дождаться минуты, когда мнѣ можно будетъ съ увѣренностью сказать: они спасены, свободны и счастливы.

«Эта минута теперь настала. Какъ скоро Антоніо и Беттина явились ко мнѣ, я испросилъ у настоятеля позволеніе дать имъ пріютъ въ нашемъ монастырѣ. Тутъ они прожили нѣсколько дней подъ покровомъ монастырскаго гостепріимства, не смѣя выходить изъ дому; потому-что иначе они подверглись бы опасности быть схваченными. Полицмейстеръ уже былъ увѣдомленъ о направленіи, какое приняли бѣглецы, и отдалъ приказъ не терять ихъ ни минуты изъ виду. Дѣло не могло и не должно было такъ оставаться долго. Я пошелъ къ нашему Министру Принцу Luigi de' Medici, который, какъ Тосканскіе предки его, любитъ ученость, но ненавидитъ іерархическое самовластіе — и пред-

ставилъ ему дѣло твоихъ кліентовъ, сколько могъ, яснѣе. Этотъ поступокъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. По приказанію Министра шпіонство полиціи немедленно прекратилось; Антоніо и Беттина записаны Неаполитанскими гражданами—и теперь недоступны для Папской власти. Они уже оставили монастырь и купили прелестный домикъ съ винограднымъ полемъ недалеко отъ Castel Sant' Elmo и по сосѣдству дома какой-то родственницы Беттины. Они переѣхали туда три дня тому назадъ—и вчера вечеромъ я навѣстилъ ихъ. Антоніо, по-видимому, олицетворенная честность и набожность, но вмѣстѣ съ тѣмъ парень сильный и дѣятельный. Беттина такъ хороша собою, что не можетъ быть совершенно чужда слабостямъ своего пола; но она добра, благоразумна и искрення: сердце у нея чувствительное и непорочное. Когда я вчера вошелъ къ нимъ, недоставало только тебя, любезнѣйшій братъ! чтобы ихъ и мое счастіе было совершенно. Антоніо съ жаромъ взялъ меня за руку и сказалъ: «О, зачѣмъ отецъ Сильвестро не такой же грѣшный человѣкъ, какъ я; тогда я бы обнялъ его и сказалъ: «возьми все, что у меня есть — оно твое; всѣмъ, что ты видишь передъ собою и еще многимъ другимъ, мы тебѣ обязаны; располагай нами какъ хочешь; возьми насъ къ себѣ въ домъ! мы будемъ тебѣ служить до конца жизни твоей»! Но онъ святой человѣкъ—и ему не нужны даже наши молитвы. Беттина, Беттина! иди скорѣе сюда.« Красавица робко приблизилась, откидывая съ свѣт-

лаго чела густые черные кудри. Тутъ они оба упали передо мною на колѣна — я не могъ удержать ихъ — и сказали: «отецъ Лоренцо! моли Бога вмѣстѣ съ нами, чтобы мы по смерть остались благодарны». Тогда я поднялъ надъ ними руку, дрожавшую отъ внутренняго волненія, и сказалъ: «Господь Богъ да ниспошлетъ вамъ свыше миръ вѣчный»! Я остался у нихъ до поздняго вечера и раздѣлилъ съ ними простой, но вкусный ужинъ, подъ сѣнію молодой пальмы, обвитой виноградными лозами. Я радовался, смотря на взаимную любовь ихъ, и веселился мыслью о семейномъ счастіи, какое ихъ ожидаетъ. Мы много говорили о тебѣ. Когда я оставилъ ихъ хижину, Антоніо пошелъ провожать меня и изъявилъ мнѣ надежду сдѣлаться скоро отцемъ. Онъ прибавилъ, что если Богъ дастъ ему сына, то дитя будетъ названо Сильвестромъ, чтобы родители, лаская невиннаго малютку, ежедневно и ежеминутно могли вспоминать, чѣмъ они тебѣ обязаны. Когда я потомъ одинъ продолжалъ путь къ Санъ-Доменико, я подумалъ: «И-такъ въ судьбахъ Провидѣнія было опредѣлено, чтобы Іезуитъ способствовалъ къ счастію двухъ существъ, хотя противъ воли и послѣ смерти своей.»

«Братъ! я благодарю Бога за то, что онъ позволилъ мнѣ быть ничтожнымъ орудіемъ исполненія твоего благороднаго намѣренія и далъ мнѣ прекрасный поводъ еще болѣе любить и уважать тебя. Когда весна одѣнетъ чудныя наши мѣста въ

роскошный нарядъ свой, навѣсти Антоніо, Беттину и вѣрнаго твоего

Лоренцо.»

Если благородный Доминиканецъ Сильвестро еще не попалъ въ кардиналы, за то у него въ рукахъ это письмо, которое для него драгоцѣннѣе всѣхъ кардинальскихъ дипломовъ въ мірѣ. Если пурпуръ церкви не покрываетъ его плечь, за то онъ, съ наступленіемъ весны, можетъ ѣхать въ Неаполь, и на цвѣтущихъ лицахъ Антоніо и Беттины, этихъ облагодѣтельствованныхъ имъ супруговъ, видѣть пурпуръ здоровья, мира и благодарности: этотъ пурпуръ для него выше всякаго другаго.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

24. *Памятники, изданные Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ*, Высочайше утвержденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Томъ первый. Въ б. 8, XIX, 274, 112 и 473 стран. Съ изображеніями разныхъ видовъ и древностей.

Для разбора древнихъ актовъ въ архивахъ Присутственныхъ мѣстъ и монастырей, Кіевской, Подольской и Волынской губерній, по Высочайшему повелѣнію, въ 1843 году, при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ учреждена Временная Коммиссія. Нынѣ она издала первый томъ своихъ полезныхъ трудовъ. Въ напечанной книгѣ акты размѣщены въ трехъ отдѣлахъ: I. Памятники Луцкаго Братства; II. Акты о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ поземельной собственности въ отношеніи къ крестьянамъ; III. Матерьялы для Исторіи Малороссіи. На заглавномъ листѣ изображена арка Софійскаго Собора со вновь открытыми Греческими фресками XI столѣтія. Между изображеніями, которыхъ число простирается до 40, есть въ высшей степени занимательныя по древности и важности предметовъ. Тамъ, наприм., представлены: Продольный видъ мраморнойгробницы Ярослава I, находящейся въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ; ея же другой видъ въ-профиль; па-

мятникъ Св. Владиміру въ Кіевѣ на берегу Днѣпра; два вида Кіева съ изображеніемъ сраженій, рисованный въ 1651 году; два вида Крестовоздвиженской Церкви Луцкаго Братства, и множество другихъ примѣчательностей. Акты всѣ напечатаны безъ малѣйшихъ измѣненій въ текстѣ; въ нихъ сохранены древняя орѳографія, сокращенія и надстрочные знаки. Для памятниковъ, писанныхъ Западно-Русскимъ нарѣчіемъ, употребленъ въ печати Церковно-Славянскій шрифтъ. Но важнѣйшая заслуга Коммиссіи состоитъ въ томъ, что она ко всѣмъ актамъ, въ подлинникѣ писаннымъ по-Польски и на старинномъ Западно-Русскомъ нарѣчіи, приложила вѣрный и близкій переводъ. Въ этомъ отношеніи книга пріобрѣтаетъ у насъ повсемѣстное употребленіе. Вообще нельзя не радоваться, даже нельзя не удивляться всему этому изданію. По истеченіи только двухъ лѣтъ Коммиссія успѣла разобрать множество матерьяловъ, ею пріобрѣтенныхъ, распредѣлить ихъ и напечатать со всею типографическою роскошью и удовлетворяя всѣмъ требованіямъ ученыхъ изданій. Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства объясняютъ просвѣщеніе Волыни въ XII вѣкѣ, и то усердіе, съ какимъ всѣ сословія коренныхъ жителей этаго края стремились охранять древнее Православіе, которое во всѣхъ краяхъ Руси составляло главную основу народности. Изслѣдованіе о правахъ поселянъ въ Юго-Западной Россіи можетъ значительно объяснять исторію цѣлаго края. Такъ-какъ законодательство Польское мало заботилось о

точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей поселянъ, предоставляя владѣльцамъ земель неограниченную власть, даже право лишать жизни безъ всякаго суда; то изданіе договоровъ объ отчужденіи и отдачѣ имѣній въ аренду послужитъ теперь къ объясненію отношеній между владѣльцами земель и поселянами. Вмѣстѣ съ имѣніемъ владѣльцевъ всѣ права надъ поселянами переходили къ арендаторамъ и исчислялись съ подробностію въ каждомъ договорѣ. Изъ матерьяловъ, принадлежащихъ собственно къ объясненію Исторіи Малороссіи, напечатаны акты о войнахъ Хмѣльницкаго до заключенія Зборовскаго мира. Въ нынѣшнее время обнародованіе столь важныхъ и несомнѣнныхъ актовъ составитъ у насъ эпоху въ изученіи отечественной исторіи. Правда, что уже десять лѣтъ прошло, какъ истина касательно историческаго значенія Юго-Западной Руси болѣе и болѣе раскрывается; но еще по временамъ мелькаютъ въ новыхъ книгахъ предразсудки, или упорство обветшалыхъ ложныхъ мнѣній. Нужны постоянныя усилія, чтобы справедливое ученіе укоренялось, разсѣевая остатки предубѣжденій, невѣжества и лжемыслія. Но Правительство, приступивъ нынѣ къ довершенію столь многозначительнаго дѣла, полагаетъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Самые запутанные вопросы разрѣшитъ легко съ помощію актовъ, нынѣ напечатанныхъ. Наука пріобрѣтаетъ не только высшую свою занимательность, но и художественныя краски, живую выразительность и яркое освѣщеніе. Пусть наши читатели пробѣгутъ, наприм'.

такія статьи, какъ: «Протестъ о нападеніи схоластиковъ Езуитской коллегіи на братство Луцкое, 1634 г. (I, 204—223)», «Совѣтованіе о Благочестіи (I, 224—251)», «Уставъ о людяхъ похожихъ (имѣющихъ право переходить отъ однаго владѣльца къ другому) въ воеводствахъ Полоцкомъ и Витебскомъ, 1551 Сентября 2 (II, 8—14)», «Закладная Князя Михаила Чарторыжскаго Пану Лазарю Иваницкому и его женѣ на монастырь Честный Крестъ, съ Церковью, землями и крестьянами, 1589 Сентября 19 (II, 48—65)», и проч. и проч. Самые же драгоцѣнные для исторіи матерьялы соединены въ третьемъ отдѣлѣ. Каждый актъ его назвать можно занимательнѣйшимъ эпизодомъ великой драмы Малороссіи, которой судьба такъ достойна труда художественнаго. Вотъ, наприм., два документа, касающіеся возстанія Хмѣльницкаго. Если бы недовѣрчивому историку одинъ изъ нихъ показался не вполнѣ обнаруживающимъ истину; то достаточно пробѣжать другой, принадлежащій противной партіи и до такой степени подтверждающій все, содержащееся въ первомъ. «*Исчисленіе обидъ, нанесенныхъ козакамъ Запорожскимъ, посланное Хмѣльницкимъ къ Кастеляну Краковскому Потоцкому*. Панъ Чаплицкій, урядникъ Чигиринскій, выпросилъ себѣ у покойнаго Пана Кастеляна Краковскаго принадлежащій Хмѣльницкому родовой хуторъ, на который у Хмѣльницкаго находится жалованная его предкамъ Королевская грамота, и подтвержденіе этой грамоты, данное ему самому Его милостію нынѣшнимъ Королемъ. Панъ

Чаплицкій, наѣхавши на заселенныя слободы съ шайкою голодныхъ людей, завладѣлъ гумномъ, въ которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, а всѣхъ домашнихъ Хмѣльницкаго заковалъ въ цѣпи. Тотъ же панъ Чаплицкій, гнѣваясь, что Хмѣльницкій жаловался на него въ судѣ за причиненныя насильства, приказалъ своей дворнѣ высѣчь плетьми среди базара сына Хмѣльницкаго, десятилѣтняго мальчика, такъ жестоко, что онъ чуть живымъ принесенъ былъ домой и вскорѣ потомъ скончался. Панъ Комаровскій, зять Чаплицкаго, нѣсколько разъ клялся въ присутствіи разныхъ Козаковъ, Асауловъ, что ежели имъ не удастся сладить съ Хмѣльницкимъ, то они непремѣнно убьютъ или прикажутъ убить его. Его милость панъ Хорунжій Коронный, возвращаясь изъ Запорожья, куда онъ ходилъ бить Татаръ, велѣлъ взять Хмѣльницкаго подъ стражу и отрубить ему голову — и когда по этому случаю Хмѣльницкій хотѣлъ искать спасенія у Пана Кастеляна Краковскаго, то по большимъ дорогамъ расположена была засада. Въ 1646 году, когда Хмѣльницкій отвозилъ къ Его милости пану Кастеляну Краковскому двухъ Татаръ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, то въ отсутствіи его взятъ у него изъ конюшни за поволовщину сѣрый конь, на которомъ онъ ѣздилъ въ степи. Паны Украинскіе Урядники насильно берутъ все, что имъ понравится въ домѣ козака: жены, дочери козацкія принуждены плясать, когда они заиграютъ. О такихъ притѣсненіяхъ нѣсколько разъ писалъ Его милость Панъ Кастелянъ Краков-

скій къ Панамъ Урядникамъ и Державцамъ, но это нисколько не помогло. Въ прошедшемъ году, когда Хмѣльницкій ѣхалъ подлѣ своего полковника на встрѣчу Татарамъ, которые сдѣлали-было набѣгъ на Чигиринъ, нѣкто Дашевскій (Ляхъ, какъ они называютъ), подговоренный какимъ-то старшиною, подъѣхавши къ Хмѣльницкому сзади, такъ ударилъ его по головѣ, что размозжилъ бы ему черепъ, если бъ не защитилъ его желѣзный шлемъ. Когда Хмѣльницкій спросилъ о причинѣ, то Дашевскій отвѣчалъ: а я думалъ, братъ, что ты Татаринъ. Важнѣйшею для себя обидою Хмѣльницкій почитаетъ то, что его коварно оклеветалъ какой-то Песта Хамъ козакъ предъ Его милостію Паномъ Хорунжимъ Коронным, будто бы онъ замышлялъ отправить на море вооруженныя суда. Эта клевета вмѣстѣ съ претензіями со стороны Пана Чаплицкаго разсердила Пана Хорунжаго, который велѣлъ искать случая умертвить Хмѣльницкаго. Тогда уже Хмѣльницкій не зная, къ кому обратиться, убѣжалъ въ низовья Днѣпра къ тѣмъ, которые подобно ему были обижены, а такихъ было не малое число и въ низовыхъ краяхъ, и на морскихъ островахъ. Они избрали себѣ вождемъ Хмѣльницкаго (III, 1—4)». «*Письмо Судьи Луки Мясковскаго къ Канцлеру Коронному. Изъ Бара, 2-го Апрѣля 1648 г.* Хмѣльницкій сильно укрѣпляется палисадомъ и рвами, на неприступномъ островѣ Буцкѣ; провіанту въ изобиліи; есть и пороховой заводъ. Онъ желаетъ того, что и прежде желалъ—и сверхъ того, чтобы ни одинъ Ляхъ не былъ Старшиною

въ Запорожскомъ войскѣ. Вотъ что надѣлали жадность Полковниковъ и тиранское съ Козаками обращеніе! Прибавлю, что съ ними будетъ продолжительная и трудная война (III, 21)». Переводы актовъ исполнены съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла, исторіи и обоихъ языковъ. Изданіе книги такъ исправно, такъ изящно и роскошно, что съ этой стороны, кромѣ продолженія, ничего и желать не остается читателю. Передъ нимъ теперь 130 актовъ, которыми обогатились разныя эпохи исторіи Россіи. Изъ нихъ къ первому отдѣлу Памятниковъ относится 33, ко второму 11, а къ третьему (самому занимательному) 86.

25. *Venise. 1834.* Съ эпиграфомъ изъ Лукреція: *Tibi rident aequora ponti.* Въ 12; 28 стран.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ читатели Современника (XXXVIII, 88) познакомились съ сочиненіемъ: Rome, которое написано въ одно и тоже время, однимъ и тѣмъ же авторомъ, какъ и разсматриваемое здѣсь нынѣ. Достоинство этихъ сочиненій, подобно-какъ въ изваяніяхъ Древнихъ, тѣмъ болѣе становится постижимымъ, чѣмъ безкорыстнѣе предаешься ихъ изученію или созерцанію. Линіи и очертанія, округлости и образы не по тому восхищаютъ васъ, что вы удовлетворены ихъ вѣрностію, красотою и выразительностію (все это часто схватывается въ слѣдствіе механическихъ успѣховъ художника), но вы въ цѣломъ произведеніи чувствуете единство жизни, понимаете глубокій смыслъ ея, такъ прямо

и такъ внятно высказанный чертами простыми, тонкими, легко соприкасающимися одна къ другой и между-тѣмъ образующими въ своемъ цѣломъ что-то высоко-значительное, затаенное чудною его граціею. Для примѣра, какъ словесное искуство переходитъ въ пластику, мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ описанія Венеціи. «Ничто не производитъ столь грустнаго впечатлѣнія (говоритъ авторъ), какъ первый взглядъ на эту новѣйшую Помпею, называемую Венеціею. Вообразите городъ, только-что постигнутый бѣдствіемъ, которое, не коснувшись стѣнъ, поразило жителей — и вы поймете потрясеніе, объемлющее сердце, не то животворное потрясеніе, которое производятъ Римскія развалины, но это неопредѣленное уныніе, эту глубокую тоску, которая овладѣваетъ вами при видѣ обиталища, блестящаго и опустѣлаго, гдѣ, по-видимому, за минуту находились люди; или, при видѣ театра, еще полуосвѣщеннаго, но покинутаго зрителями; или при видѣ бальной залы на другой день послѣ празднества. Венеція дѣйствительно представляетъ всѣ эти разнородные характеры: ея безмѣрное и поддѣльное могущество подобно было основанію города, утвержденнаго на сваяхъ; мрачная и прославившаяся жестокостями, Венеція въ то же время являлась веселою и великолѣпною. Мостъ *вздоховъ* подлѣ картинъ Павла Веронскаго; между колодцами Дворца Дожей и свинцовою кровлей, гдѣ стенали государственные узники, являются всѣ чудеса изящныхъ искуствъ и всѣ прелести жизни.

Тутъ умирали съ ропотомъ едва слышимымъ, а жили шумно. Половина Европы была данницей этаго города, возникшаго изъ лагунъ. Не было преграды ненасытному честолюбію горсти людей, которые въ свою очередь трепетали передъ избыткомъ собственной власти. Но когда отъ Леванта появлялся вдали огромный флотъ съ безчисленными сокровищами всего міра, тогда забываемы были этѣ жертвы тайнаго и непреклоннаго властительства: вывѣшивались флаги по всей Венеціи и раздавались радостныя восклицанія народа, который почиталъ себя владыкою всѣхъ сокровищъ земли, и участникомъ во всѣхъ наслажденіяхъ жизни. Берега большаго канала украшены цѣлымъ рядомъ Дворцовъ, одинъ другаго прекраснѣе, но которые всѣ безмолвны и почти необитаемы. Изрѣдка, по водѣ, одна послѣ другой, промелькнетъ черная какъ гробъ гондола. По временамъ, у окна, открывается ставень — и бѣглый взглядъ падаетъ на иностранца, взглядъ однаго любопытства, въ которомъ нѣтъ ни участія, ни жизни. Иногда маленькая ножка, въ прелестной Венеціанской обуви, высовывается изъ-подъ полотна на балконѣ, нависшемъ надъ каналомъ; но ничто не прерываетъ молчанія, кромѣ однообразнаго крика гондольщиковъ, передающихъ его другъ другу. Эти обширныя помѣщенія, эти блестящія зданія, то въ Итальянскомъ, то въ Мавританскомъ вкусѣ, пробуждаютъ въ душѣ одни воспоминанія.»

Такою поэзіею дышетъ все это сочиненіе. Въ переводѣ на Русской языкъ, достойномъ подлинника

оно могло бы служить образцемъ классической красоты. Вмѣсто того кому-то вздумалось переложить его *на-изнанку*, такъ-что самыя граціозныя фразы получили теперь характеръ удивительно смѣшной и жалкой. На прим: (Б. д. Ч. LXXI. III. 1 — 10).

1. L'imagination, emue et fatiguée, replie peu à peu ses ailes *et se rèsigne à la douleur.*	1. Воображеніе, взволнованное и утомленное, мало по малу складываетъ крылья *и рѣшается на прискорбіе.*
2. *Un regard furtif* tombe sur l'étranger.	2. *Краденый взглядъ* упадаетъ на иностранца.
3. Après St. Pierre de Rome et toutes les églises *qui forment son cortège,* St. Marc vous èblouit comme *une création spontanée.*	3. Послѣ Святаго Петра въ Римѣ и всѣхъ церквей, *составляющихъ его причетъ*, Святой Маркъ ослѣпляетъ васъ какъ *созданіе самотворное.*
4. La Basilique *date* du 10-me siècle.	4. Базилика *числится въ быту* съ 10-го столѣт.
5. *On a répete à satiété.*	5. *Повторяли до надоѣданія.*
6. *On vous propose de visiter les entresols.*	6. *Вамъ предлагаютъ полюбопытствовать въ чердаки.*
7. Le gouvernement vénitien *à son apogée.*	7. Венеціанское правительство *при самомъ высокомъ стояніи его славы.*
8. *Le luxe colossal et la puissance d'un état de*	8. *Колоссальность роскоши и державность об-*

choses irrévocablement détruit.

9. *Sous le rapport pittoresque* Venise *est ménacée* de perdre toute *son* originalité.

раза дълъ, невозвратно уничтоженнаго.

9. *Въ видописномъ отношеніи*, Венеціи угрожаетъ *опасность* лишиться всей *своей* оригинальности.

Презрѣніе къ самому возвышенному изъ искуствъ, обработываемыхъ истинными талантами, и неизбѣжное за тѣмъ слѣдствіе — невѣжество во всемъ, касающемся языка, слога, тона и красокъ, довели бо̀льшую часть повременныхъ изданій нашихъ до жалкаго состоянія: послѣдняя изъ приведенныхъ выписокъ доказываетъ, что редакторъ не только презираетъ вкусъ, но и самый смыслъ, потому-что какъ можетъ *опасность* лишиться *своей оригинальности* (что выходитъ по конструкціи)? Если бы литературное оскорбленіе не коснулось сочиненія, столь замѣчательнаго между современными произведеніями, то Современникъ, по всегдашнему правилу своему, безъ сомнѣнія не обратилъ бы вниманія на подобное безвкусіе, къ которому журналы пріучили, кажется, публику.

26. *Отчетъ Общины Сестеръ Милосердія.* Въ 24; 29 стран. Спб.

Въ С. Петербургѣ, гдѣ такъ много уже учрежденій благотворительныхъ, въ прошломъ 1844 году образовалось новое Общество для воспоможенія нуждѣ и крайности. Оно пожелало въ одномъ заведеніи сосредоточить способы удовлетворенія глав-

нѣйшимъ потребностямъ бѣднѣйшаго класса въ женскомъ полѣ. Тамъ помѣщаются: 1) такъ называющіяся «Сестры Милосердія»; 2) больныя, лишенныя собственныхъ средствъ искать врачебныхъ пособій; 3) училище для бѣдныхъ дѣвочекъ, въ которое поступаютъ и пансіонерки за самую ничтожную плату; 4) пріютъ, на такомъ же основаніи, какъ и прочіе здѣшніе пріюты; 5) исправительное заведеніе для дѣтей, и 6) для взрослыхъ. Такимъ образомъ здѣсь царствуетъ врачеваніе умственное, нравственное и тѣлесное. Любопытствующіе ознакомиться подробнѣе съ этимъ учрежденіемъ, у насъ совершенно новымъ, должны прочитать вполнѣ тотъ «Отчетъ», который представилъ намъ случай говорить о заведеніи.

27. *О женскихъ крестьянскихъ школахъ*, или о распространеніи между крестьянами грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. Въ 8; 26 стран. Моск.

Книжка, разсматриваемая здѣсь, издана Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. Въ ней содержатся *во-первыхъ* свѣдѣнія, собранныя, по порученію Общества, Членомъ его Г-номъ Омельяненко, о первой въ Россіи школѣ для образованія крестьянскихъ дѣвочекъ, болѣе двадцати лѣтъ сусуществующей Харьковской губерніи Лебедянскаго уѣзда въ имѣніи Г-на Стремоухова, тоже Члена помянутаго Общества; *во-вторыхъ* предположенія Г-на Маслова объ образованіи Комитетовъ при Обществахъ Сельскаго Хозяйства для распространенія

грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Та и другая часть возбуждаетъ справедливое вниманіе къ предмету, необыкновенно важному въ государствѣ, когда вообразишь это дѣло въ надлежащемъ размѣрѣ.

28. *Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи* Императорскаго *Московскаго Университета*, 16-го Іюня, 1845 г. Въ 4; 90, 78 и 14 стран. Моск.

Профессоръ Иноземцевъ произнесъ на Латинскомъ языкѣ рѣчь о *ракѣ* какъ мѣстномъ припадкѣ общей болѣзни, заключающейся преимущественно въ качественномъ составѣ крови. Профессоръ Рулье предметомъ рѣчи своей избралъ *животныхъ Московской губерніи*. Въ томъ и другомъ сочиненіи находится множество разысканій, содержаніемъ своимъ и воззрѣніемъ на предметы вполнѣ соотвѣтствующихъ той степени, на которую трудами Европейскихъ Ученыхъ возведены въ нашу эпоху обѣ науки,

29. *Геройство и любовь*, или замокъ на берегахъ Дона. Россійско-историческій романъ. Сочиненіе *И. Зряхова*. Четыре части. Въ 18; 176, 123, 121 и 164 стран. Моск.

«Безъ ученія и просвѣщенія (говоритъ о себѣ «авторъ въ предисловіи) я осмѣлился написать Рос«сійско-историческій романъ сей, въ четырехъ ча«стяхъ, почерпнувъ сюжетъ для онаго изъ пожара «Московскаго, испепелившаго Москву 12 Апрѣля «1547 г., и изъ Казанской осады, гдѣ мои герои

«были дѣйствующими лицами, съ описаніемъ страны и жителей рѣки Дона». Ежели модная страсть къ оригинальности подстрекнула автора высказать, что онъ, ничему не учась и не получивъ никакаго образованія, пишетъ романы; то можемъ увѣрить его, что это у насъ не новость — и слѣдственно въ его поступкѣ ничего нѣтъ оригинальнаго. Самая большая часть нашихъ романовъ написана тоже людьми, ничему не учившимися и лишенными всякаго образованія. Если же сочинитель *Геройства* и *Любви* для шутки клеплетъ на себя, притворяясь ничему не учившимся; то и въ такомъ случаѣ не достигаетъ онъ цѣли своей; потому-что читатели изъ предисловія его видятъ, сколько у него ученыхъ свѣдѣній: онъ знаетъ о пожарѣ Москвы въ 1547 г., объ осадѣ Казани, о красотахъ при-Донскаго края и объ его зàмкахъ.

30. *Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители*. Сочиненіе штаблекаря *Альфонса Ягмина*. Съ рисунками. Въ 8; 77 стран. и XVIII рисунковъ. Спб.

По заглавію можно подумать, что здѣсь собраны мѣстные матерьялы для Статистики. Но авторъ, какъ и слѣдовало по мѣсту его службы и при тѣхъ знаніяхъ, которыя необходимы для ея отправленія, составилъ книгу, чрезвычайно замѣчательную и важную касательно болѣзней въ Киргизскомъ краю и способовъ ихъ врачеванія, снабдивъ ее результатами наблюденій тамошняго климата и флоры.

31. *Лексикологія Русскаго языка*. Критическія

изслѣдованія *А. Студитскаго*. Въ 8; 31 стран. Моск.

Мысль автора при составленіи этой книжки была достойна труда и обработки самой обширной. Онъ покусился отыскать начала Грамматики, въ особенности Славянской и Русской, и приложить ихъ къ языку и письменности. По его первоначальному опыту видно, что ему уже удалось заготовить много матерьяловъ, чтобы привести въ исполненіе столь важное предпріятіе. Но такъ-какъ этотъ предметъ у насъ слишкомъ новъ, и особенно еще не обработана у насъ терминологія его, то неудивительно, что въ сочиненіи встрѣчается много запутаннаго и какъ-то дикаго для непривычнаго къ тому уха. Если этотъ опытъ не охладитъ автора, и онъ посвятитъ свои знанія дальнѣйшимъ трудамъ по части лексикологіи, то мы ожидаемъ важныхъ результатовъ отъ его ученыхъ изслѣдованій.

32. *Славянскій Сборникъ Н. Савельева*-Ростиславича. Въ 8; CCXXXIX и 304 стран. Спб.

Книга «Славянскій Сборникъ» содержитъ разысканія о происхожденіи народовъ Славянскаго племени, также разборъ мнѣній историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ. Приводя къ общему заключенію обширныя изслѣдованія автора, можно сказать, что его сочиненіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть какъ бы распространеніе темы, послужившей къ составленію брошюры, о которой было упомянуто подъ № 79, на 387 стран. XXXVIII т. Современника.

33. *Хронологическій указатель внѣшнихъ событій Русской исторіи* отъ пришествія Варяговъ до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Императора Николая I, составленный *Николаемъ Всеволожскимъ.* Въ 8; 328 стран. Моск.

Хорошее пособіе 1) для справокъ, когда нужно бываетъ съ точностію опредѣлить время событій, а равно 2) и для утвержденія ихъ въ памяти при изученіи отечественной Исторіи. Не одни внѣшнія происшествія указаны здѣсь, какъ по заглавію думать можетъ читатель: внутреннія перемѣны равно обозначены хронологически.

34. *Отрокъ Вячко.* Въ 12; 20 стран. Моск.

Стихотвореніе это исполнено прелести расказа и необыкновенной гибкости языка. Оно перепечатано изъ повременнаго изданія, выходящаго въ Москвѣ, подъ названіемъ: *Библіотека для воспитанія.* Любители вдохновенной поэзіи могутъ теперь пріобрѣсти и для собственной библіотеки новое, прекрасное произведеніе.

35. *Стихотворенія Петра Штавера.* Въ 12; 42 стран. Спб.

Вотъ еще замѣчательное явленіе въ области Русской поэзіи. Авторъ въ первый разъ выходитъ на литературное поприще. Онъ уберегъ свой талантъ отъ вліянія испорченнаго языка и ложнаго вкуса, распространенныхъ въ наше время многочисленными образцами.

36. *Московскій театралъ.* Куплеты *И. А.* Съ

8-ю литографированными картинками. Въ 16; 16 стран. Моск.

Шуточный отвѣтъ «Петербургскому театралу». Пускай такіе поэты тѣшатся: ни имъ ни до кого нѣтъ дѣла, ни другимъ до нихъ.

37. *Асканіо Риччи.* Драма. Сочиненіе *Б. Б.* (1839). Въ 12; 186 стран. Моск.

Событіе, представленное въ этой драмѣ, обставлено положеніями и характерами столь изысканными, что цѣлое не производитъ полнаго дѣйствія на душу. Читатель или зритель никакъ не можетъ принудить себя принять какъ жизнь мѣняющіяся явленія — одно другаго невѣроятнѣе, одно другаго театральнѣе. Самыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ какъ бы не принадлежатъ имъ, а изъ-за нихъ слышатся. Вотъ что мы и называемъ ложнымъ вкусомъ и испорченнымъ языкомъ. Тутъ ни въ чемъ нѣтъ правды.

38. *Врачебно-полицейскія и судебно-медицинскія изысканія объ утопленникахъ.* Императорской Медико-Хирургической Академіи Экстраординарнаго Профессора, Высочайшаго Двора Гофъ-Медика, Доктора медицины *Заблоцкаго.* Въ 8; 71 стран. Съ 4 рисунками. Спб.

Всѣмъ извѣстно, что между погибающими внезапною смертію наибольшее число состоитъ изъ утопленниковъ. По-этому великая настояла надобность въ дѣльной и для всѣхъ удобопонятной книгѣ, которая бы содержала какъ изложеніе пособій, необходимыхъ для утопающихъ, такъ и рѣшеніе судебно-медицинскихъ вопросовъ, возникающихъ при

изслѣдованіи дѣлъ касательно утопленниковъ. Книга Г-на Заблоцкаго совершенно удовлетворяетъ общей у насъ потребности въ отношеніи къ предмету, ею разсматриваемому. Это систематическое, полное и современное сочиненіе, которымъ можетъ гордиться наша медицинская литература.

39. *Опытъ о Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.* Составилъ Надворный Совѣтникъ *Николай Ветчининъ.* Въ 8; XXXIV и 573 стран. Моск.

Вышедшая теперь книга Г-на Ветчинина составляетъ начало большаго его труда о хозяйствѣ въ Россіи. Читатели найдутъ здѣсь статьи, обнимающія подробно 1) предметы, постепенность и основаніе земледѣлія, 2) полеводство, 3) луговодство, 4) системы полеводства, 5) описаніе животныхъ, вредныхъ для хозяйственныхъ растеній, и 6) собраніе земледѣльческихъ терминовъ, употребляемыхъ въ разныхъ губерніяхъ.

II.

40. *Всеобщая географія*, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ *второй.* Въ 8; 197—224 стран. Моск.

41. *Практическое пчеловодство.* Часть *пятая* и послѣдняя, заключающая въ себѣ дополненія къ четыремъ предыдущимъ частямъ, равно необходимымъ какъ для пасѣчниковъ, такъ и для бортниковъ, извлеченныя изъ сорокапятилѣтняго опыта и наблюденій, и проч. Сочиненіе *Н. Витвицкаго.* Въ 8; 173 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

4. *Химическія изысканія о вліяніи разныхъ дѣятелей въ сахарномъ производствѣ и явленіяхъ, отъ того происходящихъ.* Сочиненіе *Г. Гохштеттера.* Перевелъ съ Нѣмецкаго и дополнилъ своими примѣчаніями *Николай Шишковъ.* Въ 8; 108 стран. Моск.

Никогда, можетъ быть, умныя наблюденія въ хозяйственной части не являлись такъ кстати въ публику, какъ сочиненіе Гохштеттера. Даже у насъ, кто теперь не хлопочетъ объ устройствѣ сахарносвекловичнаго заведенія? Все, что открылъ Гохштеттеръ, и что прибавилъ изъ собственныхъ наблюденій Г-нъ Шишковъ, очень важно въ примѣненіи къ этому дѣлу — и потому мы спѣшимъ поздравить антрепренеровъ съ замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ.

5. *Полный Русскій опытный огородникъ*, заключающій въ себѣ соотвѣтственныя нашему климату наставленія для желающихъ заводить огороды и парники и произращать въ нихъ всѣхъ родовъ огородные овощи, съ присовокупленіемъ описанія употребленія овощей, травъ и другихъ растеній въ хозяйствѣ и медицинѣ. Сочиненіе *Ивана Цигры*, Члена разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ и земледѣльческихъ Обществъ. Перевелъ съ Нѣмецкаго *П. Л.* Двѣ части. Въ 12; 151 и 189 стран. Моск.

Если бы опытные литераторы такъ неукоризненно и мастерски выработывали свои изданія, какъ поступилъ, въ отношеніи къ своему назначенію, разсматриваемый нами теперь опытный огородникъ; то Русская литература не была бы наводнена книжищами и книжечками, ничего не стоющими, ничему не паучающими и ни къ чему не служащими.

6. Романы Вальтера Скотта. Томъ XV. *Квентинъ Дорвардъ.* Съ послѣдними примѣчаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ Англійскаго, подъ редакціею А. Краевскаго. Въ 8; XXVIII и 472 стран.

Смотр: Современника т. XXXVIII, стран. 399, № разбора книгъ 10.

7. *Красильное искуство*, или руководство къ окрашиванію очень красиво и прочно шелка, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна, и проч. Соч. *Карла Рихтера.* Пер. съ Нѣм. Въ 12; 99 и VII стран. Спб.

Книжка эта — прямо спекуляція. Дѣло въ ней не объяснено, да по-видимому не было того и въ предположеніи. Она явилась въ печати отъ того, что развелось много грамотныхъ красильщиковъ.

8. *О вліяніи табаку* курительнаго, нюхальнаго и цигаръ *на здоровье, нравственность и умъ человѣка.* Соч. Доктора *Буссирона.* Въ двухъ частяхъ. Съ политипажными русунками. Въ 8; 78 стран. Спб.

Табакъ, наравнѣ съ чаемъ и кофе, много разъ встрѣчаемъ былъ въ ученомъ мірѣ то неумѣренными похвалами, то неумѣренными хулами. Это, можетъ быть, и упрочило его владычество надъ

столькими милліонами людей. Надобно ожидать, что и подъ него подкопается какой-нибудь умный врагъ: только ужъ онъ долженъ быть гораздо спокойнѣе и хладнокровнѣе Г-на Буссирона.

9. *Таблицы логариѳмовъ Вронскаго.* Въ 8; 36 стран. Съ 6-ю таблицами. Спб.

Это одна изъ удобнѣйшихъ книжекъ для своего назначенія.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

8. *Сокращенная Русская грамматика Александра Востокова.* Перепечатана съ четвертаго изданія, для употребленія въ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа съ разрѣшенія высшаго начальства. Изданіе *третіе* безъ перемѣны. Въ 8; 162 стран.

9. *Краткая Европейская метрологія*, или описаніе главныхъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ. Изданіе *второе*, исправленное. Соч. *Ѳ. Петрушевскаго.* Въ 8; 122 стран. Спб.

10. *Кривой бѣсъ*, Русская сказка. Соч. *А. Я—ва.* Изданіе *третіе.* Въ 16; 32 стран. Спб.

МУЗЫКА.

Я помню вечеръ: ты играла,
Я звукамъ съ ужасомъ внималъ,
Луна кровавая мерцала —
И мраченъ былъ старинный залъ....

Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И устъ холодное дыханье,
И трепетаніе грудей —

Все мрачный холодъ навѣвало.
Играла ты.... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторяло,
И страшенъ былъ старинный залъ....

Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живетъ страданьемъ,
И страшенъ ей покой!

М. Салтыковъ.

1843 г.

ЛЮБОВЬ ПѢВЦА.

На грудь ко мнѣ челомъ прекраснымъ,
Молю, склонись, другъ вѣрный мой!
Мы хоть намигъ въ лобзаньѣ страстномъ
Найдемъ забвенье и покой!
А тамъ, дай руку — и съ тобою
Мы гордо крестъ нашъ понесемъ:
И къ небесамъ въ борьбѣ съ судьбою
Мольбы о счастьѣ не пошлемъ...
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ —
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Страдать за всѣхъ, страдать безмѣрно,
Лишь въ мукахъ счастье находить,
Жрецовъ Ваала лицемѣрныхъ
Глаголомъ истины разить,
Провозглашать Любви ученье
Повсюду — нищимъ, богачамъ —
Удѣлъ поэта... Я волненій
За блага міра не отдамъ.
А ты! Въ груди твоей мученья
Таятся также — знаю я —
И ждетъ не чаша наслажденья —
Фіалъ отравленный тебя!

Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена — и съ давнихъ поръ
Толпы безсмысленной, жестокой
Тебѣ нестрашенъ приговоръ.
И съ давнихъ поръ, безъ сожалѣнья
О глупомъ счастьѣ дней былыхъ,
Страдаешь ты — однимъ прощеньемъ
Платя врагамъ за злобу ихъ!
О дай же руку — и съ тобою
Мы гордо крестъ нашъ понесемъ,
И къ небесамъ въ борьбѣ съ судьбою
Мольбы о счастьѣ не пошлемъ!..

N. N.

1845.

Поправка. На 196 стран., въ 14-ой строкѣ, напечатано «*1834*» вмѣсто «*1843*».

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Былъ въ нѣкоторомъ царствѣ царь Демьянъ
Даниловичь. Онъ царствовалъ премудро.
И было у него три сына: Климъ
Царевичь, Петръ царевичь и Иванъ
Царевичь. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ; и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичь былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичь, Петръ царевичь и Иванъ
Царевичь, должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,

Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Неспать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичь въ садъ; онъ тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что близко полдень былъ, когда, глаза
Продравъ, онъ всталъ, во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала. Петръ царевичь
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю Демьяну, онъ донесъ,
Какъ Климъ царевичь, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичь въ садъ, по очереди, вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ нешевелясь, глядѣлъ прилѣжно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ царевичь? Отъ востока быстро
Летитъ Жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.

Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичь
Сидитъ, не движится, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, Жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичь,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этаго пера, что цѣлый садъ
Былъ ярко освѣщенъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичь доложилъ
Ему, что воръ нашелся, и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичь
Родителю царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ, и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось добыть
Воровку яблокъ, чудную Жаръ-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ, Климъ царевичь
И Петръ царевичь, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ

И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ-птицу: кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичь и сказалъ:
Родитель мой, великій Государь
Демьянъ Даниловичь, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу;
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ Жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.
На это царь сказалъ: Иванъ царевичь,
Еще ты молодъ; погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ; ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство? Но Иванъ царевичь
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И не-хотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичь;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,

А на столбѣ такую надпись: *кто*
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто въ-право
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а въ-лѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ. Въ-право,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ царевичь. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса Сѣрый Волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ царевичь взяться
За мечь, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И Сѣрый Волкъ пропалъ. Иванъ царевичь,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился Сѣрый Волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
Мнѣ жаль, Иванъ царевичь, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ; но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь, и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?
И Сѣрому Иванъ царевичь Волку
Все расказалъ. А Сѣрый Волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать Жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ царевичь, и поѣдемъ съ Богомъ.
И Сѣрый Волкъ быстрѣе всякой птицы

Помчался съ сѣдокомъ; и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
Пріѣхали, Иванъ царевичь! Волкъ
Сказалъ; но слушай: въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько; клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду. Иванъ
Царевичь перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ Жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой Жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И, позабывъ, что Сѣрый Волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Долматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты? Я Иванъ царевичь; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичь владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки; за ней меня послалъ
Родитель мой великій Государь
Демьянъ Даниловичь. На это царь
Долматъ сказалъ: царевичь ты, иль нѣтъ,
Того не знаю я; но если правду

Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Долматъ, Жаръ-птицу;
И я тебѣ ее руками бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичь, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою Жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня Золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня Золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повѣсивъ голову, Иванъ царевичь
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ Сѣрый Волкъ
Оставленъ. Сѣрый Волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ царевичь,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.
И Сѣрый Волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. Ну, Иванъ царевичь,

Послушай, Сѣрый Волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюха спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки: снова попадешь въ бѣду.
Въ конюшню царскую Иванъ царевичь
Вошелъ; и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совсѣмъ о томъ, что Сѣрый Волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюха вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ царевичь пойманъ;
И привели его къ царю Афрону;
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ царевичь то же въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Долмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичь! Такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима. Если жъ мнѣ
Ее не привезешь, то я вездѣ разславлю,

Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ.
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ царевичь, гдѣ его
Ждалъ Сѣрый Волкъ. И Сѣрый Волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ царевичь, если бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло.
И Сѣрый Волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридевять земель,
И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ;
И Сѣрый Волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый Волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Нешевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться въ садъ; а Сѣрый Волкъ
Того и ждалъ; примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ, и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь

Сбѣжался дворъ: министры, камергеры,
И генералы. Царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ, борзыхъ и гончихъ — все напрасно:
Ужъ Сѣрый Волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ; царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ Сѣрый Волкъ
Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича, и покраснѣла вся
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичь покраснѣлъ; и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ расказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичь: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый Волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ царевичь,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба — службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый Волкъ сказалъ:

Иванъ царевичь, должно осторожно
Здѣсь поступить; я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня Золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытомъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ Сѣрый Волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ царевичь, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И получивъ коня Золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ же царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ. Когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ. Сѣрый Волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться; онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ двери.
Всѣ принялись кричать: держи, держи,
Лови, лови! Куда ты! Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный Сѣрый Волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня Золотогрива,

Иванъ царевичь пересѣлъ на Волка;
И ужъ впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Долматово они. И Сѣрый Волкъ
Сказалъ: въ коня Золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ царевичь,
Меня отдавъ царю и взявъ Жаръ-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ Волкъ устроилъ.
Немедленно велѣлъ Золотогрива
Царь осѣдлать; и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Долматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ; и царь Долматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою въ-низъ,
Ногами въ-верхъ — и, по плечи ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками и, напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами. Вся къ нему на помощь свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать: лови, лови, трави, трави!
Но было не-кого травить. На Волкѣ
Уже по-прежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичь; на конѣ жъ Золотогривѣ
Царевна, и подъ ней Золотогривъ

Гордился и плясалъ. Не торопясь,
Большой дорогою они, шажкомъ,
Тихонько ѣхали. И мало ль, долго ль
Ихъ длилася дорога — наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичь Сѣрымъ Волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости.
И Сѣрый Волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ царевичь,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть.
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ, и ласкою твоею
Доволенъ — и, покуда живъ, тебя
Не позабуду. Здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ; люди злы, и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичь. Съ этимъ словомъ Волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичь,
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ Жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на конѣ Золотогривѣ.
И ѣхали они дня три-четыре.
И вотъ, подъѣхавши къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичь, увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли... Кто же? Климъ

И Петръ царевичи. Иванъ царевичь
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ. А братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они Жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна — показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ Жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ, а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ царевичь, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ. Того и ждали
Злодѣи братья: мигомъ острый мечь
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива,
Какъ добрые отправилися въ путь.
А между-тѣмъ, недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ царевичь. Такъ прошло
Дня два; на третій день — уже склонялось
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ

Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ — вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился Сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще бъ минута —
И было бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ. Закаркалъ старый воръ.
Пусти меня на волю, Сѣрый Волкъ,
Кричалъ онъ. Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ; а Сѣрый Волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать; а старый воронъ
Довольно могъ ему порасказать
О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ Сѣрый Волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ, и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый Волкъ взялъ пузырьки,

И ворона-отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежащему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ — и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ. Его онъ вспрыснулъ
Живой водой — и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ же долго проспалъ я!
И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичь, Сѣрый Волкъ сказалъ, когда бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Послѣдняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ. А отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу:
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ; и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ: и твой родитель
И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ Жаръ-птицей и съ конемъ Золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей: они всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ царевичь, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ

Есть у царевны; вытти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ царевичь, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не прологалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ;
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ царевичь,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ;
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь; и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ за двенадцатью дверями запертъ
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собъется. Ну, теперь прости,
Иванъ царевичь! Если Богъ велитъ

Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И Сѣрый Волкъ помчался къ лѣсу; въ-слѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичь съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ царевичь,
Оборотившись на востокъ лицемъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Ростутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорвавшись,
На землю дверь упала съ громкимъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичь свиснулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ богатырскій, конь изъ стойла прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучь, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ — конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,

Иванъ царевичь по спинѣ его
Повелъ рукой; и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю.
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичь, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня, и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичь въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ; и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы.
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ,
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился; потъ съ него бѣжалъ
Ручьями; весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичь,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;

Ужъ было подъ-вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичь ѣхалъ, и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ — и что же?
Два лѣшая дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичь
Подъѣхавши спросилъ: зачто у васъ,
Ребята, дѣло стало? Вотъ зачто,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались —
Драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка; насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человѣкъ; подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичь отвѣчалъ: пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ-запуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? Согласны, закричали
Рогатые, и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичь. Лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичь, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку-невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ

Поѣхалъ, глупымъ лѣшаямъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И, въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичь
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ;
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичь выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избужка,
Избушка, къ лѣсу стань задо̀мъ, ко мнѣ
Стань передо̀мъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился,
На всѣ четыре стороны потомъ,
Какъ должно, поклонился, и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она забормотала: фу!
Фу! фу! донынѣ Русскаго здѣсь духу
Еще слыхо̀мъ неслыхано, видо̀мъ
Невидано, а нынѣ Русскій духъ

Въ очахъ ужъ совершается, Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичь?
Неволею, иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ;
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичь? Ахъ, безмозглая ты вѣдьма,
Сказалъ Иванъ царевичь Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ распрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
Его и напоила, да и спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Ты знаешь, вечера; теперь спокойно
Здѣсь отдохни; нужду́ жъ свою раскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ царевичь, Богу помолясь,
Въ постелю легъ, и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ, и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно расказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ, и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ, добрый молодецъ, Иванъ царевичь,
Затѣялъ ты не шуточное дѣло;
Но не кручинься; все уладимъ съ Богомъ;

Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на морѣ на Окіанѣ,
На островѣ есть на Буянѣ дубъ
Высокій; а подъ тѣмъ высокимъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми,
И съ нимъ ступай къ Кощею; а когда
Въ его пріѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двенадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться; у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ.
А ты, надѣвши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ-минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйце раздавишь.
Смотри лишь не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь только ихъ игрою твой родитель
Демьянъ Даниловичь и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичь; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ.
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ царевичь,
Простившись съ Бабою Ягою, сѣлъ

На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ въ дали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Океанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Океану
Иванъ царевичь. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ;
Въ томъ неводѣ трепещется и бьется
Морская щука, и ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
Царевичь, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ царевичь тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлеснувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ царевичь
Въ недоумѣніи: на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и недалекъ;
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ царевичь,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность! Я тебѣ корабль; сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй — и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ царевичь
Руками впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь

Разсвирѣпѣлъ и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутаго берега въ морскую бездну;
На-мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь, и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь; и, сильными прыжками
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею,
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ, и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ царевичь медлить; онъ,
Коня пустивъ на шелковомъ лугу
Ходить, гулять и травку молодую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морскато
На высотѣ муравчатаго холма.
И, къ дубу подошедъ, Иванъ царевичь
Его шатнулъ рукою богатырской —
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ — дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе —
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю. Тутъ Иванъ царевичь

Всей силою рванулъ его — и съ трескомъ
Онъ повалился, корни изъ земли
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ царевичь кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичь
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувырнулась утка;
И изъ нея вдругъ выпало яйце,
И прямо въ море — и пошло какъ ключь
Ко дну. Иванъ царевичь ахнулъ; вдругъ,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлеснувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла и, къ берегу съ яйцемъ во рту
Тихохонько приближась, на пескѣ
Яйце оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичь,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичь взялъ яйце; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ

Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ зáмокъ былъ. Ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двенадцатиголовый змѣй лежалъ,
И изъ его двенадцати головъ
Всегда шесть спали, а другія шесть
Не спали (по два раза днемъ и ночью
Смѣняясь); а насупротивъ воротъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ; змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ. Онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны,
Противной воротамъ, съ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ. Потихоньку
Иванъ царевичь въ шапкѣ-невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ
Иванъ царевичь, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать; тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ

Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда-сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ-колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить — анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двенадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать — она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на-показъ,
Гуляетъ, и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дибинку
Попробуетъ — она тогда его
Честитъ по всѣмъ двенадцати затылкамъ.
Змѣй, въ изступленіи какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю — все напрасно:
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ.
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самаго себя и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на-двое и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичь ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ

Царевичь, у воротъ коня оставивъ
И разостлавши скатерть-самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой-невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцемъ,
Въ Кощеевъ за̀мокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы.
Вотъ наконецъ добрался и до за̀мка
Кощеева Иванъ царевичь. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
Играютъ гусли-самогуды. Въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился, и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала; ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; съ нимъ я скоро
Управлюся и возвращусь — и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичь, снова шапку-невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ итти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ за̀мкѣ,
Но онъ и самъ явился. Подошедши,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичь твой къ тебѣ ужъ не придетъ;

Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно жъ
Упрямиться; упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я.... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичь: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ; а Иванъ царевичь, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; подѣломъ ему
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей
И глупымъ сватовствомъ своимъ прекраснымъ
Царевнамъ; злаго сна не наводи
На царства! Крѣпче бей его, дубинка.
Да гдѣ ты? покажись! кричалъ Кощей;
Кто ты таковъ? А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ царевичь, шапку-невидимку
Снявъ съ головы своей; и въ то жъ мгновенье
Ударилъ оземь онъ яйце; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ царевичь изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива.
Когда жъ они съ крутой горы спустились
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ зáмкомъ, и на мѣстѣ томъ

Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ царевичь, давъ
Конямъ на волю ихъ везти какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть-самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ —
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Свѣтила имъ Жаръ-птица, а дубинка
Стояла на-часахъ передъ шатромъ;
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ-дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича премудрый царь Демьянъ
Даниловичь. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ,
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало: на полѣ передъ сохой

Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ, и пыль,
Поднявшись, сонная недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ; люди, по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все — собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ —
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ царевичь напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленою прекрасной.
И, на широкій въѣхавъ царскій дворъ,
Лежащіе они на немъ два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичь, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ

Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ царевичь.
Демьянъ Даниловичь спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ царевичь, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли-самогуды!
И заиграли гусли-самогуды.
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало: словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичь, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ царевичь,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки — и пошелъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ возвѣстить, что возвратился
Иванъ царевичь, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ

Даниловичь, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви, и что царь Демьянъ
Даниловичь весь свой пародъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, штатскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцевъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдуюшій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичь къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море.
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ
Даниловичь съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью царевной
Еленою прекрасною! всѣ зданья
Столицы дрогнули, и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затьмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости — вся его столица;
Въ домахъ осталися одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы

По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло — хрусталь; а подъ столами
Шелко̀вые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какаго никогда
Никто не слыхивалъ: уха̀, какъ жидкой
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кастрюляхъ;
Огромножирныя, длиною въ сажень,
Изъ Волги, стерляди на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою; съ груздями гуси; каша
Съ сметаною; блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый, и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское и всякія наливки;
Короче молвить — скатерть-самобранка
Такъ отличалася, что чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царской столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція; дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила: во дворцѣ
Она держала караулъ; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо

На съѣзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели; дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между-тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло: гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли-самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслышались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичь хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачь
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; кòзлы
Съ подушкою, и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна; по швамъ
Бассаны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:

Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичь закричалъ: да это
Мой благодѣтель Сѣрый Волкъ! Бѣгомъ
Онъ побѣжалъ его встрѣчать. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ Сѣрый Волкъ. Иванъ
Царевичь, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ, и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый Волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ. Онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковой платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахрамою;
Переподсанныя тонкой шалью,
Изъ алаго атласа шаравары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью — такъ былъ Сѣрый Волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ: не только-что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, штатсъ-дамы
И фрейлины, всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И гостя за столомъ

Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичь съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, Жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили — и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня Жаръ-птица освѣтила.
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ Сѣрый Волкъ.
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ царевичь
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье, и увѣрялъ,
Что всякую получитъ почесть онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, Сѣрый Волкъ,
Въ знакъ своего согласія, Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичь такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски Сѣрый Волкъ;
А такъ-какъ онъ въ лѣсу своемъ любилъ
Естественной наукой заниматься
И зоологіей особенно, то царь
(Чтобы его занять пріятно, царству жъ

Доставить пользу) поручилъ ему
Завѣдывать дѣлами овцеводства,
И далъ указъ, что «Сѣрый Волкъ во всѣ
«Казенныя и частныя овчарни
«Волёнъ входить, когда захочетъ; что же
«Сочтетъ за нужное тамъ учинить,
«Никто ни спорить въ томъ, ни прекословить
«Отнюдь не долженъ; и ему ни въ чемъ
«И никому отчета никогда
«Не отдавать.» И вотъ, по долгомъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичь скончался; на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичь; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а Сѣрый Волкъ
Душею въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ; нянчился съ его
Дѣтьми; самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними;
Меньшимъ расказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичь скончался;
За нимъ послѣдовалъ и Сѣрый Волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и свѣтѣ
Замѣтилъ онъ; и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ расказъ.

1-го Іюля, 1845. В. Жуковскій.
Франкфуртъ на М.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

(Окончаніе).

X.

Всѣ говорятъ, что во Франціи теперь сильная реакція въ пользу религіи, и что въ Парижѣ удивительная благотворительность. О первой я не берусь судить, потому-что мало изучила Францію; вторая же, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно развита въ Парижѣ. Назидательно было бы дойти, содѣйствуетъ ли она тому нравственному, Христіанскому вліянію, безъ котораго не можетъ никакое чувство, никакое дѣйствіе быть вполнѣ спасительнымъ. Благотворительность у многихъ сдѣлалась теперь ремесломъ, средствомъ, предметомъ разговоровъ. Ее унизили до моды — и тѣмъ лишили ее святаго вліянія.

Желаніе облегчать участь страждущей братіи есть стремленіе вѣка; оно болѣе, нежели что-нибудь другое, доказываетъ улучшеніе человѣчества. Чѣмъ образованнѣе будутъ люди, чѣмъ свѣтлѣе сдѣлаются ихъ понятія, чѣмъ яснѣе будутъ они смотрѣть на жизнь; тѣмъ легче постигнуть, что эгоистическое существованіе для себя только и для своихъ — какимъ бы оно ни было облечено наружнымъ блескомъ—не можетъ удовлетворить внутренней нашей потребности; что самое прочное, самое полное счастіе заключается въ возможности счастливить, или, по край-

ней мѣрѣ, утѣшать другихъ; что любовь къ ближнимъ очищаетъ, освящаетъ сердце, приближаетъ его къ Богу, дѣлаетъ понятнѣе Его святые пути и осязательнѣе назначеніе человѣка.

Не знаю, до какой степени эта благодатная потребность существуетъ въ Парижѣ; точно ли она потребность сердца, а не расчетъ ума и не орудіе тщеславія. Благотворительность такъ свята сама по себѣ, что не дерзаешь изслѣдывать и разоблачать ее: принимаешь только дѣла, благословляешь только слѣдствія, а побужденій не доискиваешься. Они разсудятся *тамъ*. Нельзя однако не сказать, чтобы благотворительность въ Парижѣ не была слишкомъ суетливой и говорливой. Въ каждомъ чувствѣ есть цѣломудріе, сказала Г-жа Сталь, а въ благотворительности оно должно быть замѣтнѣе, нежели гдѣ-нибудь: благотворительность какъ райскій цвѣтокъ, увядающій отъ каждаго нечистаго помысла. Говорить о добрѣ, для того, чтобы выказать свою филантропію, значитъ унижать добро: оно должно быть какъ грація, не изучающаяся, не выказывающаяся, но проявляющаяся невольно, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поступкѣ. Нельзя также не сознаться, чтобы благотворительность Парижа не была иногда отяготительною, особливо для иностранцевъ, имѣющихъ обязанности въ отечествѣ и при всякомъ требованіи пожертвованій невольно думающихъ о своихъ собственныхъ бѣдныхъ и припоминающихъ слова св. Павла; наставляющаго насъ проявлять любовь къ чело-

вѣчеству прежде всего на своихъ единовѣрцахъ. При насъ получили въ Парижѣ извѣстіе о бѣдствіяхъ Гваделупы — и нельзя вообразить, чего не дѣлали, чтобы оказать ей помощь: танцовали, играли на театрѣ, пѣли, торговали, издавали книги, рисовали, давали разнаго рода представленія. Намъ очень нравилось это теплое сочувствіе, отозвавшееся не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи; даже въ иностранныхъ столицахъ Французскими посольствами открыты были подписки.

Лучшій способъ пріобрѣтать деньги для бѣдныхъ есть базары: они полезны и для промышленности и для художестъ. Въ базарѣ для Гваделупы, устроенномъ Королевою и Принцессами, съ успѣхомъ достигли этѣхъ обѣихъ цѣлей. Между бронзы, хрусталей, игрушекъ, тканей и цвѣтовъ, блестѣла кисть Ингра, картины Изабеля, морскіе виды Гюдена и Айвазовскаго, акварели многихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ художниковъ. Тутъ были и музыкальныя сочиненія Галеви и романсы Лабари и Дасье; тутъ были книги извѣстныхъ авторовъ; тутъ, наконецъ, въ первый разъ явилось произведеніе женщины, рѣшившейся только для добраго дѣла вступить на поприще литературы: мы говоримъ о Г-жѣ Арбувиль и объ ея трехъ прелестныхъ повѣстяхъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ, не только въ легитимистскихъ салонахъ, но и во всѣхъ гостиныхъ, гдѣ только что-нибудь читаютъ и о чемъ-нибудь говорятъ.

Если въ Парижѣ хоть нѣсколько живешь въ

обществѣ, то просто разоряешься отъ благотворительности: сборы, подписки, лотерейные билеты, базары, филантропическіе балы и концерты со всѣхъ сторонъ опустошаютъ кошелекъ. Мы знали молодыхъ людей, обязанныхъ бывать въ свѣтѣ — слѣдовательно покоряться всѣмъ его законамъ, угождать дамамъ и безпрекословно давать обирать себя для бѣдныхъ: эти молодые люди приходили въ отчаяніе и едва не проклинали филантропіи вообще, и филантропокъ въ особенности. Въ этомъ отношеніи намъ кажется, что благотворительность не можетъ имѣть благаго вліянія. Вмѣсто того, чтобы смягчать и питать сердце, она возбуждаетъ какое-то непріязненное чувство досады и лишаетъ всякой возможности благотворить независимо, по влеченію и произволу, что, можетъ быть, было бы спасительнѣе для благодѣтелей и полезнѣе для нуждающихся въ помощи.

XI.

Имя С. Венсена де Поля и Сестеръ милосердія, созданныхъ имъ, блеститъ яркимъ свѣтомъ между всѣми именами учредителей человѣколюбивыхъ заведеній Парижа. Любовь къ ближнимъ творитъ чудеса: она обладаетъ неимовѣрными силами; она созидаетъ неисчерпаемыя средства; она непоколебима; она вдохновляюща; на ней цвѣтетъ благодать Божія и живитъ и утверждаетъ всѣ ея дѣйствія. Мы безпрестанно видимъ этому примѣры — и С. Венсенъ де Поль представляетъ намъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ, одинъ изъ самыхъ утѣшительныхъ. Онъ

родился въ 1576 году отъ бѣдныхъ родителей, и обреченъ былъ на самую низкую долю—пасти стадо своего отца. Но никакая должность не унижаетъ человѣка и не сокрушаетъ того, что заронено святаго въ сердцѣ его. Чувствуя непреодолимое влеченіе къ богословскому ученію, онъ побѣдилъ всѣ трудности, поступилъ въ Тулузскую семинарію и въ 1600 году былъ произведенъ въ священники. Корабль, на которомъ онъ переправлялся изъ Марселя въ Нарбонъ, былъ схваченъ морскимъ разбойникомъ, и Венсенъ де Поль проданъ какъ невольникъ. Но человѣкъ высокодуховный и въ рабствѣ не теряетъ нравственной силы—и въ неволѣ находитъ средство прославлять Бога и совершать дѣла угодныя ему. С. Венсенъ де Поль обратилъ въ Христіанство своего владѣльца: невольникъ сдѣлался благодѣтелемъ своего господина—и черезъ два года они оба отправились во Францію. Тутъ для поборника вѣры начинается поприще непрерывнаго служенія человѣчеству. Милосердіе его можно сравнить съ чадолюбіемъ нѣжной матери, желающей заключить въ свои объятія всѣхъ дѣтей своихъ, согрѣть и успокоить ихъ. Въ сердцѣ Венсенъ де Поля былъ отзывъ на всѣ скорби человѣчества; его неисчерпаемая любовь находила для каждаго страданія облегченіе и отраду. Кажется, ни одной онъ не имѣлъ мысли, которая бы не относилась ко благу братій его. У него не было другаго желанія, какъ только помогать имъ. Спачала онъ поступилъ въ деревенскіе священники — и какъ отецъ пекся о своей паствѣ. Ему казалось, что

въ столицахъ несчастные имѣютъ болѣе способовъ возбудить сострадание и найти вспомоществованіе, нежели въ глуши, въ отдаленныхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ помощи нищетѣ, нѣтъ средствъ врачевать страданія физическія, и мало готовности помогать недугамъ нравственнымъ. Потому-то бѣдные поселяне во всю его жизнь не переставали быть предметомъ особой его попечительности. Живя въ близкихъ сношеніяхъ съ Г-мъ Гонди, главнымъ начальникомъ надъ галерами, онъ имѣлъ случай видѣть, въ какомъ ужасномъ положеніи находятся осужденные преступники, старался облегчить ихъ участь, изливалъ на нихъ духовное утѣшеніе и всѣми силами старался улучшить ихъ нравственно. Съ неутомимой дѣятельностію, онъ переѣзжалъ изъ Марселя въ Бордо, вездѣ утѣшая, вездѣ заставляя благословлять имя Господне. С. Венсенъ заботился объ этихъ несчастныхъ, какъ о друзьяхъ своихъ. И галеры, какъ и Парижскія тюрьмы, преобразовались и улучшились подъ его благодѣтельнымъ вліяніемъ. Но чѣмъ болѣе онъ дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости соединенія нѣсколькихъ лицъ во имя Христа. Благотворя въ деревняхъ, онъ ясно видѣлъ, что надобно образовать людей изъ духовнаго званія, которые бы въ состояніи были научать загрубѣлыхъ, были бы готовы отдать бѣднымъ все, что имѣютъ, могли бы отъ богатыхъ выпрашивать помощь неимущимъ, утѣшали бы больныхъ и несчастныхъ — и для этаго-то С. Венсенъ, съ помощію Г-жи Гонди, женщины высокодобродѣтельной, основалъ кол-

легію, назвавъ ее collège des bons enfans. Въ нее принимались священники, отличной нравственности и хорошихъ способностей, которые отказывались отъ всѣхъ выгодъ и почестей духовенства и посвящали себя служенію народа, ходили изъ деревни въ деревню, преподавали катихизисъ, утверждали въ вѣрѣ Евангельской, по возможности помогали нищетѣ, лечили больныхъ и никогда не принимали никакаго возмездія. Высоко это отреченіе отъ всѣхъ благъ міра сего; благословенна эта жизнь для другихъ; благословенъ тотъ, кто внушилъ ее.

По смерти Г-жи Гонди, къ которой С. Венсенъ де Поль питалъ искреннюю, святую дружбу, онъ удалился отъ свѣта и жилъ въ своей коллегіи, гдѣ господствовало смиреніе и всѣ высокія добродѣтели Христіанскія. Вскорѣ къ этой общинѣ присоединилось братство С. Лазаря, находившееся прежде въ зависимости отъ Августинскихъ монаховъ — и этѣ двѣ общины, слитыя въ одну, образовали Братьевъ Лазаря, кроткихъ проповѣдниковъ, сердолюбивыхъ утѣшителей, дѣятельныхъ тружениковъ, однимъ словомъ, достойныхъ сподвижниковъ Сестеръ милосердія.

Человѣколюбіе С. Венсена не знало предѣловъ. Одна мысль порождала другую; одно богоугодное учрежденіе возбуждало желаніе основать другое. Онъ оторвался отъ своей мирной обители, поручилъ братіи попеченіе о бѣдныхъ въ деревняхъ, и отправился въ Парижъ, чтобы дѣйствовать на обширнѣй-

шемъ полѣ. Тамъ онъ сближался съ сильными міра сего, чтобы ходатайствовать у нихъ о часто забываемыхъ ими братьяхъ-ближнихъ; тамъ онъ внушалъ богатымъ желаніе помогать неимущимъ; тамъ онъ нашелъ въ Г-жѣ Легра, благочестивой вдовѣ, душу пламенную, проникнутую любовью къ ближнимъ, готовую соучаствовать во всемъ и способствовать его благодѣтельнымъ стремленіямъ. Она такъ же, какъ и онъ, любила бѣдныхъ поселянъ; лучшее время года проводила въ томъ, что ѣздила изъ одной деревни въ другую, отыскивала несчастныхъ, помогала имъ, ходила за больными, учила дѣтей, зимой возвращалась въ Парижъ, чтобы продолжать вести жизнь труда и благотворительности. Для того, чтобы распространить кругъ своей дѣятельности, Г-жа Легра, подъ руководствомъ С. Венсена, соединилась съ нѣсколькими добродѣтельными женщинами, одинаково съ нею одушевленными — и онѣ посвятили себя служенію больныхъ и убогихъ. Это было началомъ Dames de la charité. Но С. Венсенъ думалъ, что женщины, не разорвавшія всѣхъ свѣтскихъ узъ, имѣютъ много еще семейныхъ и другихъ развлеченій — и потому-то, для помощи имъ, онъ учредилъ *Сестеръ милосердія.* Дѣвушки, не желавшія вступать въ бракъ, отрекавшіяся, по призванію, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, отъ свѣта, со всѣхъ сторонъ притекали къ С. Венсену. Онъ образовалъ изъ нихъ общину подъ руководствомъ Г-жи Легра, написалъ для нихъ правила, которыя были утверждены Парижскимъ ар-

хіепископомъ въ 1642 году. Ни ужасы революціи, ни деспотисмъ Наполеона не уничтожили учрежденія С. Венсена де Поля. Императоръ, не благопріятствуя монастырямъ вообще, понялъ однако высокое значеніе Сестеръ милосердія. Онъ уважалъ ихъ, и подарилъ имъ прекрасный, обширный домъ, гдѣ онѣ и теперь находятся, и который сдѣлался главнымъ (la maison-mère). Отъ него отрасли распространились по всей Франціи. Мы были въ немъ—и, хотя не могли почерпнуть всѣхъ свѣдѣній, какія бы желали получить, однако пріобрѣли болѣе ясное понятіе объ этомъ высокомъ учрежденіи. Оно не имѣетъ никакихъ капиталовъ, но содержится приданымъ, которое приносятъ нововступающія достаточнаго состоянія; бѣдныя содержатся на счетъ богатыхъ; при томъ же съ Сестрами милосердія до сихъ поръ соединены Dames de la charité, которыя живутъ въ свѣтѣ, пріобрѣтаютъ значительныя пособія посредствомъ разныхъ сборовъ и вручаютъ ихъ въ распоряженіе Сестеръ милосердія. Только вдовы и дѣвицы отъ 17 до 25 лѣтъ принимаются исключительно въ Сестры милосердія. До посвященія онѣ должны прожить 5 лѣтъ въ искусѣ, приготовляться къ поприщу, которое избрали, исполнять всѣ возможныя работы, учиться ходить за больными, приготовлять лекарства — и молитвою, строгимъ углубленіемъ въ себя, изслѣдованіемъ совѣсти и частымъ покаяніемъ очищаться и совершенствоваться духовно. Послѣ срока, назначеннаго для испытанія, онѣ посылаются въ больницы, чтобы ходить за страж-

дущими, перевязывать жестокія раны, не страшиться самыхъ ужасныхъ, самыхъ заразительныхъ болѣзней; ихъ посылаютъ и въ тюрьмы, чтобы утѣшать, смягчать сердца, пробуждать заглохшія чувства, поселять забытыя и часто вовсе невѣдомыя правила вѣры и ученія Христа. Онѣ ходятъ въ школы, чтобы научать дѣтей быть добрыми, кроткими и полезными; въ смирительные домà, чтобы исправлять; въ страны необращенныхъ, чтобы словомъ и примѣромъ проповѣдывать Евангеліе Христа. Вездѣ, гдѣ ни являются эти ангелы въ образѣ смиренныхъ Сестеръ, съ ними нисходитъ благодать Божія и осѣняетъ всѣ ихъ начинанія. Теперь въ католическомъ мірѣ существуетъ много орденовъ, взявшихъ въ образецъ Сестеръ милосердія и посвящающихъ себя служенію страждущихъ. Если бы С. Венсенъ образовалъ однѣхъ только Сестеръ милосердія, то и тогда оказалъ бы величайшее благодѣяніе человѣчеству. Но его милосердіе ничѣмъ не удовлетворялось: ему хотѣлось облегчить всѣ страданія, уврачевать всѣ язвы. Онъ основалъ домъ для подкидываемыхъ дѣтей (la maison des enfans trouvés). Силою своего краснорѣчія онъ убѣдилъ Короля и многихъ другихъ помочь ему въ этомъ добромъ дѣлѣ. И несчастные младенцы, которые до тѣхъ поръ раждались для того только, чтобы быть покинутыми и умирать безъ помощи, сердоболіемъ С. Венсена были призрѣны, возлелѣены и росли подъ надзоромъ Сестеръ милосердія. Другъ человѣчества не забылъ также и о старикахъ: въ 1654 году онъ учредилъ богадельню для стариковъ — и

такимъ образомъ спасительно принималъ въ колыбель и утѣшительно сводилъ во гробъ.

Но не одними богоугодными учрежденіями ограничивалась всеобъемлющая любовь С. Венсена къ человѣчеству. Возникала ли война—и онъ посылалъ своихъ достойныхъ сподвижниковъ, чтобы укрѣплять твердость воиновъ, приносить утѣшеніе вѣры раненымъ, благословлять умирающихъ за отечество. Постигало ли какое-нибудь бѣдствіе отдаленныя провинціи — онъ отправлялся туда съ помощію и утѣшеніемъ. Возникали ли общественныя смятенія — и онъ являлся среди разъяренныхъ партій, чтобы укрощать и примирять.

Неизгладима память благодѣтелей человѣчества. Она живетъ въ отдаленнѣйшихъ потомкахъ — и въ самыхъ дальнихъ странахъ вобуждаетъ глубокое сочувствіе.

Я слишкомъ распространилась о Венсенѣ де Полѣ; но, говоря о благотворительности Парижа, невольно увлекаешься ея главнымъ основателемъ.

XII.

Много богоугодныхъ и филантропическихъ учрежденій въ Парижѣ. Есть Материнское общество, подъ покровительствомъ Королевы, для помощи при родахъ бѣднымъ матерямъ; множество пріютовъ; заведеніе для дѣтей, которыхъ родители погибли отъ холеры; Христіанскія школы, основанныя Францискомъ де Саль (écoles chrétiennes des frères), подъ попечительствомъ братіи, посвятившей себя безмездному ученію бѣдныхъ; общество друзей дѣт-

ства; общество для обученія бѣдныхъ сиротъ ремесламъ; общество обученія катихизису; общество ремесленниковъ и работниковъ; общество маленькихъ Савояровъ и Овернцевъ; общество покровительства для освобожденныхъ изъ темницъ; общество С. Венсена де Поля; общество для освобожденія содержимыхъ за долги; тюремное общество; филантропическое общество; заведеніе добраго Пастыря (maison du bon Pasteur); общество для распространенія вѣры, и проч. и проч. Если бы описывать каждое изъ нихъ, то для этаго надобно бы было наполнить цѣлые томы. Мы даже не во всѣхъ были, однако посѣтили многія изъ нихъ — и я опишу нѣкоторыя. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей цѣли и по своему примѣненію мы нашли учрежденіе С. Николая (oeuvre de S. Nicolas), основанное въ 1827 году аббатомъ Берванжеромъ. Цѣль этаго заведенія — доставлять возможность бѣднымъ дѣтямъ научаться какому-нибудь полезному ремеслу и пріобрѣтать свѣдѣнія, относящіяся къ нему и способствующія къ совершенствованію избраннаго ремесла. Вмѣстѣ съ этимъ, воспитанниковъ учатъ грамматикѣ, письму, ариѳметикѣ, а главное — заботятся утвердить въ сердцѣ ихъ законъ Божій, чтобы непоколебимы были правила жизни, чтобы дѣйствительны были утѣшенія въ скорбяхъ и несчастіяхъ, столь обильныхъ посреди бѣднаго класса. Учрежденіе это возникло безъ всякаго капитала, приняло бѣдныхъ дѣтей, помѣстило ихъ на чердакѣ, въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, потомъ годъ

отъ году увеличивалось и пріобрѣло покровительство Карла X и его семейства, съ которымъ Берванжеръ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Іюльская революція нанесла жестокой ударъ этому заведенію: нѣсколько разъ оно находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи, и только неусыпное усердіе учредителя могло спасти его. Теперь оно находится въ цвѣтущемъ состояніи и воспитываетъ 400 дѣтей. За каждаго изъ нихъ родители или покровители платятъ по 20 фр. въ мѣсяцъ и не заботятся болѣе ни о чемъ. Если воспитанникъ, научившись какому-нибудь ремеслу, остается совершенствоваться въ мастерскихъ; то онъ получаетъ все, что добывается его работою. Заботиться объ образованіи рабочаго класса и объ улучшеніи его нравственности—есть дѣло высокой филантропіи и неизобразимо-благодѣтельное для государства. Въ прошломъ году для этой цѣли завели въ окрестностяхъ Парижа колонію, гдѣ съ земледѣльческими трудами соединены и ремесленныя упражненія. Колонія эта называется Petit Bourg. Искренно сожалѣю, что я не видала ея и не могу дать объ ней подробнаго отчета. Изъ того, что мы еще посѣтили, очень удовлетворительнымъ показался намъ Домъ Провидѣнія (la Maison de la Providence), содержимый только пятью Сестрами милосердія, безъ всякаго казначея, безъ всякаго секретаря, безъ всякаго руководителя, безъ всякаго капитала. Только неусыпными ихъ попеченіями, только помощію благотворителей, только именемъ Христа держится и про-

цвѣтаетъ это благодѣтельное заведеніе. Когда женщины не знаютъ, что имъ дѣлать въ жизни, скучаютъ, сокрушаются, недовольны ни собою, ни людьми, и влачатъ самое жалкое существованіе, онѣ должны были бы видѣть Сестеръ милосердія, или думать о нихъ; ихъ надобно было бы привести въ Домъ Провидѣнія—и онѣ узнали бы назначеніе женщины, и онѣ бы убѣдились, что всегда, во всякомъ положеніи, могутъ быть счастливы, счастливя другихъ.

Въ Домъ Провидѣнія принимаются сироты, какой бы-то ни было націи и религіи. Это рѣдко встрѣчаешь у католиковъ. Теперь находится въ немъ 200 воспитанницъ. Онѣ раздѣлены на 4 класса. Ихъ учатъ закону Божію, читать, писать, нѣсколько ариѳметикѣ, работать, такъ-чтобы онѣ могли снискать сами себѣ хлѣбъ. По большой части онѣ работаютъ для магазиновъ и отлично шьютъ бѣлье. Съ этѣми дѣвочками обращаются такъ нѣжно, кротко, Сестры такъ любятъ ихъ, такъ радуются на нихъ, и онѣ, кажется, такъ счастливы, что на нихъ пріятно смотрѣть. Намъ сказывали, что онѣ съ сокрушеніемъ оставляютъ свой благодѣтельный пріютъ, когда ихъ помѣщаютъ къ мѣсту. Это уже доказываетъ, какъ имъ тамъ хорошо. Ихъ содержатъ весьма просто, но чрезвычайно чисто. Въ больницѣ свѣжій воздухъ, тепло, всѣ кроватки съ занавѣсами. Мы нашли нѣсколько дѣвочекъ трудно-больныхъ; выздоравливающія ходятъ за ними, утѣшаютъ ихъ, читаютъ имъ. Вообще видно, что въ заведеніи господству-

етъ любовь. На дворѣ строится церковь знаменитымъ Ратисбономъ, чудно обращеннымъ изъ Евреевъ въ Христіанина. О немъ много толковали въ Италіи и Франціи; вѣроятно слышали и у насъ. Мнѣ кажется, что въ каждомъ богоугодномъ заведеніи должна быть церковь, если не отдѣльная, то домашняя, и никогда не запертая, чтобы во всякое время можно было войти въ нее и молиться. Часто случается, что въ продолженіи дня приходитъ желаніе мысленно вознестись къ Богу — и потому только не слѣдуешь этому благому порыву, что окруженъ людьми. Хорошо же дѣлаютъ, что даютъ способъ уединяться и молиться во всѣхъ заведеніяхъ, которыя мы посѣщали въ Италіи и Франціи. Мы всегда находили въ церквахъ, принадлежащихъ имъ, усердно молящихся въ какомъ-нибудь уединенномъ углу у образа Мадоны, или благословляющаго Спасителя.

Общество С. Венсена де Поля чрезвычайно благодѣтельно. Его составляютъ молодые люди, желающіе нѣсколько часовъ въ недѣлю посвятить благотворительности. Они раздѣляютъ между собой попеченія о несчастныхъ семействахъ; посѣщаютъ больныхъ; даютъ бѣднымъ хлѣбъ, дрова, мясо, одежду; пекутся о дѣтяхъ; стараются отдавать ихъ въ ученіе; доставляютъ работы взрослымъ—и такимъ образомъ, знакомясь съ нуждами этихъ несчастныхъ, они могутъ доставлять имъ помощь средствами счастливыхъ того общества, въ которомъ они живутъ. Братство С. Венсена де Поля распространи-

лось во многихъ провинціяхъ Франціи и служитъ святымъ, благодѣтельнымъ союзомъ для молодыхъ людей, съ соревнованіемъ дѣйствующихъ на поприщѣ добра и пользы.

Молодыя дѣвушки не отстали въ благотворительности отъ молодыхъ людей, и въ свою очередь образовали общество, приносящее величайшую пользу какъ облаготворяемымъ, такъ и самимъ благотворительницамъ, предостерегая ихъ отъ сокрушительнаго тщеславія и развивая съ самыхъ юныхъ лѣтъ и благотворную любовь къ человѣчеству и благородное стремленіе къ пользѣ. Я хочу говорить объ обществѣ экономокъ (association des jeunes économes). Принимать дѣвочекъ изъ семей бѣдныхъ и многочисленныхъ, отдавать ихъ въ ученье къ женщинамъ благочестивымъ, пещись объ ихъ физической и духовной пользѣ, учить ихъ читать и писать, внушать имъ религіозныя правила, однимъ словомъ, сдѣлать ихъ способными въ послѣдствіи трудами содержать семейства — вотъ цѣль общества экономокъ.

Члены общества обязаны вносить въ мѣсяцъ по 30 сантимовъ, назначаемыхъ для удовольствій. Сверхъ того каждая дама должна работать для лотереи въ пользу общества. Доброхотныя приношенія, лотерея и одинъ разъ въ годъ сборъ въ церкви — вотъ всѣ средства общества: при всемъ томъ оно содержитъ 250 дѣвочекъ.

Между безчисленными заведеніями въ Парижѣ есть еще одно очень замѣчательное: это les ménages,

отдѣльныя хозяйства. Оно содержится правительствомъ при попеченіи Сестеръ милосердія. Намъ не съумѣли расказать исторіи этаго заведенія. Мы узнали только, что оно существовало еще до первой революціи и имѣло разныя назначенія. Лѣтъ двадцать только, какъ оно образовалось въ теперешнемъ своемъ порядкѣ. Туда принимаются вдовцы и вдовы 60 лѣтъ, или находившіеся въ супружествѣ не менѣе 20 лѣтъ, мущины 70 лѣтъ, а женщины 60. Для бѣдныхъ, не платящихъ, отведено тамъ 80 комнатъ — и 150 кроватей въ дортуарахъ, для овдовѣвшихъ въ заведеніи.

Всѣ остальныя комнаты и кровати даются съ извѣстною платою:

Мужу и женѣ за большія комнаты . . 2300 франк.
Людямъ вдовымъ за маленькія . . . . 1600.
За дортуаръ . . . . 1000.

Вносся эту незначительную сумму, поступающіе въ заведеніе обезпечены совершенно: у нихъ теплое, удобное помѣщеніе, хорошій столъ, и сверхъ того имъ даютъ по три франка каждые десять дней на ихъ маленькія издержки. Мы входили въ нѣкоторыя комнаты. Въ одной нашли больную женщину, не слишкомъ нѣжную съ своимъ мужемъ; у нихъ было все довольно безпорядочно и доказывало, что ихъ прошлое было бурно. Въ другомъ хозяйствѣ мы нашли людей очень порядочныхъ, настоящихъ Французовъ, болтливыхъ и самохвальныхъ. Это былъ какой-то старичекъ съ ленточкою въ петлицѣ, очень чисто одѣтый; его супруга была также очень опрят-

на. Въ ихъ маленькой комнатѣ находились остатки ихъ прежней жизни: висѣлъ крестъ Почетнаго Легіона, стояли часы, канделабры, хорошая мебель, были картины, писанныя самимъ хозяиномъ. Старички казались очень счастливыми — и понятно это счастіе, даже въ старости, даже въ бѣдной долѣ, когда любятъ другъ друга; только ужасно разставаться, когда уединеніе и привычка такъ крѣпко соединили другъ съ другомъ. Намъ сказывали, что переживающіе предметъ своей долгой привязанности чрезвычайно горюютъ; они переходятъ во вдовье отдѣленіе, гдѣ съ спокойстіемъ ожидаютъ смерти, укрѣпляясь молитвою и находя еще и земное утѣшеніе въ своихъ кроткихъ покровительницахъ, Сестрахъ милосердія. Начальница заведенія, также Сестра милосердія, сопровождавшая насъ по всѣмъ комнатамъ и дортуарамъ, очаровала меня своимъ обращеніемъ съ жителями хозяйствъ: каждому и каждой она нашла сказать что-нибудь привѣтливое, утѣшительное—и это не былъ затверженный урокъ, но искреннее изліяніе сердца. Нельзя предаваться отчаянію, когда видишь подлѣ себя такихъ ангеловъ, каковы Сестры милосердія.

XIII.

Въ тюрьмахъ намъ не удалось быть. Мы посѣтили только исправительный домъ для молодыхъ преступниковъ, называемый la roquette. Это заведеніе учреждено для исправленія молодыхъ людей, оказавшихъ дурныя наклонности, сдѣлавшихъ проступки, но не преступленія. Зданіе очень любопытно, даже въ архитектурномъ отношеніи. Въ круг-

ломъ строеніи, похожемъ на башню, заключаются три главнѣйшія потребности заведенія. Въ нижнемъ этажѣ кухня, во второмъ зала для преподаванія катихизиса, въ третьемъ церковь. Къ этой башнѣ, присоединяются посредствомъ коридоровъ шесть зданій, что образуетъ родъ звѣзды. Въ промежуткахъ строеній находятся садики, гдѣ поочереди гуляютъ и играютъ содержимые. Эти бѣдные мальчики не имѣютъ никакаго сношенія другъ съ другомъ; они по одному живутъ въ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ учатся, работаютъ, обѣдаютъ, и откуда они выходятъ только на полчаса въ день, чтобы прогуляться, и разъ въ недѣлю, чтобы слушать толкованіе катихизиса — но и въ этомъ общемъ классѣ каждый находится въ особенно загороженномъ отдѣлѣ и не видитъ своихъ товарищей. Мы заходили во многія кельи этихъ молодыхъ затворниковъ: они довольно веселы и имѣютъ здоровый видъ; комнатки ихъ чисты; у каждаго надъ постелью виситъ образокъ, у нѣкоторыхъ украшенный зелеными вѣточками; у окошка стоитъ рабочій станокъ, у стѣны столъ съ книгами. Каждаго занимаютъ сообразно съ его склонностями: однаго мы нашли рисующимъ, другаго точащимъ, третьяго дѣлающимъ аккордіоны и очень искусно наигрывающимъ на нихъ. Они всякой день учатся Французской грамматикѣ и писанію. Комнатки расположены вдоль коридоровъ. Учитель становится въ углу двухъ коридоровъ и диктуетъ такъ громко, что его отовсюду можно слышать; потомъ онъ идетъ къ каждому ученику исправлять ошибки.

Въ roquette мальчики впрочемъ не совершенно лишены сообщенія съ людьми: имъ приносятъ кушанье; къ нимъ приходитъ надзиратель; они говорятъ съ учителями, съ посѣтителями; но все-таки, мнѣ кажется, ихъ затворничество слишкомъ строго. Многіе изъ нихъ не преступники, а только негодяи — и, мнѣ кажется, ихъ бы можно было допускать по крайней мѣрѣ въ церковь; а то они у себя, по книгѣ, глядятъ за службой, и по звонку узнаютъ, когда совершаются таинства. Грустныя слѣдствія келейной системы въ Филадельфіи доказываютъ, до какой степени она противна Христіанской филантропіи. Преступники по большей части или лишаются разсудка, или впадаютъ въ чахотку. Удивительно, что, имѣя этотъ страшный примѣръ, камера депутатовъ въ законѣ о тюрьмахъ утвердила систему разобщенія (systême d'isolement), правда измѣненную, не пожизненнаго разобщенія; но кто можетъ ручаться, что и въ теченіи назначенныхъ годовъ не обнаружатся тѣ же слѣдствія, которыя такъ ужасаютъ въ Филадельфіи? Не противно ли законамъ человѣколюбія — даруя физическую жизнь человѣку, обрекать его за то на медленное умерщвленіе и, что хуже того, на духовное убійство? Были мы также въ темницѣ Св. Лазаря, учрежденной С. Венсеномъ де Полемъ, содержимой теперь правительствомъ, и находящейся подъ покровительствомъ нѣсколькихъ дамъ. Тюрьма раздѣлена на два отдѣла: въ одномъ находятся воровки, въ другомъ женщины дурной жизни. Намъ говорили, что этѣ несчастныя, и на свободѣ, каждый

мѣсяцъ должны являться въ полицію—и оттуда тѣ изъ нихъ, которыя нездоровы, посылаются для излеченія въ больницу Св. Лазаря, гдѣ благотворительныя дамы стараются врачевать ихъ и духовно. Г-жа Ламартинъ, достойная супруга знаменитаго поэта, предсѣдательницею тюремнаго общества. Она въ темницѣ Св. Лазаря взяла на свою часть воровокъ, а другое отдѣленіе находится въ завѣдываніи Герцогини Ларошфуко и еще нѣкоторыхъ дамъ. Герцогиня Ларошфуко, одна изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ тюремнаго комитета, сопровождала насъ. Мы посѣтили только отдѣленіе женщинъ дурной жизни. Многія изъ нихъ чрезвычайно страдаютъ: однѣ чахоточно кашляютъ, другія лежатъ подвязанныя въ ранахъ и изнеможеніи; третьи, только-что нездоровыя, безпечно развалились на постеляхъ, въ сергахъ, съ завитыми буклями, и какъ бы ожидая съ нетерпѣніемъ минуты выздоровленія и возвращенія къ прежней жизни. На лицахъ однѣхъ изображенъ порокъ, на другихъ вмѣстѣ и безстыдство; иныя молоды, хороши собой, граціозны; иныя плачутъ, стенаютъ, другія смѣются, громко разговариваютъ, пишутъ на постеляхъ съ озабоченнымъ видомъ — только вѣроятно не свою исповѣдь въ раскаяніи. Мы подошли къ одной, у которой рана въ горлѣ. У нея на колѣнахъ стоялъ горшечекъ съ теплымъ молокомъ; она не могла глотать, съ отчаяніемъ подносила ложку ко рту и потомъ отнимала. «Mais l'on meurt, si l'on ne mange pas», говорила она и громко рыдала. Герцогиня Ларошфуко утѣшала ее словами

Христіанской любви, говорила ей о вѣчности, объ искупительной твердости въ страданіяхъ—и, слушая ее, бѣдная страдальница переставала предаваться отчаянію; другая дѣвушка съ дерзостію говорила, что она снова пойдетъ по прежнему пути; третья, что она готова бы была исправиться, но что ее бросили родители, и что она съ-горя ведетъ такую жизнь. Четвертая дѣвочка, лѣтъ 15-ти, говорила, что она всему дурному научилась отъ мачихи, что она не знаетъ закона Божія и не принимала причащенія. Одна только изъ всѣхъ этихъ падшихъ существъ сіяла тихимъ спокойствіемъ и снова пріобрѣтенною чистотою. Она вполнѣ раскаялась и изъявила желаніе вступить въ заведеніе добраго Пастыря (du bon Pasteur). «Какъ тяжело, говорила она, жить здѣсь, когда почувствуешь отвращеніе отъ порока и обречешь себя на другую жизнь». Но она должна была оставаться въ темницѣ Св. Лазаря, потому-что не было мѣста въ заведеніи добраго Пастыря. Отрадно было смотрѣть на эту дѣвушку, какъ бы на бѣлую лилію, выросшую въ репейникѣ и между другихъ травъ запустѣнія. Не смотря на глубокое уваженіе и удивленіе, которое внушали мнѣ благотворительницы тюремнаго общества, я нахожу, что много бы можно было сдѣлать усовершенствованій въ ихъ подвигѣ. Мнѣ кажется, что вообще не довольно сильно дѣйствуютъ на нравственность этѣхъ несчастныхъ, не довольно занимаютъ ихъ умы, не довольно отвлекаютъ ихъ отъ грѣховныхъ помысловъ, не довольно заботятся объ обез-

печеніи ихъ будущности. Имъ только и предлагаютъ учрежденіе добраго Пастыря, какъ единственный способъ спасенія, не размысливъ, какъ трудно, послѣ самой разгульной, свободной жизни, посвятить себя затворничеству, послѣ чувственныхъ наслажденій пріучить себя къ посту и молитвѣ. Потому-то не многія обращаются — и пусть бы для этѣхъ избранныхъ существовало заведеніе добраго Пастыря; другихъ же раскаевающихся, но менѣе твердыхъ, надобно бы было вырывать изъ грѣховной жизни иными средствами, на прим., покровительствуя имъ и доставляя имъ способы содержать себя трудомъ. Мнѣ не понравилось еще и то, что и въ этихъ домахъ проявляется католическій фанатизмъ: и тутъ заботятся объ обращеніи. Герцогиня Ларошфуко была особенно пѣжна съ одной дѣвушкой, которая изъ протестанокъ сдѣлалась католичкою, расхваливала намъ ее—а, говоря о какой-то другой, прибавила: «oh! celle-la est protestante; nous ne pouvons rien faire pour elle». Но трогательно заставило насъ забыть даже о фанатизмѣ, когда Герцогиня Ларошфуко, окруженная множествомъ дѣвушекъ, собравшихся изъ всѣхъ комнатъ, стала на колѣна и вмѣстѣ съ ними молилась, потомъ толковала имъ катихизисъ и въ заключеніе читала имъ какую-то нравственную повѣсть. Надобно было видѣть, какъ эти падшія существа слушаютъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ этихъ чтеній. Жаль только, что имъ мало читаютъ—не болѣе часа въ день: каждая дама под-

вига (dame de l'oeuvre) пріѣзжаетъ поочереди одинъ разъ въ недѣлю въ тюрьму, чтобы исполнить свою обязанность.

Мы посѣтили также и заведеніе добраго Пастыря, учрежденное Графинею Виньоль, 70-ти лѣтнею старушкой, посвятившею себя добру и имѣющею при концѣ жизни высокое наслажденіе въ убѣжденіи, что она не жила безполезно, что все, начатое, или внушенное ею, утверждается и дѣлается плодотворнымъ. Заведеніе это находится подъ руководствомъ Сестеръ милосердія, этихъ ангеловъ въ образѣ женщинъ—и излишне говорить, что тамъ присутствуетъ любовь и милосердіе, и что этѣ двѣ высокія добродѣтели сильно дѣйствуютъ на нравственность несчастныхъ дѣвушекъ, которыя прежнюю жизнь свою выкупаютъ раскаяніемъ, кротостію и смиреніемъ. Жаль только, что заведеніе добраго Пастыря не обширно, что иногда долго дожидаются очереди попасть въ него.

Само собою разумѣется, что существованіе столькихъ богоугодныхъ и человѣколюбивыхъ учрежденій требуетъ неимовѣрныхъ издержекъ. Ихъ покрываютъ пособіе правительства, городскіе доходы, благотворительность Парижанъ и кошельки богатыхъ иностранцевъ. Нельзя однако не удивляться общему стремленію къ благотворительности, господствующему въ Парижѣ, и не убѣдиться, что каждая забота о ближнемъ, каждое пожертвованіе для его блага, каждое стараніе для его нравственнаго улучшенія

успокоительны для совѣсти, благородны предъ людьми и цѣнны передъ Богомъ. Каждый, дѣлая добро въ духѣ истинно-Христіанскомъ, приноситъ несомнѣнную пользу и кладетъ отдѣльный, благословенный камень въ высокомъ зданіи общественнаго блага.

* *

Отъ Редакціи. Принося чувствительнѣйшую благодарность достойной соотечественницѣ нашей за письма, столь занимательныя и вмѣстѣ назидательныя, сожалѣемъ, что ея скромность утаила отъ публики и даже отъ насъ имя ея. Оно произносилось бы теперь не только съ уваженіемъ, но и съ отрадою: говоримъ *теперь*, потому-что другіе Русскіе путешественники, подобно Русскимъ журналистамъ-компиляторамъ, въ настоящую эпоху, ничего не отыскиваютъ въ Парижѣ и его умственной жизни, кромѣ суетныхъ и жалкихъ предметовъ ежедневнаго развлеченія, легкомысленной моды и столь празднословной литературы.

ГУМАНИСТЫ И РЕАЛИСТЫ.

Развить духъ человѣка, *дать направленіе* его дѣятельности и извѣстную *исходную точку* всѣмъ его способностямъ — значитъ дать образованіе человѣку. Образованіе, получаемое отдѣльнымъ лицемъ, пока человѣкъ живетъ въ обществѣ, никогда не принадлежитъ ему исключительно: оно есть достояніе его окружающихъ, ближнихъ. Образованность однаго лица сообщается многимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, дѣйствуетъ на новое число людей, и т. д. Такъ получаютъ образованіе цѣлыя сословія; такъ помощію образованности сословія образуется народъ — и въ своемъ образованіи хранитъ образованность поколѣнія новаго, а съ нимъ и человѣчества. Чтó бы ни говорили о духѣ времени, какихъ бы софисмовъ ни строили для полнаго отрицанія его существованія, но *онъ есть*, и *есть* — пока человѣчество не перестаетъ развиваться, пока измѣняются его нужды, и раждаются новыя требованія. Развивалось поколѣніе старое; на измѣненіи прежнихъ элементовъ и прежняго направленія созидало оно элементы новые, сообразные съ его потребностями — и дошло до того, что элементы эти, удовлетворивъ потребностямъ поколѣнія, основавшаго ихъ, стали недостаточны для поколѣнія новаго. Ихъ слѣдовало возсоздать; направленію дать другой ходъ. Въ слѣдствіе этой истины незамѣтно отвергается старое для новаго, требуется обновленіе, и

выходитъ то, что называется *духомъ времени* или *вѣка*. Духъ времени показываетъ нравственное направленіе человѣчества, опредѣляетъ его духовность. Все, что не въ духѣ вѣка, то противно ему. Но духъ вѣка не исключаетъ изъ себя борьбы мнѣній и направленій, ибо въ борьбѣ этой опредѣляется и настоящее его направленіе и временная истина. Зато все, что получило свое начало не въ вѣкѣ и не изъ него — все это для эпохи *какъ бы ложно*. И-такъ образованность поколѣнія въ *извѣстное время* должна имѣть и *извѣстное* направленіе, опредѣленное *духомъ времени*, т. е. его потребностями и мнѣніемъ эпохи. Прошло время, когда образованіе имѣло характеръ энциклопедическій. Уже нѣтъ времени и образованія болѣе глубокаго, изчерпывающаго свой предметъ, но зато болѣе односторонняго. Оно прошло: ибо цѣль его была одностороння. Знать предметъ для предмета — не есть задача вѣка. Это только одинъ изъ моментовъ его стремленія: ибо вѣкъ старается постичь все для вѣка, т. е. для человѣчества, для его нуждъ, блага и потребностей. Наступило время образованности (какъ современники довольно забавно выразились) *утилитарной*, т. е. такой, отъ которой бы человѣчество, совершенствуясь, могло получить осязаемую пользу. Явилась потребность изучать все для пользы собственной, личной. Это потребность нашего вѣка — и потребность, снова, односторонняя: потому-что, увлекаясь одною пользой, вѣкъ не касается того, въ чемъ польза не осязательна, и такимъ образомъ отпадаетъ

отъ гуманности, т. е. отъ міра древняго, могущественнаго своею образованностію духовною. Изъ этаго направленія и изъ противоположности его должны были явиться двѣ крайности — и каждая изъ нихъ представила своихъ приверженцевъ. Одна крайность *исключительной утилитарности*, другая *исключительной идеальности:* ибо все, что приноситъ одну реальную пользу, все это отвергается послѣднею. Каждая крайность сознавала по-своему ложность другой, но ни одна не чувствовала своей глубокой односторонности. Обѣ онѣ возстали одна на другую; завязалась борьба между *утилитаристами* или *реалистами* и *идеалистами* или *гуманистами*. Но борьба эта — борьба за средства. Цѣль обѣихъ партій одна и та же. Сознавая всю необходимость образованія для человѣчества; сознавая, что оно одно можетъ только довести людей до благоденствія—реалисты и гуманисты разошлись на пути, долженствовавшемъ привести ихъ къ вожделѣнной цѣли. Каждый изъ нихъ пошелъ по пути, діаметрально противоположному—и каждый старается доказать, что путь, избранный имъ, лучше и прямѣе. Гдѣ же истина? спросимъ мы. И отвѣтомъ на это будетъ обзоръ мнѣній обѣихъ партій и конечный изъ нихъ выводъ.

Развить духъ человѣка, сказали мы, дать направленіе его дѣятельности и исходную точку всѣмъ его способностямъ, значитъ образовать человѣка. Но какими средствами можно развить духъ? Духъ, говорятъ гуманисты, развивается только духомъ; внѣ его невозможно духовное развитіе. Одинъ толь-

ко міръ духовный можетъ питать и развивать дѣятельность силъ нравственныхъ, составляющихъ духовность человѣка. Только въ мірѣ духовномъ есть возможность изощрить и увеличить объемъ этѣхъ силъ. Соприкосновеніе духа со всѣмъ недуховнымъ, чувственнымъ, развиваетъ плоть на счетъ духа, совершенствуетъ человѣка физическаго на счетъ человѣка нравственнаго. Но для чего живетъ человѣкъ? Какая цѣль бытія его? Произойдя отъ духа, слиться съ духомъ, приготовить себя къ жизни духовной. И-такъ развитіе духа есть основный принципъ, условіе бытія человѣческаго. Станемъ же развивать духъ. Для этаго возьмемъ все, въ чемъ выразилась духовность человѣчества — и, согласно съ развитіемъ ея, будемъ развивать самихъ себя. Но въ чемъ же выразилась духовность человѣчества?

Былъ могущественный Римъ. Полонъ былъ онъ силы и крѣпости. Трепетали передъ нимъ страны и народы. Покорялъ онъ ихъ другъ за другомъ—и далеко простиралось его могущество, и далеко, по концамъ міра, виднѣлись его границы. Но какъ въ жизни человѣка есть пора молодости, возмужалости и старости; какъ въ жизни человѣка вся полнота его силъ, зараждаясь въ молодости, вполнѣ развивается, сосредоточивается только въ періодъ возмужалости, слабѣетъ и наконецъ совсѣмъ уничтожается въ старости: такова точно и жизнь государства. Римъ состарѣлся, одряхлѣлъ и палъ. И-вотъ безчисленныя его владѣція раздроблены, отняты, получили отдѣльную самостоятельность. Изъ од-

ной Римской имперіи образовалась сотня королевствъ, столько же, если не больше, герцогствъ. Слѣдовъ древняго Рима не осталось. Но народъ Римскій жилъ, мыслилъ, и наслѣдовалъ онъ отъ Грековъ науки и художества, и самъ началъ развивать и то и другое, разумѣется, въ своемъ духѣ. Правда, развитіе это было не многосторонне, не такъ велико, какъ развитіе Грековъ; но больше принесло оно пользы. Мы сказали уже, что, пока живетъ человѣкъ въ обществѣ, образованность, пріобрѣтенная однимъ лицемъ, не составляетъ его исключительной принадлежности, но есть достояніе ближнихъ. И чѣмъ больше средствъ отдѣльнаго лица, чѣмъ больше и чаще его сношенія съ людьми; тѣмъ больше его вліяніе, тѣмъ обширнѣе кругъ его дѣятельности. Но кто же могъ скорѣе распространить образованность, и сообщить ее бо̀льшему числу, какъ не Римъ, во власти котораго было столько земель и народовъ? И распространилъ онъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ образованность, не только свою, но и образованность Грековъ. Духовность этихъ двухъ народовъ разлилась по цѣлому міру—и когда Римъ физическій палъ, то все-таки велико было могущество Рима духовнаго: ибо оставилъ онъ послѣ себя, въ наслѣдіе потомству, умственный капиталъ, завѣщанный ему Греками, и проценты, которыми, пуская капиталъ этотъ въ оборотъ, онъ увеличилъ его. И росла, росла сумма этой умственности по тому, что каждый народъ клалъ въ нее свою лепту, а лепты этѣ составляли часто цѣлый ка-

питалъ. Слѣдовательно, если почти *все физическое* у древнихъ уничтожилось, то въ созданіяхъ духа ихъ надобно искать общечеловѣческаго; а созданія духа — это произведенія литературы, искуствъ и художествъ. По-этому духовность человѣка должно развивать изученіемъ произведеній, завѣщанныхъ человѣчествомъ.

Но изучить всю сумму *произведеній духовности человѣчества* физически невозможно человѣку: ибо недостанетъ у него для этаго ни средствъ, ни силъ, ни жизни. По-этому нужно взять извѣстные моменты въ развитіи этой духовности — и ихъ-то изучать исключительно. Но спрашивается, которымъ же моментамъ отдать такое предпочтеніе? Моменты ли облеченія духовности человѣчества въ формы современнаго образованія, или моменты облеченія ея въ формы образованія древняго—должны быть изучаемы нами?

На это гуманисты отвѣчаютъ: Моменты облеченія духовности человѣческой въ формы Греческаго и Римскаго образованія должны быть приняты за образцовые. И вотъ на какомъ основаніи: мы можемъ понять вполнѣ только то, что вполнѣ высказано. Мы можемъ узнать форму статуи не тогда, когда она въ камнѣ, но когда выходитъ она совершенно оконченною изъ-подъ рѣзца ваятеля. Теперь спрашивается: въ ряду народовъ, развивавшихся и развивающихся, есть ли хотя одинъ, который бы такъ конечно высказалъ свое развитіе? Нѣтъ, отвѣчаютъ гуманисты, ибо всѣ народы до-

живаютъ еще періодъ своего существованія, а слѣдовательно продолжаютъ еще 'развиваться. Если бы въ ихъ развитіи взять какой-нибудь отдѣльный моментъ и по немъ судить о цѣломъ развитіи ихъ, это было бы то же, что по обломку судить о цѣлой статуѣ. Римляне же и Греки * перестали существовать, отжили свой періодъ; все, что осталось отъ нихъ, остается неизмѣннымъ. Ихъ жизнь есть уже для насъ окончательно-изваянная статуя. И-такъ-какъ ихъ развитіе можемъ мы прослѣдить, говорятъ гуманисты; такъ-какъ ихъ развитіе можемъ мы вполнѣ понять и изучить: то и должны признать его за образцовое. По образцу его должно совершаться и наше образованіе; въ формѣ его должна проявляться наша духовность. Здѣсь гуманисты доказываютъ всю необходимость изученія языковъ Греческаго и Латинскаго. Дѣйствительно, смотря на предметъ съ ихъ точки, вполнѣ соглашаешься съ ними. Въ чемъ исключительно сохранилась для насъ духовность этихъ народовъ? Въ памятникахъ языка (принимая слово это въ обширнѣйшемъ значеніи). И-такъ, чтобы изучить, чтобы понять эту духовность, должно глубоко, основательно изучить языки Латнскій и Греческій.

Изо всего сказаннаго нами видно, что цѣль гуманистовъ — развить въ человѣкѣ одну моральность

* Да не подумаютъ читатели, что я не признаю существованія Грековъ настоящаго времени. Настоящіе Греки составляютъ какъ бы совершенно отдѣльный, другой народъ отъ Грековъ древнихъ. Что первые кончили, выполнили — то предлежитъ вторымъ еще выполнять.

для моральности, одну духовность для духовности же. Средствомъ къ этому служитъ у нихъ ознакомленіе, обобщеніе человѣка современнаго съ духовностію Грековъ и Римлянъ—такъ сказать, сродненіе и проникновеніе его моральностію того и другаго народа.

Но, развивая исключительно моральность человѣка, какое направленіе дадутъ гуманисты *чувственной* его *дѣятельности?* Отвѣтъ на это выходитъ изъ самаго способа и средствъ, употребляемыхъ ими для развитія духа. Развивая духъ человѣка посредствомъ твореній духа человѣческаго, они даютъ *духовное же* направленіе чувственной дѣятельности его. Но дѣятельность эта, направленная, только и исключительно, къ одному духовному, къ чему приведетъ она? къ мечтательности, резонёрству и идеальности. Живой примѣръ тому Германцы. Развивая преимущественно свою духовную сторону и ограничивая всю дѣятельность чувствъ своихъ одною же духовностію, они отрѣшаются отъ всего существеннаго, животворнаго, дѣйствительнаго — и впадаютъ въ мечтательную, идеальную отвлеченность.

При такомъ исключительномъ развитіи моральности и при *идеальномъ* направленіи дѣятельности человѣка, способности его должны также развиваться *односторонне.* Односторонность всякаго рода вредна: ибо она должна привести къ нелѣпости. Но въ этомъ случаѣ односторонность гуманистовъ едва ли не вреднѣе всего. Всѣ способности человѣка при-

нимаютъ идеальное направленіе и подъ вліяніемъ его развиваются; въ слѣдствіе этаго выходитъ совершенное отреченіе, конечное отчужденіе человѣка отъ жизни дѣйствительной, совершенная неспособность его погрузиться въ нужды общежитейскія, совладать съ ними и выйти изъ борьбы этой здравымъ и невредимымъ. Человѣкъ, призванный къ жизни, становится неспособнымъ къ жизни. Напрасно говорятъ гуманисты, что жизни научитъ сама жизнь. Жизнь разовьетъ то, что̀ пріобрѣли мы до вступленія въ жизнь. Но зародыша, чего нѣтъ въ душѣ нашей, того не дастъ она. Жизнь дастъ намъ *опытъ*, т. е. *умѣнье* примѣнять *понятія о жизни* къ самой жизни. Она разовьетъ и дастъ сообразное съ временемъ направленіе этимъ понятіямъ, но не дастъ принципа самыхъ понятій, или, лучше, дастъ (потому-что живя мы должны же научиться жизни), но дастъ ихъ въ то время, когда мы будемъ уже неспособны воспользоваться ими и примѣнить ихъ къ дѣлу. Жизнь есть наука, къ изученію которой приступая, мы должны напередъ приготовить себя. А будемъ ли готовы, если способности, чувства, мысли наши привыкли только къ идеальному, его лишь знаютъ, и въ немъ одномъ сознаютъ свои силы?

И-такъ вся система гуманистовъ приводитъ человѣка къ тому, что онъ дѣлается неспособнымъ къ жизни дѣйствительной и становится мечтателемъ и идеалистомъ. Борьба съ положительностію гнететъ его: нѣтъ въ немъ силы восторжествовать

надъ нею, и нѣтъ умѣнья, или лучше, такта, подчиниться ей — и вся жизнь идеалиста становится рядомъ убійственныхъ для духа страданій и химерическихъ самоутѣшеній.

Не такъ поступаютъ реалисты. Образованіе, говорятъ они, должно приготовить человѣка для его будущаго назначенія въ жизни, а потому и состоитъ оно въ сообщеніи самаго большаго числа полезныхъ свѣдѣній и въ сообщеніи ихъ въ самомъ обширномъ объемѣ. Но естественно, что, для достиженія этой цѣли, должно, прежде всего, приготовить воспріимчивость человѣка. Какъ поступаютъ въ такомъ случаѣ реалисты? Человѣкъ призванъ въ міръ для жизни; въ немъ, какъ въ циклѣ, должна начаться и кончиться его дѣятельность; въ мірѣ, по мнѣнію ихъ, человѣкъ есть существо верховно-разумное, существо могучее; внѣ его, человѣкъ—прахъ, ничтожество *. А потому долженъ онъ узнать міръ и научиться дѣйствовать въ немъ; умѣть направить всѣ силы его для извѣстной цѣли и не позволять даже былинкѣ потратиться, въ общемъ порядкѣ міра, даромъ.

Изучить міръ и извлекать изъ знанія его силъ пользу для міра есть прямая и священнѣйшая обязанность человѣка какъ царя творенія. Цѣль эта, при правильномъ употребленіи, цѣль высокая и въ высшей степени достойная человѣка. Но въ чемъ же

* Вотъ почему гуманисты утверждаютъ, что начала реалистовъ противны и враждебны Церкви.

состоитъ ложность направленія, даваемаго реалистами адептамъ?

При воззрѣніи своемъ на міръ, реалисты выпускаютъ изъ вида важное обстоятельство. Міръ представляется имъ не тѣмъ дивнымъ, великимъ органическимъ цѣлымъ, гдѣ ничто не случайно, гдѣ все имѣетъ свою разумную причину и все ведетъ за собою слѣдствіе разумное. Они не видятъ въ мірѣ однаго всецѣлаго тѣла, въ которомъ ускореніе развитія, замедленіе его, отнятіе какаго-нибудь члена ведетъ за собою разстройство и порчу. Они видятъ въ немъ не книгу, проникнутую одною великою идеею, гдѣ каждая строка, каждая буква, каждая *іота* служитъ раскрытіемъ, поясненіемъ, развитіемъ основной идеи; гдѣ все нужно, необходимо; гдѣ всякій знакъ есть комментарій, а каждый комментарій есть рядъ высокихъ откровеній. Нѣтъ, не это видятъ они въ природѣ, а груду тѣлъ безъ отношеній, груду фактовъ безъ связи. Они думаютъ, что отбросить предыдущее, для того, чтобы принять послѣдующее—легко и возможно; что такое *отрицаніе* не ведетъ за собою полнаго непониманія послѣдуюшаго, и что оно не отчуждаетъ, не изолируетъ человѣка. И человѣка считаютъ они не орудіемъ для пользы человѣчества, не членомъ, долженствуюшимъ способствовать къ сохраненію, развитію и пользѣ самаго тѣла. Человѣкъ изъ всѣхъ силъ природы долженъ извлекать, по ихъ мнѣнію, одну *свою* пользу; все въ природѣ должно способствовать къ *его* благосостоянію. Какъ Римляне

временъ Кесарей не хотѣли пользоваться дневнымъ свѣтомъ и знать его, потому-что онъ достается даромъ; такъ реалисты, въ свою очередь, не хотятъ знать того, что не приноситъ существенной, положительной пользы. А потому вся цѣль образованія, по понятіямъ реалистовъ, заключается не въ развитіи духа, а въ *умѣньи* пользоваться для своего благосостоянія цѣлымъ міромъ. Реалисмъ изобрѣлъ машины и сдѣлалъ изъ человѣка машину. Ибо какъ иначе назвать человѣка, отчужденнаго, изолириваннаго отъ всего человѣчества? Ни изъ чего не исходитъ онъ въ началѣ, и ни съ чѣмъ не сливается въ концѣ своего бытія; онъ что-то странное, непонятное и въ разумной послѣдовательности міра *нѣчто* нелѣпое. Напрасно говорятъ реалисты, что настоящее стремленіе къ исключительной утилитарности ведетъ за собою освобожденіе человѣка отъ занятій матерьяльныхъ; что направленіе, принятое ими, ведетъ къ духовной цѣли. Но какимъ же образомъ? Когда вся мораль человѣка, всѣ его способности обратились къ матерьяльности и погрязли въ ней; то гдѣ же здѣсь возможность исхода въ міръ духовный? Реалисмъ былъ бы тогда только разуменъ и истиненъ, ученіе его было бы тогда только благодѣтельно, когда бы онъ одухотворилъ факты, призналъ во всѣхъ явленіяхъ міра развитіе одной вѣчной, великой идеи, и придалъ бы тѣламъ не инерцію, не могильное бездѣйствіе, а жизнь могучую, жизнь духовную. Да, повторяемъ мы, онъ былъ бы тогда разуменъ и истиненъ: ибо, что болѣе и глубже

всего можетъ развить въ насъ духъ, какъ не правильное, духовное изученіе природы?

Но реалисты, какъ мы видѣли, совсѣмъ не такъ поступаютъ: избравъ себѣ цѣль высокую, которой достиженіе составляетъ идеалъ человѣческаго развитія, они, странно отклонясь отъ нея, впали въ крайнюю ошибку.

То же самое видѣли мы и въ средстахъ, употребляемыхъ реалистами для развитія человѣка. Мы высказали взглядъ ихъ на міръ, а этотъ-то самый взглядъ и служитъ у нихъ основаніемъ развитія. Не духъ міра, не разумное начало вѣчнаго самосовершенствованія и творчества его изучаютъ они, а матерьяльныя его силы—и кромѣ силъ этѣхъ не хотятъ ничего знать. Вотъ, что подало намъ поводъ сказать, что ни изъ чего не исходитъ реалистъ въ началѣ, и ни съ чѣмъ не сливается въ концѣ своего бытія. Дѣйствительно, плоды высшей духовной дѣятельности человѣчества былаго не существуютъ для него. Реалисты порицаютъ, возстаютъ противъ односторонности гуманистовъ, всю цѣль образованія заключающихъ въ изученіи человѣческой духовности; а сами дѣлаютъ будто лучше, отвергая эту духовность, и въ ряду вѣковыхъ развитій человѣчества признавая одни открытія, приносящія существенную пользу? Изъ школы реалистовъ выходитъ человѣкъ также одностороннимъ: способенъ онъ къ жизни положительной; но, созданный изъ духа и плоти, онъ чуждъ духа и его развитія.

Мнѣ скажутъ, что изобрѣтенія въ области жиз-

ни реальной и утилитарной дойдутъ до поколѣній грядущихъ—и, принося плоды въ настоящемъ, они будутъ равно полезны въ будущемъ. Такъ, безспорно; ибо въ жизни человѣчества ничто не пропадаетъ—и стремленіе его къ утилитарности есть необходимый моментъ его развитія. Но спрашиваю, въ свою очередь, крайность реалисма (точно такъ же, какъ и гуманисма) разумна ли она? Не есть ли это болѣзненное состояніе общества, разрушающее его единство и гармонію?

Какъ! милліоны людей, въ общемъ итогѣ дѣятельности, будутъ имѣть возможность сказать *только:* мы приготовили дѣтямъ своимъ состояніе! По смерти ихъ, памятникомъ о нихъ будетъ богатство скопленное и эгоисмъ развитый ими! Но и бѣлка, собравъ на зиму орѣховъ, скопляетъ себѣ состояніе! *Исключительное* направленіе къ утилитарности не заключаетъ ли въ себѣ многаго чисто-животнаго?

Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что для пользы поколѣній грядущихъ необходимо нужно, чтобы, въ ряду предшественниковъ ихъ, явились трутни, которыхъ вся дѣятельность ограничивалась бы тѣмъ, чтобы обезпечить состояніе новаго поколѣнія? Возраженіе это будетъ несправедливо, ибо въ такомъ случаѣ нужно допустить, что въ высшемъ созданіи природы — въ человѣкѣ, перестанетъ на извѣстный періодъ развиваться высшій даръ человѣка—его *духовность*—и человѣкъ станетъ на это время чисто-животнымъ. Поколѣніе передаетъ поколѣнію не матерьяльныя средства къ жизни, а капиталъ тѣхъ ум-

ственныхъ и нравственныхъ началъ, которыя оно развивало, и тотъ результатъ, къ которому пришло оно въ концѣ своего поприща.

Реалисты въ основаніе своей системы берутъ природу; а эта самая природа опровергаетъ ихъ. Въ ней все такъ разумно, такъ послѣдовательно, и животное и духовное такъ тѣсно связано между собою, что, не только съ *уничтоженіемъ*, но просто съ *ослабленіемъ* однаго разрушается и гибнетъ другое. И когда вся эта природа, со всѣми своими измѣненіями, повторяется въ человѣкѣ; когда въ немъ заключены два міра—міръ животный, чувственный и міръ духовный, разумный; когда разумность, духовность человѣка развиваетъ и поддерживаетъ разумность природы, а его животность даетъ жизнь животности міра: то не уже ли же можно развивать въ человѣкѣ *исключительно* какую-нибудь одну сторону, а тѣмъ болѣе сторону животную? Нѣтъ! какъ тѣло проявляетъ и содержитъ душу, какъ душа поддерживаетъ и живитъ тѣло; такъ и въ воспитаніи человѣка гуманное развитіе должно сливаться съ образованіемъ реальнымъ. Одно найдетъ подтвержденіе въ другомъ; одно примирится въ другомъ. Каждое изъ этихъ началъ, въ отдѣльности взятое, невѣрно; вмѣстѣ взятыя, они разумны и истинны. Да, приготовьте человѣка къ жизни; не допускайте его, по возможности, тратить и безъ того краткаго существованія на пріобрѣтеніе путемъ опыта тѣхъ знаній, къ которымъ можетъ непосредственно привести наука какъ плодъ, резуль-

татъ опытности человѣчества. Научите человѣка примѣнять къ жизни эту наукой пріобрѣтенную опытность, извлекать изъ нея пользу поколѣнію грядущему, развивать, умножать ее. Да, научите всему этому, потому-что въ исполненіи, въ примѣненіи этихъ знаній такъ много встрѣтится препятствій, такъ много потратится силы, времени, ума человѣка, что къ концу жизни онъ навѣрное повторитъ слова мудреца: *я знаю только то, что я ничего не знаю*; или лучше: *я знаю, что много дѣлалъ, но сдѣлалъ я — ничего.* И сознаніе это будетъ горько, странно, если человѣка не утѣшитъ мысль, что даже это *ничего* не потратилось даромъ въ разумномъ прогрессѣ человѣчества, но принесло плодъ, послужило ему въ пользу. А для этаго сознанія развейте въ человѣкѣ духовность и развейте ее человѣчески. Покажите ему, какъ зародилось, шло, развивалось человѣчество; какими страданіями и бѣдствіями, какими усиліями и порывами дошло оно до настоящаго развитія. Покажите, сколько въ ходѣ этаго развитія было воли, ума, терпѣнія, доблести, сколько слабости, неразумности, жестокости, низости. Покажите, какъ ни одно изъ этихъ качествъ не потерялось, но все приносило плоды въ послѣдствіи и плоды добрые; какъ одно служило примѣромъ, другое предостереженіемъ. Научите человѣка, что онъ членъ этаго семейства, и раскажите ему исторію его предковъ. И узнаетъ тогда человѣкъ, къ чему живетъ онъ, что за цѣль его жизни, и что долженъ онъ дѣлать. И не будетъ тогда

противорѣчія между правилами нравственными и жизнію общества, потому-что правила эти сроднятся съ обществомъ, претворятся въ его плоть и кровь. И узнаетъ человѣкъ вопросы современные, и, по примѣру человѣчества, развившаго свои — разовьетъ ихъ, и, сколько позволятъ силы, отвѣтитъ на нихъ. Развейте знаніе жизни въ человѣкѣ, но ограничьте это знаніе развитіемъ духа; покажите, что внѣ жизни духовной человѣкъ ничтоженъ, точно такъ же, какъ ничтожна собака и лошадь. Покажите, что отдѣльно человѣкъ, безъ связи съ человѣчествомъ, безъ стремленія къ его пользѣ, снова ничтоженъ; что *я* отдѣльное — не существуетъ, но что въ мірѣ имѣетъ цѣну, значеніе, одно *мы* — и уничтожится тогда эгоисмъ, потому-что человѣкъ станетъ дѣйствовать для блага людей, люди для блага человѣчества. Развейте въ человѣкѣ духовность, но ограничьте это развитіе развитіемъ знанія жизни — и не станетъ человѣкъ идеальничать, не впадетъ онъ въ отвлеченность. Будетъ онъ знать, что настоящій моментъ человѣческаго развитія необходимъ; что его-то и нужно одухотворить и развить; что жить только прошлымъ нельзя, точно такъ же, какъ жить будущимъ; что оба эти случая будутъ насилованіемъ природы. И человѣкъ, развитый всею массою знаній человѣчества, низведетъ эти знанія до настоящаго, чтобы въ немъ найти новыя знанія и истины; въ свою очередь онъ возведетъ эти знанія и истины до интереса общечеловѣческаго — и пріобщитъ ихъ къ прогрессу человѣчества.

И предстанетъ онъ на судъ потомства съ богатымъ запасомъ тѣхъ вѣчныхъ истинъ, тѣхъ психическихъ изысканій, къ которымъ пришелъ во время своей краткой, но общеполезной жизни.

Ѳ. А.

11-го Іюня, 1845 г.
Псковъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Когда печаль моя, какъ мрачное видѣнье,
Глубокой думою чело мнѣ осѣнитъ,
Прольетъ мнѣ на душу тяжелое сомнѣнье
И очи ясныя слезою омрачитъ —
О, не жалѣй меня: печаль моя ужъ знаетъ
Темницу грустную и мрачную свою,
Она вселяется обратно въ грудь мою,
И тамъ въ томленьи изнываетъ...

1842 г.

Салтыковъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

42. Синбирскій сборникъ. *Историческая часть.* Томъ первый. Въ 4. Моск.

Мы живемъ въ эпоху, самую благопріятную для какаго-нибудь великаго подвига по части отечественной исторіи. Наши читатели безъ сомнѣнія замѣтили, что едва ли не каждый мѣсяцъ представляется намъ случай говорить о выходѣ въ свѣтъ новыхъ матерьяловъ, которыми прекрасно пользоваться можетъ писатель, посвящающій свой талантъ обработыванію исторіи Россіи. Только мѣсяцъ прошелъ съ появленія въ публикѣ *Памятниковъ, изданныхъ Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ,* Высочайше *учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Губернаторѣ* — и вотъ еще книга, въ томъ же родѣ, такаго же достоинства. Издатели ея собрали историческихъ матерьяловъ на пять частей, изъ которыхъ каждая, смотря по удобству размѣщенія, будетъ отпечатываема, то въ одномъ томѣ, то въ нѣсколькихъ. Часть 1-я будетъ собственно-историческая, 2-я юридическая, 3-я бытовая, 4-я мѣстная, 5-я же будетъ заключать въ себѣ Тургеневскія бумаги. Въ отпечатанномъ нынѣ томѣ являются слѣдующіе драгоцѣнные акты: I. Разрядная книга съ 1559 по 1602 г.; II.

Грамоты и Наказы Воеводѣ Ивану Ѳедоровичу и Стольнику Василію Петровичу Кикинымъ съ 1662 по 1668 г.; III. Отписки Кіевскаго Воеводы Князя Юрія Петровича Трубецкаго къ Царю Алексѣю Михаиловичу за 1674 г. Важность, занимательность, разнообразіе содержанія книги сообщаютъ ей необыкновенную цѣну независимо отъ того, что ею рѣшено множество вопросовъ, или по крайней мѣрѣ выяснены такіе предметы, которые до сихъ поръ оставляли историка въ какомъ-то недоумѣніи. Надобно со вниманіемъ пройти каждую статью, вошедшую въ сборникъ, чтобы почувствовать, какъ подлинные старинные акты разоблачаютъ передъ нами истину.

43. *Уставъ Елисаветинской клинической больницы для малолѣтныхъ дѣтей.* Въ 12; 20 стран. Спб.

Судя по числу жителей въ здѣшней столицѣ и по чрезвычайной смертности дѣтей ранняго возраста, всѣ давно чувствовали необходимость въ основаніи заведенія, которое бы по-возможности предотвращало хотя часть явленій, опечаливающихъ каждое сердце. Нѣсколько благотворительныхъ лицъ рѣшилось пожертвовать частію достоянія своего, или своими знаніями, или трудами, чтобы оказывать пособія нуждающимся. Въ разсматриваемой здѣсь брошюрѣ изложены правила, составъ и самая исторія заведенія, которое Высочайше ввѣрено главному попечительству Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны, а въ память Е. И. В. Го-

сударыни Великой Княгини Елисаветы Михаиловны наименовано *Елисаветинскою* больницею.

44. *Руководство къ познанію законовъ.* Сочиненіе *Графа Сперанскаго.* Въ 8; 170 стран. Спб.

Плоды умственной дѣятельности человѣка, можетъ быть, и дня не потерявшаго праздно, должны быть столько же многочисленны, какъ и разнообразны. Еще неизвѣстно, какая часть ихъ обратится въ достояніе потомства. Между-тѣмъ уже читатели наши знакомы съ юношескимъ произведеніемъ Сперанскаго — теоріею его краснорѣчія, и вотъ нынѣ является новая его книга. Она принадлежитъ послѣднимъ годамъ полезной жизни его. Многое оставалось еще внести сюда; но и то, что онъ успѣлъ изложить, озаряетъ науку идеями свѣтлыми, точными и назидательными. Вотъ содержаніе книги, какъ она издана: 1) необходимость законовъ, 2) о законахъ вообще, 3) о законахъ общежительныхъ, 4) государственныхъ, 5) основныхъ въ Россіи, 6) о законахъ основныхъ въ другихъ государствахъ и 7) объ учрежденіяхъ.

45. *Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка.* Разсужденіе, написанное на степень магистра кандидатомъ *М. Катковымъ.* Въ 8; II, 253 и II стран. Моск.

Сочинитель разсужденія идетъ къ своей цѣли историко-сравнительнымъ путемъ. Такъ-какъ Славяно-Русскій языкъ состоитъ въ родствѣ съ семьею Индо-Европейскихъ языковъ, то онъ старается подойти къ эпохѣ, когда (по выраженію автора) «Славя-

«но-Русскій языкъ самъ впервые произнесъ себя», и потомъ онъ «слѣдитъ движеніе законовъ, языкомъ «въ ту эпоху признанныхъ.» Если бы возможно было сочинителю представить эти предположенія во всей полнотѣ науки, онъ, вмѣсто разсужденія, написалъ бы намъ многотомную книгу. Здѣсь онъ ограничился буквами, какъ первоначальнымъ элементомъ языка, и формами именъ и глаголовъ, какъ важнѣйшихъ частей рѣчи. Подобныя сочиненія естественно не могутъ привлечь къ себѣ множества читателей; но въ ученомъ отношеніи они и полезны и необходимы. Сочинитель вышелъ на это сухое поле, запасшись знаніями разносторонними и обильными. Филологическія изслѣдованія Протоіерея Павскаго, Востокова изданіе Остромирова Евангелія, Нѣмецкая Грамматика Якова Гримма, филологическіе труды Боппа, Генриха Эвальда, Бетлинга и другихъ, наконецъ собственныя наблюденія автора надъ разными Славянскими нарѣчіями, надъ языками Греческимъ, Латинскимъ, Литовскимъ и Латышскимъ доставили ему богатые матерьялы для открытія многихъ новыхъ истинъ касательно элементовъ и формъ языка Русскаго.

46. *Грамматическія разысканія В. Васильева.* I. О буквѣ ё. II. Объ образованіи именъ уменьшительныхъ рода мужескаго. Въ 8; 65 стран. Спб.

Извѣстно, что въ нашей ортографіи не рѣшенъ еще споръ, писать ли, слѣдуя этимологіи, букву *ё* тамъ, гдѣ она произносится какъ *о*, или, держась выговора, замѣнять ее въ письмѣ буквою *о*. Г-нъ

Васильевъ, опровергнувъ основанія предшественниковъ своихъ касательно этаго предмета, предлагаетъ собственныя правила. Они, какъ и установленныя прежними сочинителями грамматикъ, не могутъ быть приняты всѣми, потому-что произвольны и односторонни. Вопросъ касается не одной буквы ё, но многихъ, утратившихъ свои звуки при различныхъ грамматическихъ перемѣнахъ, какъ на прим. и буквы *з*, превращающейся въ *с*. И-такъ надобно вообще отыскать для ортографіи основаніе, на сколько она должна въ языкѣ уступить своихъ правъ этимологіи — и обратно. До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ, или по прихоти, пока этотъ грамматической вопросъ не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова.

47. *Начальныя основанія Русскаго синтаксиса*, составленныя *А. Студитскимъ*. Въ 8; 16 стран. Моск.

Эта печатная тетрадка ничего не прибавляетъ въ прежнюю систему нашихъ грамматическихъ правилъ.

48. *Наши, или какихъ чудесъ не бываетъ въ провинціи*. Оригинальный водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *В. Самойлова*. Въ 12; 44 стран. Спб.

Не думайте, что наконецъ пріѣхали Наши, о которыхъ когда-то разнесся слухъ, будто они ѣдутъ. Здѣсь вы прочтете другаго рода небывальщину. Но театральныя Русскія лѣтописи столько уже содер-

жатъ въ себѣ подобныхъ твореній; зрители и читатели Русскіе такъ уже пріучены не находить ни жизни, ни истины въ театральныхъ сочиненіяхъ, что *Наши* спокойно могутъ добраться до своей пристани, т. е. поэтической Леты, и никто имъ не помѣшаетъ на пути.

49. *Литературные плоды безсонницы.* Сочиненіе *Барона Александра Боде.* Въ 8; 20 стран. стран. Спб.

Мы не примемъ серьёзно того, что было шуткою со стороны самаго автора. Ему вздумалось для забавы тиснуть плоды безсонницы: зачѣмъ же и намъ не глядѣть на нихъ съ улыбкою какъ на грезы бдѣнія?

50. *Слава Россіи,* или исторія государства Русскаго. Съ гравированными портретами. Въ 8; 105 стран. Моск.

Книжка состоитъ изъ біографій Государей Русскихъ съ портретами ихъ, подъ которыми означены годы ихъ вступленія на престолъ и кончины. *Славу Россіи* трудно внести въ разрядъ книгъ, для дѣтей написанныхъ; потому-что въ текстѣ не достаетъ занимательности и красокъ, плѣняющихъ юный возрастъ, когда истинный талантъ посвящаетъ ему труды свои. Отъ чего, на примѣръ, книга: *Исторія Россіи въ расказахъ для дѣтей,* вошла теперь въ необходимое пособіе при воспитаніи? Отъ того, что ея сочинительница обладаетъ истиннымъ дарованіемъ, которое открываетъ ей вѣрно и краски, и обороты, и выраженія, и объемъ расказа

или описанія, назначаемаго для дѣтей. Отъ того и оба ея *Журнала (Звѣздочка)*, посвященные Старшему и Младшему возрасту юнаго нашего поколѣнія, перечитываются имъ съ такою же пользою, какъ и жадностію. Но расматриваемой нами теперь книжки нельзя назвать и руководствомъ по части исторіи для взрослыхъ; потому-что она слишкомъ бѣдна фактами, необходимыми для полноты и точности свѣдѣній въ отечественной исторіи.

51. *Краткое начертаніе Русской исторіи. Н. П. П — ва.* Въ 8; 135 стран. Моск.

И еще учебникъ со всѣми неудобствами, указанными выше. Сочинителю вздумалось сократить другое руководство, назначенное для учебныхъ заведеній, такъ называемыхъ, *среднихъ*. Но онъ долженъ былъ ожидать, что трудъ учено-литературный, не образовавшійся самостоятельно, лишенъ будетъ внутренней жизни и останется сборникомъ событій безъ общей связи и безъ характера.

52. *Метода скорописанія Морица Баринцевича.* Съ девятью таблицами и рисункомъ. Моск.

Во Франціи, въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ искуство скорописи чрезвычайно усовершенствовано. Тамъ большая въ немъ необходимость. На основаніи готовыхъ правилъ вотъ и у насъ является опытъ этаго искуства. Онъ хорошъ, какъ его образцы. Но мы сомнѣваемся, чтобы искуство скорописи вошло у насъ въ число предметовъ, обнимаемыхъ воспитаніемъ, потому-что не видимъ рѣшительной въ немъ надобности, за исклю-

ченіемъ развѣ нѣсколькихъ Университетскихъ лекцій.

II.

53. *Творенія Святыхъ Отцевъ* въ Русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія. Издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ *третій*. Книжка *вторая*. Въ 8; 178 — 406 и 85 — 230 стран. Моск.

54. *Политическая географія Азіи, Африки, Америки и Океаніи*. Часть *вторая*. *Пятый* отдѣлъ. Составилъ Кандидатъ философіи *Александръ Чертковъ*. Въ 8; 118 стран. Спб.

55. *Географія*. Часть *вторая*. Политическая географія Африки, Азіи, Америки и Австраліи. Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Соколовскій*. Въ 8; 149 стран. Спб.

56. *Физіологія Петербурга*, составленная изъ трудовъ Русскихъ литераторовъ, подъ редакціею *Н. Некрасова*. Съ политипажами. Часть *вторая*. Въ 8; 276 стран. Спб.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

10. *Критико-Историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной и Галицкой Руси.* Сочиненіе *Дениса Зубрицкаго.* Переводъ съ Польскаго *Осипа Бодянскаго.* Отъ водворенія Христіанства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго до XV столѣтія. Въ 8; Моск.

Авторъ книги извѣстенъ какъ знатокъ Славянскихъ древностей и исторіи. И переводчикъ его, занимающій въ Московскомъ Университетѣ каѳедру Славянскихъ нарѣчій, вполнѣ преданъ предметамъ разсматриваемаго нами сочиненія. Неудивительно, что появленіе этой исторіи обращаетъ на себя вниманіе людей, ревностно изучающихъ древности всѣхъ племенъ Славянскихъ. Много важныхъ вопросовъ, которыми изъ края въ край перекидываются такъ называемые Панслависты, рѣшить можно съ помощію книги Г-на Зубрицкаго. На Русскій языкъ теперь переведена пока одна первая часть ея. Въ подлинникѣ ихъ пять. Сочиненіе содержитъ въ себѣ слѣдующіе періоды политическаго состоянія Червоной Руси: 1) отъ водворенія Христіанства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго и Короляхъ Угорскихъ до ея завоеванія Казиміромъ III, Королемъ Польскимъ (988—1340 г.); 2) подъ владычествомъ Королей Польскихъ (1340—

1596); 3) отъ начала введенія въ ней Уніи до окончательнаго ея утвержденія (1596 — 1707); 4) отъ окончательнаго утвержденія Уніи до присоединенія къ ней Галиціи (1707 — 1772). Прибавленіемъ къ исторіи служитъ изображеніе состоянія духовной Русской іерархіи по присоединеніи къ Червоной Руси Галиціи и Лодомиріи до возстановленія Галицкой митрополіи; также описаніе благодѣтельныхъ учрежденій Австрійскаго правительства, клонящихся ко благу іерархіи и народа.

11. *О дѣйствіи на здоровье и вліяніи на нравственность кофе, чая и шоколата.* Сочиненіе *А. Сен-Аромана*, хирурга Парижскихъ гражданскихъ и военныхъ госпиталей, почетнаго Члена Тулузскаго медицинскаго Общества соревнованія. Въ двухъ частяхъ. Въ 12; VII и 78 стран. Спб.

См. Соврем. т. XXXIX, стран. 209, № 8 новыхъ переводовъ.

II.

12. *Часы благоговѣнія* для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему Богопочитанію. Часть *осьмая*. Христіанинъ и вѣчность. Въ 8; 283 стран. Спб.

13. *Руководство къ патологической анатоміи Карла Рокитанскаго.* Перевели съ Нѣмецкаго *Дмитрій Минъ* и *Адольфъ Циммерманъ*. Часть *третья*. Выпускъ *второй*. Въ 8; 337 стран. Моск.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

11. *Къ Богу за Царя.* Сочиненіе *Александра Коленковскаго.* Изданіе *второе.* Для пріютовъ, добровольнымъ приношеніемъ. Въ 8; 8 стран. Спб.

12. *Въ память кончины* Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Николаевны. Сочиненіе *Александра Коленковскаго.* Съ портретомъ Великой Княгини Александры Николаевны. Изданіе *второе.* Для инвалидовъ, добровольнымъ приношеніемъ. Въ 8; 19 стран. Спб.

13. *Русскіе простонародные расказы.* Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе *Ѳедора Русанова.* Изданіе *третье.* Въ 18; 107 стран. Моск.

21 ИЮЛЯ 1845.

Опять я здѣсь; опять передо мной
Знакомый прудъ съ проѣзжею плотиной.
На холмикѣ отцвѣтшая калина
Что перія на шлемѣ великана.
Вкругъ сажелки, трепещущія ивы,
Въ журчащій токъ свои спустивши вѣтви,
Подобились Русалкамъ бѣлотѣлымъ,
Которыхъ станъ приподнялся надъ влагой,
А волосы спустилися въ нее.
И вдалекѣ подъ кисеей тумана
Дремучій лѣсъ, трехпольныя поля,
Гдѣ бывшій паръ, припаханный подъ озимь,
Мѣшается съ желтѣющимъ овсомъ.
Рядъ малыхъ избъ, но хорошо покрытыхъ;
Скирды хлѣбовъ, и горы, и луга . . .
Опять я здѣсь!

И вотъ уже два года
Съ тѣхъ поръ прошло, какъ, обуянный горемъ
И тягостнымъ недугомъ побужденный
Предсказывать безвременный конецъ,
Я пѣснію послѣдняго прощанья,
О милый край, привѣтствовалъ тебя.
И отъ того, когда передо мной
Ты развился широкою картиной,
Когда мой слухъ былъ пораженъ журчаньемъ
Твоихъ ключей и шелестомъ деревъ,
И я ступилъ спѣшившею ногой
На узкія, знакомыя тропинки,
Я самъ себѣ какъ будто бы не вѣрилъ
И разсуждалъ — уже ли это сонъ?
Но былъ не сонъ!

И вотъ тебя два года
Я не видалъ — и все перемѣнилось.
Дремучій вязъ, котораго верховье
Какъ облако круглилось колыхаясь,
Растрескался — и облетѣли листья
Какъ волосы съ столѣтняго чела.
Тамъ сажелка съ прокопаннымъ протокомъ
Позаросла гигантскою полынью
И чередой, полезною на что-то.
А тамъ сирень — которая, бывало,
Покрывшися лиловой простыней
Своихъ цвѣтовъ. манила мотылечка
И въ панцыри одѣянныхъ жуковъ,
А тѣ меня — ужъ такъ распространилась,
Что на поджегъ ее рубилъ садовникъ,
И прочее... Но при тебѣ осталось
Важнѣйшее — боярскія хоромы
Съ высокою окрашенною кровлей,
Дуплистыхъ липъ благоуханныя алеи,
И вдалекѣ синѣющія села,
И воздухъ твой, твой чистый, твой родной...

Но болѣе перемѣнился я,
Какъ серебро выходитъ изъ горнила
Очищеннымъ. Два года — много, много.
Меня томилъ стремительный недугъ
Безъ умолку: однако прожилъ я —
И стала смерть не безотвязной тѣнью,
Но облакомъ, исполненнымъ огня
Грозящаго, но кто же вѣсть кому!
Смѣнилося мучительное горе
Безстрастіемъ, не вовсе безопаснымъ.

И, испытавъ во всякихъ видахъ все,
И изслѣдивъ холоднымъ анализомъ
Желанія, я положилъ закономъ,
Чтобъ всякій день обозначался дѣломъ,
Чтобъ не прошло ни одного мгновенья
Безъ мышленья. Сноси же брусья, плотникъ,
Чтобъ дерево скрипѣло подъ пилой,
Чтобы топоръ тесалъ безъ угомону —
И будешь правъ. А Богъ управитъ зданье.
И если мнѣ на жизненной дорогѣ
Взростутъ цвѣты — я ими наслажусь,
Благодаря Подателя благаго —
И какъ огонь, разложенный въ ночи,
Давъ людямъ все, что только можетъ дать,
Съ таинственнымъ смиреньемъ угасаетъ,
Угасну я!

И отъ того гляжу я
Съ блаженною улыбкой на тебя,
О, родина! А все кругомъ затихло.
Лишь изрѣдка залаютъ на деревнѣ,
Да постучитъ за кухней караульщикъ.
Синѣетъ прудъ. Подъ дымчатымъ туманомъ
Теряются отъ взоровъ луговины,
И, будто бы на золоченый гвоздь,
Повѣсили на звѣздочку Пегаса
Блестящій серпъ. Настало время жатвы;
И подлинно: ужъ перепелъ дощелкалъ,
Ужъ клонится подъ тягостью зерна
Засохлая до половины рожь —
И, весело взглянувши, землedѣлъ
Проговорилъ: «всего у Бога много!»

Д. Коптевъ.

ОЧЕРКИ СТАРИННЫХЪ НРАВОВЪ ШВЕЦІИ.

1. *Упсальскій храмъ.*

Хотя уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ Христіанская религія проповѣдуема была по всей Швеціи, однакожъ въ ряду тогдашнихъ королей нѣкоторые дѣйствовали еще въ пользу язычества. Не ранѣе, какъ со второй половины слѣдующаго столѣтія, когда Шведы обязались платить Папѣ особую подать, можно считать Христіанство совершенно утвердившимся въ Швеціи.

Прежде совершались роскошныя жертвоприношенія, особливо въ огромномъ Упсальскомъ храмѣ. Стѣны его были изъ грубаго дикаго камня, но внутри обиты золочеными листами. Тамъ сидѣли рядомъ кумиры Одина, Тора и Фрея, и въ жертву этимъ богамъ народъ приносилъ пѣтуховъ, ястребовъ, собакъ, лошадей, и—въ случаѣ тяжкихъ бѣдствій народныхъ — даже людей, но только мущинъ, такъ-какъ и изъ животныхъ употребляли на то однихъ самцевъ. Во время жертвоприношенія жрецы пѣли мрачныя пѣсни—и мертвыя тѣла, которыя оставались не съѣденными, были развѣшиваемы на деревьяхъ въ большой рощѣ, окружавшей храмъ. Рощу эту язычники почитали великою святыней, и иногда тамъ висѣло болѣе пятидесяти труповъ, особливо, когда черезъ каждыя девять лѣтъ производилось ве-

ликое жертвоприношеніе, при которомъ закалаемо было по девяти самцевъ всѣхъ породъ животныхъ. Съ отмѣною этихъ жертвоприношеній прекратились въ Упсалѣ и всенародныя собранія, такъ-что крестьяне уже не могли болѣе участвовать въ государственномъ управленіи. Такъ-какъ сверхъ того запрещено было кому бы то ни было, кромѣ охранной дружины королевской, носить оружіе, то крестьяне мало по малу утратили свой прежній вѣсъ, и епископы съ вельможами рѣшали всѣ дѣла на особыхъ совѣщаніяхъ.

Введеніе Христіанской вѣры въ Швеціи, какъ и почти вездѣ, не обошлось безъ борьбы. Несогласіе религіозное давало нерѣдко поводъ къ ссорамъ и за престолъ. Король Инге старшій (въ исходѣ XI-го вѣка), преслѣдовавшій язычество, долженъ былъ бѣжать, и торжествующіе идолопоклонники избрали преемникомъ его Блотсвена, который обѣщалъ имъ защиту и покровительство. Онъ сдержалъ слово, но черезъ три года Инге явился, прогналъ его и самъ вторично сдѣлался королемъ. Тогда-то онъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, велѣлъ сжечь Упсальское капище и срубить священную рощу вокругъ него. Достовѣрно, что храмъ былъ разрушенъ; оставались только стѣны, которыя въ послѣдствіи были исправлены и распространены, а наконецъ Эрикъ Святой довершилъ построеніе Христіанской церкви, нынѣ называемой старою Упсалой. Еще и теперь на сторонахъ ея можно явственно отличить остатки тѣхъ

старинныхъ толстыхъ стѣнъ, которыя нѣкогда принадлежали капищу.

2. *Биргеръ ярлъ и его законы.—Похищеніе невѣстъ.— Судебные поединки. — Кораблекрушенія. — Основаніе Стокгольма.*

Между первыми Христіанскими королями Швеціи замѣчательнѣйшимъ былъ Эрикъ IX, прославившійся завоеваніемъ южнаго берега Финляндіи. По смерти онъ былъ причисленъ къ лику Святыхъ, и мощи его до сихъ поръ хранятся въ Упсальскомъ соборѣ, въ позолоченной серебряной ракѣ. У Шведовъ ни одинъ Святой не былъ предметомъ такаго усерднаго почитанія, какъ Эрикъ. Въ немъ признавали покровителя всего государства и при всякой присягѣ клялись его именемъ.

При послѣднемъ потомкѣ его, Эрикѣ *шепетливомъ* (Леспе), около середины тринадцатаго вѣка, великую власть присвоилъ себѣ *Биргеръ*, изъ знатнаго рода Фолькунговъ (Фольковичей), который началъ возвышаться еще въ языческое время.

Биргеръ возведенъ былъ въ званіе *ярла* (графа), т. е. сдѣлался первымъ въ государствѣ сановникомъ и сталъ самовластно управлять Швеціею. Еще прежде того онъ женился на сестрѣ слабодушнаго короля, принцессѣ Ингеборгѣ, а вскорѣ обручилъ дочь свою съ принцемъ Норвежскимъ. По вызову Папы онъ предпринялъ потомъ крестовый походъ во внутренность Финляндіи, гдѣ язычество еще оставалось господствующимъ, и завоевалъ среднюю часть этаго

края. Во время отсутствія его умеръ король. Такъ-какъ онъ не оставилъ наслѣдниковъ, то многіе домогались короны. Могущественнѣе всѣхъ былъ родъ Фолькунговъ, и въ короли избранъ былъ сынъ Биргера ярла, Вальдемаръ (1250). Но ему было всего десять лѣтъ отъ роду. Биргеръ, возвратясь изъ Финляндскаго похода, взялъ на себя правленіе государствомъ и до самой смерти своей сохранялъ верховную власть, оставляя безхарактерному сыну только титулъ короля. Самъ онъ принялъ титулъ герцога, дотолѣ неизвѣстный въ Швеціи; но въ народѣ многіе, не понимая дѣла, называли его королемъ.

Благодаря могуществу Биргера, государство въ его время наслаждалось постояннымъ миромъ и спокойствіемъ, потому-что никто не осмѣливался возстать на него. Напротивъ, враждующіе сосѣды часто избирали его посредникомъ.

Биргеръ ярлъ во многомъ исправилъ старинные законы, а нѣкоторые установилъ вновь. Онъ запретилъ кровавую месть, предписавъ, чтобы обиженный искалъ удовлетворенія въ судѣ. Сверхъ того онъ утвердилъ внутреннюю безопасность, отмѣнивъ многіе грубые обычаи.

На сѣверѣ господствовало обыкновеніе, что при сватовствѣ не нужно было спрашивать согласія у невѣсты, а часто даже и у родителей ея. Нерѣдко женихъ являлся въ шляпѣ, съ мечемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своихъ удалыхъ товарищей, и когда онъ добромъ не получалъ той, которой желалъ, то похищалъ ее силою, при чемъ отецъ ея и братья

часто были умерщвляемы. Случалось, что принужденная вытти за человѣка ненавистнаго, за того, кто убилъ ея ближайшихъ родственниковъ и надъ нею самой позволилъ себѣ грубѣйшее насиліе, отмщала ему, когда представлялся къ тому удобный случай, хотя бы не прежде, какъ по истеченіи многихъ лѣтъ. Иногда она умерщвляла мужа, иногда только прижитыхъ съ нимъ дѣтей, чтобы горе отца было тѣмъ ужаснѣе. Такія разбойническія похищенія невѣстъ происходили особенно, когда обрученные ѣхали вѣнчаться въ церковь или къ священнику. Тогда безуспѣшно сватавшійся садился съ друзьями своими у дороги въ засаду, нападалъ на свадебный поѣздъ, убивалъ жениха и увозилъ невѣсту. По-этому всегда призывалось нѣсколько здоровыхъ молодыхъ людей, которые должны были защищать невѣсту въ пути. Биргеръ ярлъ постановилъ, чтобы никто не смѣлъ такимъ образомъ безпокоить женщинъ, объявивъ, что нарушитель этаго запрещенія будетъ лишенъ покровительства закона.

Прежде водилось, что судья, для рѣшенія, кто правъ, кто виноватъ, предписывалъ тяжущимся поединокъ, вѣря, что Богъ поможетъ невинному; но въ судахъ завелись наемные бойцы, которые за деньги брали борьбу на себя, и тотъ, кто могъ подрядить самаго сильнаго бойца, былъ увѣренъ, что выиграетъ тяжбу. Иногда, въ сомнительномъ случаѣ, судья требовалъ *испытанія желѣзомъ*. Обвиненный долженъ былъ босикомъ пройти по девяти раскаленнымъ зубьямъ бороны, или на голыхъ ру-

кахъ пронести раскаленное желѣзо. Если онъ при этомъ оставался невредимъ, то заключали, что самъ Богъ свидѣтельствовалъ его невинность. Правда, и прежде эти способы доказательства были запрещаемы, но они не выходили изъ употребленія. Биргеръ ярлъ отмѣнилъ ихъ совершенно.

Прежде, дочери вовсе не участвовали въ наслѣдствѣ отъ родителей. Биргеръ ярлъ постановилъ, что дочь получаетъ половину противъ того, что достается сыну. Былъ обычай, что бѣдные шли въ кабалу къ богатымъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ по смерть содержали и кормили. Но Биргеръ запретилъ и это, находя, что не годится одному человѣку быть рабомъ другаго. Водилось также, что когда какой-нибудь корабль терпѣлъ крушеніе, то береговые жители грабили его, и спасенные поступали къ нимъ въ рабство, потому-что тѣ считали, или притворялись, будто считаютъ судно кораблемъ морскаго разбойника Обыватели на шкерахъ поступали такимъ образомъ со всѣми испытавшими кораблекрушеніе, хотя въ то время народы, жившіе по берегамъ всего Балтійскаго моря, уже приняли крещеніе, и разбойническіе походы викинговъ прекратились. Биргеръ старался уничтожить этотъ варварскій обычай, и ему въ томъ усердно содѣйствовало духовенство. Архіепископъ на 100 дней обѣщалъ отпускать грѣхи тѣмъ, которые окажутъ помощь разбитымъ бурею. Напротивъ, тому, кто осмѣлится грабить ихъ, объявлялось отлученіе отъ церкви, съ

угрозою, что если онъ во время такаго проклятія умретъ, то тѣло его будетъ брошено въ море.

Этими и многими постановленіями такаго рода Ярлъ способствовалъ къ смягченію нравовъ и исправленію понятій, отъ чего и внѣшняя жизнь общественная мало по малу стала терять свою грубость. Прежде печью служилъ большой очагъ среди пола, и дымъ выходилъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Теперь начали устроивать печки въ углу комнаты, и при томъ съ порядочною дымовою трубой. Для питья, вмѣсто роговъ, стали употреблять кубки; и постепенно входила въ употребленіе иностранная тонкая одежда.

Биргеръ ярлъ считался основателемъ Стокгольма. О происхожденіи этаго города есть много старинныхъ преданій. Расказываютъ между прочимъ, что когда Эсты раззорили Сигтуну, то тамошніе жители спрятали много золота и серебра въ бревно и бросили его въ море, намѣреваясь поселиться и заложить новый городъ на томъ мѣстѣ, куда будетъ прибито это бревно. Говорятъ, что оно остановилось при Риддаргольмѣ *, гдѣ будто и до сихъ поръ хранится въ старой сѣрой башнѣ. Отъ того островъ получилъ названіе *Стокгольма* (Stock значитъ *бревно*, holm *островъ*), и выходцы изъ Сигтуны сдѣлались первыми его жителями. Городъ былъ въ то время очень малъ, занимая только островъ, на которомъ теперь находится собственный городъ.

Здѣсь-то Биргеръ ярлъ построилъ двѣ высокія

* Названіе церкви въ нынѣшнемъ Стокгольмѣ.

башни, а между ними двѣ стѣны. Это укрѣпленіе должно было заграждать всѣмъ викингамъ входъ въ озеро Меларъ. По тогдашнему обычаю, городъ составился изъ узенькихъ улицъ, съ высокими домами, у которыхъ щипецъ обращенъ былъ къ улицѣ.

3. *Магнусъ замо́къ житницъ.* — *Первыя станціи.*

По смерти Биргера дѣла управленія пришли въ разстройство. Сынъ его Вальдемаръ былъ изнѣженъ и предавался увеселеніямъ. Онъ отправился на богомолье въ Іерусалимъ и на время своего отсутствія назначилъ правителемъ брата своего Магнуса. По возвращеніи своемъ Вальдемаръ обвинилъ его въ умыслѣ похитить престолъ, и между ними возникло междоусобіе. Въ рѣшительномъ сраженіи Вальдемаръ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Королемъ сдѣлался *Магнусъ*.

Онъ отличался строгостію во всемъ, что касалось законовъ и повиновенія имъ.

Въ то время, когда путешествія были рѣдки — не было ни хорошихъ дорогъ, ни станцій; всякому вмѣнялось въ обязанность оказывать проѣзжему гостепріимство. Если же это не соблюдалось, то путешественникъ вламывался насильно въ житницу или кладовую крестьянина и бралъ, что̀ ему было нужно. Магнусъ строго запретилъ эту такъ называвшуюся *насильственную гостьбу*. Въ каждой деревнѣ опредѣленъ былъ *гостинникъ* (по нынѣшнему содержатель станціи), съ обязанностію назначать,

кому изъ крестьянъ принимать проѣзжаго, и всякій, кто уклонялся отъ исполненія этой повинности, долженъ былъ вносить штрафъ; путешественникъ же, который не платилъ за полученные припасы, или даже силою отнималъ у крестьянина имущество, подвергался строгому наказанію. Такъ-какъ король Магнусъ ревностно поддерживалъ это учрежденіе, то оно значительно способствовало къ внутреннему спокойствію и безопасности. Крестьянамъ казалось, что онъ этимъ какъ будто привѣсилъ надежный замòкъ къ ихъ житницамъ, и потому называли его Магнусъ *замòкъ житницъ* (Ладулосъ); онъ въ исторіи извѣстенъ подъ этимъ прозваніемъ.

4. *Происхожденіе дворянства и гербовъ. Духовенство и рыцари.*

Въ древности всякій Шведскій подданный обязанъ былъ, по призыву короля, являться для похода въ полномъ вооруженіи, то есть, въ шлемѣ, при щитѣ, съ мечемъ, лукомъ и тремя дюжинами стрѣлъ, а также съ припасами на довольно долгое время. Но въ эту пору военное искуство начало принимать новый видъ въ южной Европѣ. Всадники одѣвались въ желѣзо съ головы до ногъ, и самые кони ихъ были въ доспѣхахъ; оружіемъ служили имъ мечь и длинное, крѣпкое копье. При такомъ надежномъ вооруженіи, имъ нѣчего было бояться ударовъ и стрѣлъ пѣхоты; напротивъ, когда тѣсно-сомкнутый отрядъ такихъ всадниковъ, протянувъ всѣ длинныя копья впередъ,

нападалъ на пѣшихъ, то имъ невозможно было противиться. Копья пронзали ихъ прежде, нежели они успѣвали отразить непріятеля; бывшіе впереди падали; ряды разстроивались; уцѣлѣвшихъ затаптывали тяжелыя лошади. Въ войнѣ съ Даніею Магнусъ узналъ, какъ полезны такіе всадники, и захотѣлъ ввести ихъ у себя; но люди недостаточные не могли запастись надлежащимъ вооруженіемъ. Поэтому онъ объявилъ, что всякій, кто на службу королю поставитъ всадника, одѣтаго въ доспѣхъ, съ конемъ и оружіемъ, будетъ за то пользоваться совершенною свободою отъ всякихъ другихъ повинностей по своему имѣнію. Такое имѣніе стало называться льготнымъ (frälse), откуда въ послѣдствіи и возникло дворянство. Люди, такимъ образомъ освобожденные отъ податей (обѣльные), обыкновенно носили на щитахъ своихъ какое-нибудь изображеніе, чтобы посредствомъ его узнать другъ друга, такъ-какъ лице было закрыто шлемомъ. Такія изображенія часто переходили въ наслѣдство отъ отца къ сыну, и вотъ какъ произошли въ послѣдствіи дворянскіе гербы.

Духовенство еще гораздо ранѣе освобождено было отъ всѣхъ казенныхъ податей, такъ же, какъ и отъ свѣтскаго суда. Этѣ льготы были дарованы ему уже въ первыя времена послѣ Эрика IX, когда короли, для усиленія власти своей, старались привлечь на свою сторону духовенство. О томъ же заботился и Магнусъ замо̀къ житницъ: онъ построилъ много монастырей и распространилъ льготы

духовныхъ. Своею пышностію и рыцарскими играми онъ большую часть дворянства склонилъ въ свою пользу, особливо же учрежденіемъ званія рыцарей. При основаніи женскаго монастыря Св. Клары упоминаются первые рыцари въ Швеціи, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, орденъ Серафимовъ основанъ былъ Магнусомъ при этомъ случаѣ. Достоинствомъ рыцарей особенно дорожили, потому-что пожалованный имъ полѣзовался гораздо бòльшимъ уваженіемъ, нежели знатнѣйшіе дворяне, и только жена рыцаря имѣла право называться госпожею (fru). Крестьяне также очень любили Магнуса за то, что онъ охранялъ ихъ отъ самовластія сильныхъ.

5. *Торкель-Кнутсонъ въ Финляндіи. Война съ Русскими.*

Передъ смертію Магнусъ вѣнчалъ на царство старшаго сына своего Биргера, а государственному маршалу * *Торкель-Кнутсону* поручилъ управлять Швеціею во время малолѣтства *Биргера*. Другихъ сыновей своихъ назначилъ онъ герцогами разныхъ областей.

Король Эрикъ Святой обратилъ и завоевалъ южную Финляндію, Биргеръ ярлъ среднюю и западную (Тавастландію); но восточная сторона еще

* Этотъ титулъ соотвѣтствуетъ званію Военнаго Министра. По смерти Биргера ярла уничтожено было достоинство *ярла,* такъ-какъ съ нимъ соединялась власть, опасная для самаго короля. Послѣ того первыми сановниками стали: *Riksdrots* (родъ Министра внутреннихъ дѣлъ) и *Riksmarsk* (государственный маршалъ, военный Министръ). Въ послѣдствіи мало по малу возникла еще должность государственнаго канцлера (*Rikskansler*).

оставалась въ язычествѣ. Эта часть называлась *Киріаландіею* или *Кареліею;* жители ея Карелы были дикій, необузданный народъ; въ своихъ обширныхъ, пустынныхъ лѣсахъ поклонялись они идоламъ, страшно свирѣпствуя противъ Христіанъ.

Маршалъ рѣшился положить конецъ жестокостямъ Кареловъ, собралъ войска и поплылъ (1293) въ Финляндію. Язычники не могли противиться и вскорѣ были покорены. Чтобы держать ихъ въ повиновеніи, Торкель-Кнутсонъ основалъ зàмокъ Выборгъ, гдѣ оставилъ значительную рать; сверхъ того, епископъ Петрусъ, прибывшій вмѣстѣ съ войскомъ изъ Швеціи, усердно трудился надъ обращеніемъ жителей въ Христіанство. Но такъ-какъ въ этой борьбѣ Кареламъ помогали Русскіе, то маршалъ пошелъ на нихъ и взялъ ихъ крѣпость Кексгольмъ; послѣ чего онъ отправился назадъ въ Швецію. Въ Кексгольмѣ оставилъ онъ часть войска; но тамъ вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи; Русскіе, узнавъ о томъ, облегли крѣпость и взяли ее.

6. *Шведы на Невѣ.*

Тогда маршалъ снова вооружилъ рать, поплылъ съ нею на востокъ противъ Русскихъ и вошелъ въ Неву. Не встрѣчая здѣсь непріятелей, онъ на одномъ островѣ заложилъ сильную крѣпость, которую назвалъ *Ландскроною* (Вѣнцемъ Земли), и началъ собирать всякаго рода припасы для продовольствія охраннаго войска. Такъ-какъ эта крѣпость

совершенно остановила плаваніе по Невѣ, то Русскіе въ числѣ тридцати тысячь человѣкъ ополчились на Шведовъ. Сначала они устроили большіе костры изъ хворосту, вышиною въ порядочный домъ, загли ихъ и пустили по теченію воды, чтобы огнемъ истребить весь Шведскій флотъ. Но маршалъ велѣлъ построить твердыя укрѣпленія (болверки) и черезъ воду протянуть толстыя желѣзныя полосы. Этимъ способомъ онъ удержалъ пылающія груды, которыя сгорѣли безвредно, и корабли его были спасены. Русскіе, видя, что военная хитрость ихъ не удалась, рѣшились взять крѣпость приступомъ и напали на нее съ отчаянною отвагой. Но стѣны Ландскроны были такъ крѣпки, Шведы стрѣляли оттуда, рубились и кололись такъ упорно, что всѣ усилія Русскихъ были тщетны. Наконецъ Матсъ (Матвѣй) Кетильмундсонъ, молодой и храбрый витязь, сдѣлалъ вылазку и прогналъ непріятелей. Русскіе на этомъ приступѣ потеряли множество народа. Часть ихъ конницы, около тысячи человѣкъ, остановилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости передъ лѣсомъ; яркая збруя и красивые доспѣли сіяли на солнцѣ. Шведы съ крѣпостнаго вала видѣли этотъ отрядъ. Матсъ Кетильмундсонъ выступилъ и сказалъ, что если маршалъ позволитъ, то онъ желаетъ выйти на единоборство съ храбрѣйшимъ изъ непріятелей. Получивъ на то разрѣшеніе маршала, онъ взялъ свое оружіе, велѣлъ осѣдлать коня и вспрыгнулъ на него. Всѣ Шведы взошли на валъ, чтобы видѣтъ бой. Рыцарь

безстрашно поскакалъ къ непріятелямъ и отправилъ къ нимъ переводчика объявить, что Шведскій рыцарь готовъ биться съ храбрѣйшимъ изъ Русскихъ за жизнь, имущество и свободу. При этомъ извѣстіи Русскій Князь собралъ своихъ бойцевъ, но ни одинъ не изъявилъ охоты помѣряться съ витяземъ Матсомъ. И–такъ Шведскій воитель цѣлый день просидѣлъ передъ Русскими и прождалъ напрасно. Подъ-вечеръ онъ поѣхалъ назадъ въ крѣпость и былъ принятъ съ великою радостью и съ похвалами его отвагѣ. Ночью же Русскіе отступили и пошли обратно во–свояси.

Вскорѣ удалились и Шведы, за исключеніемъ трехъ сотъ человѣкъ, оставшихся въ Ландскронѣ для охраненія крѣпости. Но Русскіе, окруживъ ее и принудивъ Шведовъ къ сдачѣ, разорили Ландскрону (1300) и тѣмъ положили конецъ войнѣ. *

7. *Казнь Торкель–Кнутсона. Король Биргеръ губитъ братьевъ.*

Король Биргеръ и два брата его, герцоги, часто ссорились. Примирившись однажды, они стали

* Въ Расказахъ Шведскаго писателя Фриксе́ля, откуда мы извлекли большую часть настоящихъ очерковъ, сказано, что эта война была первою между Русскими и Шведами. Скандинавскія хроники дѣйствительно ничего не упоминаютъ о той побѣдѣ, какую, по извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ, Александръ Невскій одержалъ надъ Шведами за полвѣка до того, т. е. еще во время похода *Биргера ярла.* Но другой историкъ Шведскій, Гейеръ, безпристрастно принимаетъ это Русское извѣстіе за достовѣрное, ссылаясь на грамоты Папскія, проповѣдывавшія крестовый походъ не только на Финновъ, но и на «невѣрныхъ Русскихъ,» которые тревожили Христіанъ въ Финляндіи. Подробности похода Торкель-Кнутсона описаны у Фрикселя довольно сходно съ тѣмъ, что и Карамзинъ расказываетъ по исторіи Шведа Далина.

говорить, что Торкель-Кнутсонъ былъ причиною прежнихъ несогласій ихъ, и, отправясь къ нему со многими рыцарями, измѣннически схватили его. Посадивъ его на коня, связали ему ноги и поспѣшно поѣхали съ нимъ въ Стокгольмъ. Тутъ его торжественно объявили виновникомъ раздоровъ между братьями, прибавивъ еще, что онъ своею расточительною жизнію истощилъ доходы государственные. Его вывели за городъ. Тамъ напередъ вырыли могилу въ неосвященной землѣ, а потомъ отсѣкли ему голову мечемъ. Надъ могилою устроили шатеръ съ алтаремъ и крестомъ, гдѣ служили ему панихиды, и всѣ, проѣзжавшіе мимо, останавливались и молились за его душу. Въ слѣдующую весну родственники его испросили у Короля позволеніе выкопать тѣло и съ великолѣпными обрядами похоронили его въ Францисканскомъ монастырѣ.

По смерти маршала между братьями вновь открылась явная вражда. Они не разъ мирились; но наконецъ Герцоги прибѣгли къ гнусному вѣроломству. Они поѣхали къ Биргеру въ зàмокъ, схватили его и отвезли въ Ничепингъ. Король долженъ былъ уступить имъ двѣ трети государства. Черезъ одиннадцать лѣтъ (1317) онъ отмстилъ имъ такимъ же низкимъ, но еще болѣе жестокимъ образомъ.

Герцогъ Вальдемаръ собрался въ Стокгольмъ, принадлежавшій къ его трети. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Ничепингъ, чтобы поговорить съ королемъ, братомъ своимъ, съ которымъ онъ давно не видѣлся. Король Биргеръ пошелъ къ нему на встрѣ-

чу, привѣтствовалъ его дружелюбно и угостилъ съ видимымъ радушіемъ. Такъ же обошлась съ нимъ и королева Мерта. Герцогъ былъ очень радъ дружбѣ и остался у нихъ ночевать. Вечеромъ Мерта жаловалась ему, что герцогъ Эрикъ убѣгаетъ своего брата Биргера, чѣмъ она чрезвычайно огорчена, потому-что Богу извѣстно, какъ она любитъ своего деверя. На другое утро Вальдемаръ уѣхалъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ своими слугами, которые также были очень хорошо приняты королемъ. Изъ Стокгольма онъ прямо поѣхалъ къ другому брату, жившему въ Вестманландіи. Эрикъ, расказавъ, что Король недавно приглашалъ его къ себѣ, спросилъ у Вальдемара, какъ онъ думаетъ, можно ли безопасно ѣхать туда. На это Вальдемаръ, не колеблясь, отвѣчалъ утвердительно, и описалъ, какъ самъ онъ былъ принятъ въ Ничепингѣ. Эрикъ долго не соглашался ѣхать, увѣряя, что онъ боится Королевы; однако жъ наконецъ рѣшено было исполнить желаніе Короля. И-такъ они отправились. Но когда они подъѣхали уже къ Ничепингу, то ихъ остановилъ рыцарь, который сказалъ имъ, что и сами они и друзья ихъ много потерпятъ горя, если оба Герцога въ одно время навѣстятъ Короля. На это герцогъ Валдемаръ отвѣчалъ гнѣвно, что и такъ ужъ довольно есть людей, которые стараются ссорить братьевъ. Услышавъ такой отвѣтъ, рыцарь удалился; а Герцоги продолжали путь. Вскорѣ встрѣтилъ ихъ другой рыцарь съ поклономъ отъ Короля и настоятельною

просьбой, чтобъ они не останавливались, пока не пріѣдутъ въ Ничепингъ, гдѣ Король такъ нетерпѣливо ожидаетъ ихъ. Они послушались его и въ тотъ же вечеръ прибыли въ Ничепингъ. Король принялъ ихъ чрезвычайно ласково и угостилъ роскошно. Но когда наступила ночь и они улеглись, то онъ велѣлъ людямъ своимъ взять факелы въ руки и съ ними пошелъ къ Герцогамъ въ спальню. Они проснулись отъ шума въ коридорѣ, и Вальдемаръ вскочилъ и накинулъ на себя плащъ (они были совершенно раздѣты). Но въ тотъ же мигъ вошли слуги, человѣкъ десять, съ обнаженными мечами, и нѣкоторые хотѣли тотчасъ же изрубить Вальдемара; но онъ схватилъ однаго изъ нихъ и ударилъ объ-полъ, призывая брата на помощь. Герцогъ же Эрикъ, видя такое множество вооруженныхъ людей, сказалъ: «оставь ихъ, братъ; тутъ сопротивляться напрасно» — и они сдались безъ боя, чтобы только сохранить жизнь. Тутъ вбѣжалъ Король, гнѣвно и дико поводя глазами. «Помните ли вы», сказалъ онъ, «что было между нами? Хоть поздно, я заплачу вамъ долгъ мой.» Онъ велѣлъ связать имъ руки и босыхъ отвести въ глубокій подвалъ башни, гдѣ ноги ихъ были закованы въ длинную цѣпь; а самъ, отъ радости всплеснувъ руками, воскликнулъ съ веселой улыбкой: «благослови, Святой Духъ, мою королеву! Теперь вся Швеція въ моихъ рукахъ!»

Вскорѣ послѣ того король Биргеръ уѣхалъ, чтобы овладѣть государствомъ, и поручилъ братьевъ

Лифляндскому рыцарю, который посадилъ ихъ въ самую глухую темницу и забилъ ихъ ноги въ колоду. Между-тѣмъ Биргеръ вездѣ былъ встрѣченъ непріязненно и со стыдомъ возвратился въ Ничепингъ, куда двинулся и народъ для освобожденія герцоговъ. Тогда Король замкнулъ ворота башни, гдѣ они сидѣли, и въ бѣшенствѣ бросилъ ключи въ глубокую рѣку, и братья никогда уже болѣе не выходили оттуда живые: преданье гласитъ, что они умерли съ голоду. Биргеръ же былъ изгнанъ изъ Швеціи, а сынъ его казненъ смертію, хотя и не участвовалъ въ злодѣяніи отца.

Я. Гротъ.

Гельзингфорсъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXIX ТОМА.

	Стран.
Участь и гибель Римской фамиліи Ченчи. *Изъ Шведскаго поэта* Никандера.	5.
Юношѣ	35.
Путевыя письма Кастрена (Финляндскаго Ученаго) изъ сѣверной Россіи . .	36.
О необходимости тѣлеснаго воспитанія. *Изъ Вольфганга Менцеля* С. И. Барановскій	75.
Сцена изъ новой драматической поэмы: «*Дѣвушка*». Д. И. Коптева . .	89.
Степи Сиріи. Н. Берга	106.
Русалка. Е. П — — вой	108.
Е — — П — — вой. Ю. П. Л — — ля	110.
Завѣтный подарокъ. А. Марсельскаго.	112.
Письма изъ Парижа. Русской Дамы . .	113 и 264.
Обзоръ новѣйшихъ трудовъ Нѣмецкихъ Ученыхъ по части Исторіи Германіи. *Съ Нѣмецкаго* К. К. Герцъ.	147.
Непризнанный кладъ. *Расказъ Шведскаго поэта* Никандера	157.
Музыка. М. Салтыкова	212.

	Стран.
Любовь пѣвца. N. N.	213.
Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ. В. А. Жуковскаго	225.
Гуманисты и Реалисты. Ѳ. А.	289.
Изъ *Байрона*. М. Салтыкова	318.
Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи. Я. К. Грота	321.
Новыя Сочиненія.	93, 200 и 307.
Новые Переводы	103, 218 и 315.
Новыя Изданія	104, 221 и 317.

КОНЕЦЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.